

Взрыв любви

Гаутам Сачдева

Explosion of Love

Gautam Sachdeva

Гаутам Сачдева
Взрыв любви

Gautam Sachdeva

Explosion of Love

Copyright © 2011 by Gautam Sachdeva (Autor). All rights reserved.

© Перевод. Котомина Л. И., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Посвящается Рамешу С. Балсекару

«Есть мир иной...
но Он этот»^{[\[1\]](#)}

Уроборос

Древний мифологический символ Уроборос изображает змея, проглатывающего собственный хвост и, таким образом, образующего кольцо. Он пожирает и одновременно воспроизводит себя. Обе стороны дуальности – рождение и смерть – являются аспектами его существа. Аспект смертности сделал змея символом бессмертия, а кольцо – символом вечного единства всех вещей, символом Единого.

Что означают смерть и бессмертие, символизируемые Уроборосом? Сотни тысяч рождений и смертей имели место на протяжении эонов. Тела рождались, тела умирали. Физическое тело смертно.

Между рождением и смертью находится существование. Существование, которое для человека означает сознание. С момента зачатия до момента смерти сознание является силой, оживляющей тело. Вы читаете это потому, что вы сознательны. Я написал это потому, что я сознателен. Без сознания не могло бы быть ни чтения, ни письма. Мы просто были бы двумя инертными телами.

Благодаря Сознанию *есть* мир. Благодаря Сознанию *есть* вы. Сознание Вечно. Не существует никого и ничего, что следует почитать, чему следует поклоняться, поскольку Сознание – это все сущее. Все, что существует, это видимости, которые существуют в Сознании, включая богов, которым мы поклоняемся. Разве это не очевидно? Если бы мы не обладали сознанием, то как бы мы могли поклоняться любым богам? Однажды мужчина, который думал, что задает умный вопрос Шри Нисаргадатте Махараджу, спросил мудреца, что тот будет делать, если Господь Шива и Господь Вишну войдут и встанут перед

ним? Он смутился и даже обиделся, когда Махарадж ответил ему, что попросил бы их немедленно уйти. Поскольку то, что пришло, не представляет интереса, ибо рано или поздно это должно уйти. Ему интересно только то, что Вечно – ТО, что существует всегда. Конечно, Махарадж всего лишь попытался обратить внимание человека на то, что для того чтобы просто увидеть Шиву и Вишну, нужно обладать сознанием.

Вот что показывает нам Уроборос: то, чем мы на самом деле являемся, – это не тело, которое умрет, но вечное Сознание, которое не знает смерти. Сознание – это «вы», «я», «он» и, «она».

Самая главная цель любого алхимика – это обретение философского камня, который способен превратить простой металл в золото. Философский камень также считается эликсиром жизни, дарующим бессмертие. Уроборос – еще один важный алхимический символ, означающий, что «конец – это начало, а начало – это конец». Знаменитый рисунок Уробороса в алхимическом тексте *The Chrysopoeia of Cleopatra*^[2] изображает змея, образующего кольцо вокруг слов: «Единое есть Все».

Единое, или одно, – это то, что не является противоположностью цифре «два». Единое, или одно, которое просто означает «не два». Одно, которое предшествует всем разделениям и при этом включает в себя все разделения, – это и есть Сознание. «Есть мир иной... но Он этот».

Введение

Однажды тихим воскресным утром, сидя за чашкой чая в ресторане, который находится рядом с Храмом Махалакшми в Мумбаи, мы с друзьями решили посетить *самади* (место захоронения) гуру – знаменитого мудреца Нисаргадатты Махараджа, поскольку оно находилось неподалеку, всего в десяти минутах езды на машине. Нисаргадатта Махарадж является одним из выдающихся представителей индийской философии Адвайты (*не-двойственности*). Он практически не имел образования, не знал святых писаний, однако множество людей со всего мира стремилось попасть в его тесную мансарду, расположенную в небогатом районе Мумбаи. Этот интерес к философу возник после того, как в 1973 году была опубликована его книга «Я есть ТО. Беседы со Шри Нисаргадаттой Махараджем».

Сам Махарадж не хотел иметь *самади* после своей смерти, так как все его учение было основано на концепции: «Ты – не тело». Поэтому мы решили, что лучше вместо его *самади* посетим *самади* его гуру и выразим свое почтение мудрецу, чей ученик стал одним из величайших современных мастеров Адвайты, появившихся на этой земле. Без долгих раздумий мы поймали такси и поехали.

Такси свернуло на узкую улочку, и внезапно я ощутил, как внутри меня возникло явно выраженное чувство страха. Это чувство было похоже на страх, который ощущаешь, когда идешь по безлюдной улице поздно ночью и знаешь, что за тобой никто не идет, но все же оглядываешься, просто для того, чтобы убедиться, что там никого нет.

Во мне существовала часть, которая наблюдала этот страх, и другая часть, которая испытывала его. Это было очень странное ощущение. Вскоре такси остановилось, мы вышли. Я чувствовал, что мое сердце почему-то бьется все сильнее и сильнее, но причину этого своего состояния я понять не мог. Когда мы вошли во двор, мой друг Викрам попросил меня присесть на бортик и снять обувь, прежде чем ступить на площадку самади.

Это был момент, когда кое-что начало проясняться. Я поднял голову, чтобы осмотреться, и мой взгляд упал на два железных контейнера, лежавших примерно в сорока футах справа, которые использовались для погребального костра; в них клали дрова, чтобы кремировать мертвых. И только тогда до меня дошло, что мы оказались на смашане^[3] Банганга. И это тот самый бортик, на котором двадцать лет назад, еще будучи маленьким мальчиком, я сидел вместе с семьей и наблюдал, как ярко горел в ночи погребальный костер моего отца.

Внезапно меня окликнул мой друг, не знавший ничего о чувствах, переполнявших мое сердце: «Смотри!» Я посмотрел и прямо перед собой, меньше чем в десяти футах, увидел самади Шри Сиддхарамешвара Махараджа.

Я был поражен: после перерыва в двадцать лет я был доставлен в то же самое место учением, которое несло идеи, полностью противоположные тому, о чем я думал, когда я был четырнадцатилетним мальчиком. Я тогда думал, что смерть – это конец всему, что жизнь закончена, и закончена навсегда. И неоспоримые доказательства этого в виде мертвого тела были прямо перед глазами.

В детстве, всякий раз, когда на улицах Мумбаи мне встречалась небольшая группа людей в белом, которые несли похоронные носилки с телом, обернутым саваном и осыпанным цветами, я ощущал страх. У меня просто волосы вставали дыбом. Я понимал смерть как конец всего. Какая необратимость была заключена для меня в этих сценах! При виде похоронной процессии у меня в голове сразу возникала мысль: «Я не хочу умирать». За ней тут же следовала другая: «Может, и не хочешь, но когда-нибудь и ты умрешь». Иногда я задумывался: «Что со мной будет, когда я умру?»

Похожие мысли недавно высказала одна моя подруга. Она сказала, что до сих пор помнит ужас, который испытывала ребенком при виде

некрологов в газете. Ей сказали, что все фотографии, которые она видела там, были фотографиями мертвых людей. Естественно, напрашивался вывод, что и ее фото однажды появится на этой странице, отчего ей становилось очень грустно и тревожно.

Я помню, как в детстве часто слышал индийскую песню, где был такой припев: «*Tum jiyo hazaaro saal*», что в переводе означает: «Чтобы ты жил тысячу лет». Эта песня часто звучала на днях рождения. Всякий раз, когда я ее слышал, в сердце возникала печаль. Вместо того чтобы делать меня счастливым, песня делала меня грустным, просто потому, что, как это ни парадоксально, напоминала мне о краткости жизни моих близких, неуклонно шагавших к своей смерти, так же как и я. Поэтому, когда эта песня звучала на праздновании дня рождения и я видел, как другие радостно подпевают солисту, в моих ушах звучал похоронный звон. И хотя песня должна была создавать радостное настроение (ведь в ней имениннику желали прожить тысячу лет), я думал, что довольно нелепо слышать, как люди поют о том, что, как они знают в глубине души, невозможно. Кто же проживет тысячу лет? Мне бы этого хотелось, но я знал, что люди столько не живут.

Я часто спрашивал себя: *«Какой смысл жить, если мы все когда-нибудь умрем? Какой смысл наслаждаться удовольствиями, если смерть заберет их у нас? Как можно быть счастливым при таком сценарии, когда „безжалостный жнец“, или бог смерти Яма, постоянно маячит у тебя за спиной?»*

Еще одно яркое воспоминание моего детства – это статуэтка Жанны д'Арк, которую мама купила в антикварном магазине расположенного в горах небольшого городка Массури. Статуэтка была сделана из красивого белого фарфора. Но я не мог понять, почему Жанна привязана к столбу, почему стоит на куче бревен и прижимает к груди крест. Что там с ней происходило, что должно было с ней случиться? Мама объяснила мне, что Жанна была сожжена на костре, поскольку ее считали ведьмой, хотя на самом деле она была святой. Я пришел в ужас от мысли, что кого-то могли сжечь заживо. Через несколько лет я прочитал, что люди, которых сжигают на костре, на самом деле не испытывают долгих страданий, поскольку их кровь в пламени мгновенно закипает и у человека сразу же разрывается сердце. Для меня это стало хоть каким-то утешением. Какой парадокс: сжигаемое на костре юное, похожее на ангела создание, которое должно было в

считанные часы погибнуть и превратиться в пепел, статуэткой застыло в вечности. И я смотрел на него каждый день. Помню и то, как однажды я прочитал о том, что сердце Жанны якобы не сгорело, что его быстро подобрали и бросили в реку из страха, что его могут сделать реликвией, которой будут поклоняться. Но на этом я прерву свой рассказ, хотя обещаю, что мы еще вернемся к святой Жанне и что в этой книге вы еще прочтете ее историю.

Главным последствием потери отца в подростковом возрасте стала моя нелюбимость. Я пытался перестать любить других людей просто потому, что знал, что мне будет больно, когда они умрут. А я знал, что это рано или поздно с ними случится. И чтобы уберечь себя от боли, мне казалось, что проще всего не позволять себе любить. На самом деле это была бессмысленная затея, только доказывающая обратное, а именно то, что любовь к людям изначально заложена в природе каждого из нас. И для того, чтобы не любить, чтобы запретить себе любить, требуются огромные усилия. А главное, что, сдерживая любовь, я всего лишь причинял себе боль. Ситуация становилась нелепой: я возводил стену, чтобы другие не причинили мне боль, или, скорее, чтобы мне не стало больно от того, что происходит с ними. Однако это противоречило моей человеческой природе, суть которой состояла в том, чтобы любить других. И эта стена, которую я возводил внутри себя, в действительности причиняла боль мне самому.

В юности страх, любовь и смерть были моими постоянными спутниками, играющими в свои игры на площадке моего ума. Они были тремя кусочками пазла моей жизни, и я никак не мог понять, как сложить их воедино.

Я часто думал: «Мы все вырастаем, зная, что однажды умрем, однако смерть кажется нам чем-то далеким». И это происходит потому, что мы не знаем, что это такое. Ведь в жизни, которую мы проживаем, мы еще не умирали. И хотя мы знаем, что такое терять близких, знаем, что смерть неизбежна, что наша жизнь обязательно когда-нибудь закончится, где-то глубоко внутри каждого из нас живет *какое-то чувство*, какое-то смутное *ощущение*, что мы не умрем. Вам не кажется это странным?

И лишь спустя много лет ко мне пришло понимание: ощущение, что мы не умрем, существующее глубоко внутри каждого из нас, есть у нас просто потому... потому что мы не умрем. Глубоко внутри мы

чувствуем, что будем жить вечно, потому что... это так и есть. И если мы не умираем, то *кто* или *что* умирает? И что живет вечно? На эти и многие другие вопросы я постепенно получил ответы. Они пришли ко мне один за другим в течение тех лет, когда я посещал беседы Рамеша Балсекара.

Когда мне исполнилось тридцать, счастливая судьба свела меня с мудрецом, чье учение явилось для меня подтверждением достоверности моих впечатлений от жизни с того самого момента, когда я стал их запоминать. В этой книге я обращаюсь к Рамешу Балсекару как к гуру, как к мастеру, как к учителю (все эти термины возникали в моей голове спонтанно – по мере написания этой работы). И слова эти – всего лишь ярлыки для того, чему нет названия. Он был моим гуру (что буквально означает: «тот, кто рассеивает мрак невежества»). Он рассеял мрак, осветив лучом недвойственности мои переживания. Так же как дикий зверь, замерев, цепенеет, когда луч фонаря светит ему в глаза, так и меня учение захватило, не оставив мне никаких вариантов. Я мог видеть все, что испытал, лишь в ясном свете этого учения. Рамеш просил меня писать [мои книги] так, как их писал бы человек, «практикующий» учение в повседневной жизни. Он, таким образом, стал моим Учителем, но он был и философом, и советчиком, и моим другом.

Рамеш был и гуру, и домохозяином, что означает отсутствие оранжевых одеяний, отсутствие ашрама. В юности он занимался бодибилдингом, тридцать семь лет был банкиром, он был мужем, отцом, дедом и прадедом. Он был очень доступным человеком, который проводил беседы в своей гостиной на юге Мумбаи, куда стекались ищущие со всего света.

Под воздействием учения Рамеша и учения его гуру Нисаргадатты Махараджа кусочки пазла постепенно вставали на свои места, чтобы в конце концов явить единую величественную картину. Когда я начал читать книги, составленные по беседам с Махараджем, большая часть прочитанного, как мне казалось, не имела смысла, и все же его высказывания достигли своей цели и оказали на меня глубокое воздействие. Некоторые идеи его учения поднимались, попадая в мою голову, но в то же время опускались и попадали прямо мне в сердце. Читателя этой книги ожидает щедрое угощение из ссылок как на учение Рамеша, так и на учение Махараджа. И я не стремился

избежать их, так как знал, что они «возникали» там, где были нужны, и тогда, когда должны были возникнуть.

Я только что закончил рукопись моей последней книги об учении Рамеша^[4], но он попросил меня включить в нее еще и фрагмент о терактах в Мумбаи (26 ноября 2008), изложив все это в свете учения Адвайты. Я сказал, что уже слишком поздно, что книга уже в печати. Рамеш скончался в сентябре 2009 года. После его ухода я заметил, что начал читать некоторые из его ранних книг, которых не читал раньше. И это хорошо, что я не читал их, потому что раньше я еще не смог бы осмыслить многое из того, чему он учил. В течение нескольких месяцев после его ухода у меня спонтанно рождались эти эссе. Их основу составили различные впечатления из моей жизни, особо сильно на меня повлиявшие, как значительные, так и вроде бы совсем не значительные, но теперь освещенные ярким светом учения. Рамеш интересовало то, как учение влияло на повседневную жизнь его последователей, что было для него важнее теории. Он называл это «освобождением». Освобождение – это то, как понимание действует в повседневной жизни. Он часто говорил: «Что толку, какой смысл в любом учении, если оно не влияет на повседневную жизнь?»

У меня не было намерения объединить мои записки в одну книгу. Но поскольку Рамеш просил меня добавить историю о теракте в мою последнюю книгу, мне пришлось в голову, что все эти очерки могут быть собраны вместе, так как все они так или иначе касаются различных аспектов учения о недвойственности.

Моя издательская фирма помогла организовать мероприятия, проводимые в Мумбаи американским Фондом синхронности в современной духовности. Все члены группы из этого Фонда разместились в одном из отелей, который и был атакован террористами. Во время атаки они потеряли двух прекрасных людей – Алана и его юную дочь Наоми. Я подробно рассказал Рамешу о том, что происходило в течение этих двух дней и ночей, так как мы постоянно были на связи с мастером Чарльзом Кэнноном – основателем Фонда, который, как и многие другие участники семинара и гости отеля, был заперт в собственном номере. Мы хорошо знали Алана, поскольку именно он согласовывал с нами все детали этого мероприятия на протяжении предшествующих месяцев. За столом в ресторане отеля сидели шесть членов группы (и все они попали под

обстрел), но именно Алан и его дочь оказались теми, кому было суждено умереть в ту роковую ночь. Последующие несколько дней были заняты визитами в больницу, где мы наводили справки о состоянии четырех других членов группы.

Рамеш, возможно, думал, что столь сильные переживания могли бы выявить аспекты учения, которые стоило бы обсудить. Он часто говорил: «Какая польза от любого учения, если оно не может быть испытано в огне личного опыта?» Неукротимый Вималананда^[5] выразил ту же точку зрения по-другому, он говорил так: «Какую систему образования мы имеем на сегодняшний день? Они объявляют об экзаменах, так что любой идиот может вызубрить кучу конспектов заранее. Ключ к проверке кого бы то ни было состоит в том, чтобы проверить людей, когда они меньше всего этого ожидают и меньше всего готовы к этому. Вот тогда у вас и появится точное представление о том, сколько они в действительности знают»^[6]. Как бы то ни было, Рамеш просил меня написать об этом, и вот это произошло, но только почти два года спустя.

Лежащая перед вами книга написана просто, как и моя первая книга «Указатели от Рамеша Балсекара»^[7], которая представляет собой всего лишь несколько коротких заметок, передающих суть учения, и которую я написал за два часа. Когда я дал прочесть рукопись Рамешу, я подумал, что он, скорее всего, будет весьма разочарован. Когда Учитель вернул ее мне, я высказал надежду, что он не имеет ничего против простоты и краткости этой рукописи. Его ответ был таким: «Всегда помните: красота в простоте. Учение просто вошло, вот поэтому оно и изложено просто».

У моих записок нет определенной последовательности. Вы можете читать их в любом порядке или можете прочитать только некоторые из них. Если что-то из того, что вы прочитали в этой книге, предназначено к тому, чтобы пролить свет на некоторые аспекты вашей жизни, то это произойдет независимо от того, что вами прочитано или не прочитано. Некоторые из этих очерков, возможно, отражают и ваше собственное понимание событий и ситуаций, случившихся в вашей жизни, которые вы сможете рассмотреть через призму учения. Это напоминает мне один анекдот.

Имея пачку из трехсот резюме на рабочем столе, босс, которому нужно быстро сделать выбор, говорит своему помощнику:

– Возьмите пятьдесят резюме из тех, что внизу, и обзвоните кандидатов, а остальные выбросьте.

– Как?! Выбросить двести пятьдесят резюме?! – в шоке восклицает помощник. – А что, если лучшие из кандидатов находятся именно там?

– Ваша правда, – говорит босс. – Но, видите ли, мне здесь не нужны люди, которым не везет.

Если есть что-то из того, что вы прочитаете в этой книге, что затронет вас, так тому и быть. Значит, именно это и должно было случиться.

Гаутам Сачдева^[8]

5 октября, 2011

Формы бесформенного

Редактор одной из ведущих газет Индии сказал мне однажды, что если в Мумбаи бросить камень, то он обязательно попадет в дом гуру. Хотя это и преувеличение, его высказывание, пожалуй, все же справедливо для всей Индии. И относится оно не только к гуру, но и к экстрасенсам, и к астрологам, и к предсказателям по картам Таро, по чертам лица, по теням, к нумерологам и к хиромантам – всех не перечесть. Улицы и переулки нашего города наполнены теми, кто занимается духовной и паранормальной деятельностью. Интересно, можно ли где-то еще найти столько разнообразия в активности подобного рода?

Работая над первой книгой своей матери, я обнаружил, что меня затягивает в этот новый интригующий мир, тот мир, в котором я столкнулся со многими духовно одаренными людьми. Я повстречал их в результате целого ряда удивительных совпадений. Не знаю, почему и как, но каким-то удивительным для меня образом наши пути пересекались. Никого из них я не искал, но, несмотря на это, находил. Это просто «случалось». Я знакомился с ними через семью, через друзей, и довольно часто эти встречи происходили благодаря незнакомым мне людям. Вначале меня надо было просто тащить на такие встречи, потому что у меня не было сознательного интереса к этим людям. Но судьба избрала для меня другой путь. Видимо, мне было предначертано, чтобы я занялся публикацией книг духовного содержания, хотя в то время я не имел к ним никакого интереса. Все произошло только потому, что нам было трудно найти издателя для

первой книги моей матери (это была дорогостоящая для публикации книга, поскольку все иллюстрации к медитациям в ней были цветными). Вот я и решил сам опубликовать эту книгу. Мое образование и опыт работы в рекламном бизнесе мне очень помогли, поскольку я был знаком с процессом макетирования и печати. После того как была опубликована мамина книга, последовали другие, и прежде, чем я осознал это, я оказался уважаемым издателем духовной литературы.

Оглядываясь назад, я ощущаю благодарность судьбе за подобный поворот событий, который направил меня от рекламы к издательскому делу.

Вспоминаю один случай из того времени, когда я еще работал в рекламе. Я шел мимо приемной своего офиса и увидел пожилую даму, разговаривающую с секретарем. В руках у нее была коробка с тортом. Заинтригованный, я подошел ближе и услышал, как она говорит секретарю, что прочитала книгу и эта книга ее очень тронула. Поскольку автор, как оказалось, живет в другой стране, она нашла на обороте книги наш адрес и решила зайти, чтобы выразить свою благодарность. Это произвело на меня сильное впечатление. Помню, я подумал, что, когда я работал в рекламе, наши клиенты почему-то были уверены, что они уже говорят «спасибо», если просто платят по счетам вовремя. Этот случай дал мне дополнительный стимул, чтобы еще больше сосредоточиться на книгоиздании. Никто в действительности никогда не знает, куда повернет река жизни и какие события повлияют на нашу жизнь. Стрела причины и следствия – это и в самом деле обоюдоострая стрела. Я не смог бы сделать прыжок в книгоиздание, если бы не мой опыт работы в рекламном бизнесе. Очевидно одно: для того, чтобы удалась моя профессиональная деятельность в издательском деле, сначала должна была случиться профессиональная деятельность в рекламном бизнесе.

Далее вы прочтете краткое описание некоторых экстраординарных людей, которых я встречал на протяжении многих лет и которые так или иначе повлияли на меня. У каждого из них было чему поучиться. Довольно часто (почти всегда!) в этих встречах было нечто, что находило глубокой резонанс с тем, что я пережил в жизни, и подтверждало некий аспект учения моего мастера и других мастеров, которых я знал еще до встречи с Рамешем Балсекаром. Оглядываясь

назад, я вижу, что именно в тех встречах было интересным для меня в свете учения о недвойственности, даже в то время, когда я еще не был знаком с Рамешем.

Судья Дадхат

Работа над первой книгой моей матери свела меня с первым учителем на моем духовном пути.

Это был ее гуру – судья Дадхат. Он проводил беседы в колледже, расположенном неподалеку от моего дома, через пять домов вниз по улице. Директор колледжа был так добр, что предоставил класс для духовных бесед, которые проходили раз в неделю по вечерам. На самом деле, вблизи моего дома было четыре колледжа – не обширные кампусы, как на Западе, а четыре простых здания, похожих на коробки, которые всегда остро нуждались в покраске. Я помню шутку, что была популярна среди первокурсников: мы все – «outstanding» студенты. Поскольку не было никакого кампуса, а были только коридоры между классами, мы большую часть времени проводили «stand out», то есть выходили и стояли на улице, отсюда и прозвище^[9].

Судья Дадхат был судьей в Суде первой инстанции Бомбея. Он обычно обучал людей системе Брахма Видья (знание Брахмана), в основе которой лежит комплекс дыхательных упражнений из древней тибетской практики. Он был всецело предан Брахма Видье и еженедельно проводил беседы в четырех разных местах в Мумбаи. Я стал ходить на его лекции и начал практиковать дыхательные техники. На беседах и на медитациях, которые он каждую неделю устраивал у себя дома, судья Дадхат часто повторял одну фразу: «Присматривать за вами – это работа Тотальности». Он хотел этим подчеркнуть, что ответ на любую проблему находится в Тотальности. Слушая это, я думал: «Какое облегчение!» Правда, я не совсем понимал, что означает слово «Тотальность». Но, поскольку оно указало на что-то гораздо большее, чем «я», то его «Тотальность» звучало как «родитель».

И только годы спустя я получил более ясное понимание этого слова, читая книги Рамеша. В кратком изложении его высказывание можно передать так: «В Тотальности нет дуализма, нет „меня“ и нет „другого“. Тотальность – это ТО, что существует до разделения –

разделения на „меня“ и „другого“. В бодрствующем состоянии, основой которого является двойственность, Тотальность – это то, „что есть“ в данный момент, без разделения на наблюдателя и наблюдаемое, в котором наблюдатель постоянно дает оценку. Другими словами, это дуальность [двойственность] как таковая, без дуализма, в котором есть „я“, которое считает себя *отдельным* от „другого“».

Судья Дадхат всегда был человеком очень теплым, уютным и с чувством юмора. На еженедельных медитациях у него дома он часто говорил всем нам: «Этот дом ваш. Приходите сюда в любое время, когда хотите. Я тут всего лишь наблюдатель». В тех редких случаях, когда я мог после работы зайти туда для медитаций, он, бывало, поглядит на меня и скажет: «Dekho dekho... Eid ka chand aa gaya!» («Смотрите, смотрите, к нам пришла луна Ид»). Праздник Ид аль-Фитр^[10] бывает только раз в году, то есть этим он хотел сказать, что я бываю на его еженедельных медитациях очень редко, прихожу, «как голубая луна»^[11]. Он был хорошо сложен (занимался борьбой в юности), был человеком, уверенным в себе, обаятельным и заботливым. Он очень редко говорил негативные вещи. В его последние дни, когда кто-то спросил его, плохо ли ему, он ответил: «Плохо? Скорее мне нехорошо».

Когда я слышал, как он говорил людям: «Оставьте все ваши проблемы здесь, у меня», показывая на ноги, это поражало. Где-то внутри меня сразу начинался диалог: *«Неужели это правда? Он что же – применяет магию? Конечно, нет! Как в таком случае он может решать проблемы каждого? Если нет, то почему он так говорит? Он что же, и вправду считает, что они ему поверят?»*

Понимание пришло, но позже. Однажды меня осенило, что это было одним из самых правдивых высказываний, которые могут быть сделаны. Так как (и это я прочитал в одной из ранних книг Рамеша) гуру – это Ноумен, это Источник, я анализировал его слова с позиций двойственной индивидуальной точки зрения, тогда как на самом деле не существует никакого разделения между гуру и учеником. «Оставить свои проблемы здесь, у меня» – это указание на Источник, а не на «гуру»; не на его «я», которое существует отдельно от ученика, от «другого». Оставьте ваши проблемы Источнику.

Что же происходило при таком понимании? Ученик неизменно возвращался с выражением большого облегчения на лице. Я на самом

деле не знаю, менялась ли внешняя ситуация у этих людей, но по крайней мере изменялось их отношение к ситуации. Испытываемое облегчение прямо пропорционально полной отдаче ученика своему гуру – полному отрешению от «себя и своей проблемы» у ног Источника энергии. Забота о тебе – это действительно дело Тотальности. Джокер в этой колоде – это то, что нет никакого «тебя», после того как однажды случилась отдача, просто потому, что этот «ты» отдал себя.

Судья Дадхат скончался в 2005 году после непродолжительной болезни. Бог, должно быть, действительно был доволен тем, как судья служил ему при жизни, осуществляя правосудие, а также духовным руководством для тех, кто оказывался в пространстве его активности.

Речной Мудрец

Я хорошо помню поездку в ашрам Гагангири Махараджа в Кхополи, в предместьях Мумбаи. Амодини, редактор первой маминой книги, пригласила нас на встречу с ним. Она взялась быть нашим переводчиком, так как мы не понимали Маратхи. В предыдущую поездку Амодини брала мамин дневник медитации с зарисовками, чтобы показать ему. Он сказал ей: «Это моя тема. Приводите, я буду их наставником».

Накануне нашей встречи для получения его благословения он объяснил Амодини, что вначале мы должны посетить его пещеру на холме. Некоторые называют ее пещерой навнатхов (девяти почитаемых индуистских святых). Однажды у доктора Рам Босла, массажиста-целителя из Мумбаи, который шел в ашрам для встречи с Гагангири, было видение навнатхов. Он видел, как они спускались из пещеры и входили в комнату Гагангири. Однако, когда доктор вошел в комнату, никого рядом с мастером он не увидел.

Тропа, ведущая к пещере, была безлюдной, скорее даже это была не тропа, а грязная колея, извивавшаяся в лесу. Земля под ногами была полна кристаллических пород; сквозь грязь мы могли видеть сияющие крошечные кристаллы. Сегодня для удобства идущих к пещере проложена бетонная дорожка, и это лишает подъем бывшего очарования. Мне помнится, что пока мы шли, нас до самого входа в

пещеру сопровождала бездомная собака. Пес практически вел нас, как собака-поводырь. После, когда из пещеры мы спустились вниз и дошли до ворот ашрама, пес тихо улизнул. Казалось, он был послан, чтобы быть нашим проводником.

В ашраме мы подошли к месту, где сидел Гагангири. Когда подошла наша очередь представиться, мама показала ему окончательный вариант рукописи. Он увлеченно рассматривал иллюстрации. Разглядывая некоторые из них, он радостно смеялся. Смех этот был весьма заразительным. Смеялся он от души, как ребенок. Он ощущал пережитые ею опыты с энергией кундалини и тут же объяснял ей, что она отобразила в рисунке. Он даже дал нам похвальный отзыв на эту ее первую книгу.

Когда пришел мой черед быть представленным, Гагангири прервал Амодини и сказал так: «Я знаю его. Тебе не нужно нас знакомить». Я сделал *pranaams* (почтительное приветствие), и, когда наклонился, он взъерошил мои волосы. Я был очень взволнован тем, что услышал, но понял, что никакого реального, «осознаваемого» преимущества из сказанного не последует, так как он продолжал говорить с другими и, казалось, перестал обращать на меня внимание. Помню, как я услышал его слова: «Открывай свою компанию!» Это звучало скорее как *aadesh* – команда. И вот что удивительно, я ни словом не намекнул ему, что планировал основать издательство, чтобы опубликовать книгу матери.

Спустя несколько дней после поездки, я сказал другу, что побывал у Гагангири Махараджа. Друг взглянул на меня и сказал: «О! Хочу рассказать тебе нечто очень странное». И начал рассказывать историю о своей бывшей девушке и об этом *jala yogi*^[12] (ежедневной *sadhana*, духовной практикой Гагангири Бабы была медитация в воде и под водой). Однажды эта молодая женщина решила прогуляться вдоль реки, что текла мимо ашрама. Именно эти места были объявлены запретной территорией, поскольку Гагангири медитировал в водах речки и его нельзя было беспокоить. Когда она увидела его, сидящим в середине неглубокой, но полноводной речки, то решила подобраться поближе и разглядеть все как следует. То, что она увидела, очень напугало ее. Девушка увидела три головы, возникшие из головы *jala yogi*. Она умчалась оттуда так быстро, как если бы ее ноги горели в огне. Гагангири Махарадж, как я узнал позже, был почитаем своими

преданными как проявление Господа Даттатрея, инкарнации Брахмы-Вишну-Махеша, главного божества *sadhus* (святых людей).

Всю свою жизнь Гагангири занимался интенсивными духовными практиками в пустынных местах, экспериментировал с лечебными свойствами дикорастущих трав и корней, с целебными свойствами природной родниковой воды. Пастухи в этих местах стали его первыми преданными. Они же и обучали его искусству врачевания, часто приносили кору особых растений, корни и дикие плоды из леса, которые были мощными средствами исцеления ран и болезней.

Одиноким ретрита Гагангири, во время которых он проводил *kauakalpa* (мощная практика периодического омоложения), были частью мистической молвы, следовавшей за ним. Он достиг мастерства в различных методах исцеления и натуропатии, что было результатом его длительной жизни в лесу. В своих ашрамах, разбросанных в горах Сахьядри, он создал бесплатные пункты лечения травами таких хронических заболеваний, как рак и снижение иммунитета.

Гагангири Махарадж ушел из жизни в 2008 году. Говорят, что в момент его самади ему было сто три года. Оглядываясь назад, могу сказать, что мое первое посещение Гагангири Махараджа ознаменовало начало чего-то. Умом я не понимал, чем это «нечто» было. Но интуитивно знал, что это было началом пути. Куда приведет меня этот путь, я и понятия не имел.

Теперь знаю. Домой. Это напоминает мне один шуточный разговор с Чайтанья Балсекаром, братом Рамеша. Он как-то сказал мне: «Гаутам, вы такой хороший человек». А я на это ответил: «Благодарю, но быть хорошим в этом мире – ни к чему. Это тебя никуда не приведет». На что он быстро заметил: «А кто сказал, что вы должны куда-нибудь прийти?»

В 2010 году мне довелось посетить этот ашрам еще раз и засвидетельствовать свое почтение самади, которое было построено рядом с тем местом, где обычно сидел Гагангири. Даже если Гагангири Махарадж и не присутствует здесь больше в своем «теле», конечно же, он никуда отсюда не делся, и его мощное присутствие по-прежнему украшает ашрам.

Алхимик и его древности

Десятки лет Патрик (имя изменено) занимался алхимией. Его дом был местом фантастическим: повсюду искусно размещены алхимические символы, пруд с пираньями во дворе (куда конечно же не хотелось свалиться), лаборатория – прямо из мистического средневекового романа, наполненная порошками, мензурками, жидкими и твердыми веществами, и два огромных шкафа, под завязку забитых книгами. Патрик также мог похвастаться прекрасной коллекцией изысканного индийского антиквариата. И с ним связана интересная история.

Когда я в первый раз посетил моего будущего друга-алхимика, он порадовал меня экскурсией по комнате, где хранились старинные вещи. Это было увлекательное зрелище. Разглядывая коллекцию, я заметил, что по крайней мере парочка вещиц может оказаться подделкой. У меня были все основания предположить это. Ведь он был французом, и он купил все это в Индии! Мой друг оставил мой комментарий без внимания и продолжил экскурсию. Я внимательно осмотрел древности и сказал ему об этом снова. Но Патрик ответил: «Этого не может быть!» Я же настаивал на том, что хотя бы одна из вещей все-таки может быть подделкой, так как индийцы вполне освоили искусство изготовления поддельного антиквариата. Более того, это является вполне обычным, когда легковверный человек легко становится жертвой хитроумного обманщика, изготавливающего эти «древности». Патрик отмахнулся от моих слов, что показалось мне проявлением высокомерия, и заявил, что не может иметь подделок в своей коллекции просто потому, что это совершенно невозможно.

Его реакция показалась мне несколько раздраженной, и я вскользь заметил, что он мог бы освоить умение «сдаваться» и признать, что такое вполне возможно, вместо того чтобы жить в своем идеальном мире «собирателя подлинного антиквариата». Но он упорствовал, не сдавался и снова говорил, что каждая из приобретенных им вещей является подлинной. Я подумал, что стоит мне еще чуть надавить, и он не устоит. Так и случилось! В какой-то момент он дошел до критической точки, и у него лопнуло терпение. Тогда он рассерженно

стал объяснять мне, на чем основана его уверенность в том, что каждый предмет в коллекции был подлинным.

Поскольку в течение многих лет он усиленно занимался алхимией, ему удалось развить ряд удивительных качеств. Например, он мог точно знать, что купленная им вещь является подлинной. О подлинности вещи он мог судить, даже не дотрагиваясь до нее. Если какая-то вещь нравилась Патрику, он входил в медитативное состояние и переносил сознание в эту вещь, а затем просматривал все, что было с ней связано. *Кто был скульптором, изваявшим ее? Когда, в какой период времени он работал? В какую одежду был одет? Какие инструменты использовал?* Используя такое «видение», он мог определить, была ли вещь действительно старинной или его «кинули». Все мои аргументы сошли на нет и рассыпались как карточный домик. Скептический ум мог бы отбросить его доводы. В конце концов, где доказательства? Я же принял все это за чистую монету и признал свое поражение. Мне трудно было ему не поверить еще и потому, что его гуру был знаменитый мастер сиддха-йоги, поэтому я решил, что он, как преданный и талантливый ученик, вполне мог получить соответствующую подготовку в применении столь нетрадиционных методов определения подлинности купленного им антиквариата.

Я высказал пришедшую мне в голову мысль и спросил его: «Если вы можете переносить сознание в такие неодушевленные предметы, как камень, не легче ли переносить его во что-то более мягкое? Например, в другого человека. И таким образом, находясь внутри него, проверять все, что с ним связано: *у кого хорошие намерения, у кого плохие? Кто друг и кто враг?*» Патрик ответил, при этом в глазах его мелькнул озорной огонек: «Ну, *топ аті*, именно это я и сделал, как только вы открыли дверь». Потом он сказал, что конечно же пошутил. Я и вправду надеюсь, что он пошутил.

Эта встреча с Патриком наглядно продемонстрировала, что неодушевленный объект может казаться лишенным Сознания, но Сознание функционирует через все объекты. Точно так же одушевленный объект, скажем, человек, не имеет сознания. Скорее, Сознание функционирует через человеческий объект. Одушевленные или неодушевленные, мы все являемся объектами, через которые

функционирует Сознание. Более того, сам объект является неким проявлением в Сознании. Нужно быть сознательным, чтобы воспринимать объект. Так что в любом случае объект не может существовать независимо от Сознания. То же самое относится и к классификации объектов на «одушевленные» и «неодушевленные». В действительности это всего лишь объекты во власти Сознания, и лишь Оно определяет, какими они являются.

Siddhis (сверхъестественные духовные силы) могут быть увлекательным предметом. Патрик неизменно указывал на важный аспект цели алхимии – поиск и обретение философского камня, способного превращать обычный металл в золото. Главное, что следовало понять, это то, что везде действует вечный принцип: «как внутри, так и снаружи». В действительности это означает следующее. Чтобы добиться осуществления поставленной внешней цели, нужна внутренняя духовная трансформация, которая должна происходить одновременно с предпринимаемыми усилиями, при этом высшей целью является Просветление. Исходя из этого становится ясно, что тамплиеры, которые, как полагают, являются создателями европейской банковской системы, а также строителями наиболее величественных соборов с соблюдением законов сакральной геометрии, не были еретиками на лошадах, какими их пытаются сегодня представить. Они обладали способностью получать алхимическое золото, которое и являлось источником их богатства. Поэтому можно сделать вывод, что они были существами высокого духовного развития.

Если вам доведется рассматривать какой-то антиквариат, имейте в виду: вполне вероятно, что этот предмет тоже рассматривает вас. Точно так же как этот предмет является объектом в вашем сознании, вы являетесь объектом с точки зрения Сознания, проявляющегося в нем. Мы все является объектами, через которые функционирует Сознание. Сознание не разделяет объекты на одушевленные и неодушевленные. Это делаем мы. «Мы» – не как безличное Сознание, функционирующее через все объекты в этом проявленном мире, но «мы» – как индивидуумы, на первый взгляд, отдельные от объектов, которые мы воспринимаем.

Мастер экстрасенсорной хирургии

Преподобный Алекс Орбито, знаменитый хирург и экстрасенс, живущий на Филиппинах, проводил семинар в Мумбаи. На нем присутствовало около ста человек. В первой половине дня он говорил с нами об экстрасенсорной хирургии. Его способ был основан на методике исцеления, которая в переводе звучала так: «Боже, дай мне твою исцеляющую силу». Он заставил нас выполнить несколько легких упражнений, после чего начались операции. Мы входили по одному, и каждая операция длилась примерно минуту или около того.

Когда настала моя очередь пройти экстрасенсорную операцию, я забрался на стол, лег и расстегнул рубашку. Затем пришло осознание, что Орбито аккуратно трогает мой живот. Внезапно его пальцы проскользнули внутрь на глубину ладони! Он ощупывал все у меня внутри. И это был довольно странный опыт. Боли не было, однако руки его погрузились в то, что я всегда считал неизведанной территорией, по крайней мере – для его пальцев. Это продолжалось примерно тридцать секунд, и, прежде чем я смог переварить, что происходит, «операция» была закончена. Я взглянул на свой живот. На теле не было и следа того, что только что происходило. Целитель похлопал меня по щеке, и сеанс закончился. Дома, когда я стал просматривать видеозапись того, что со мной происходило, удивлению моему не было границ.

Объясняя суть экстрасенсорной хирургии, преподобный Орбито сказал, что поскольку человеческий организм на семьдесят процентов состоит из воды, то нет ничего удивительного в том, что пальцы или руки хилера погружаются в тело другого человека, ибо оба тела – это всего лишь две формы, состоящие из воды на эти самые семьдесят процентов.

Зная о влиянии фаз Луны на приливы и отливы, остается только гадать, что могут делать с нами эти фазы, с нами, чье тело более чем на две трети состоит из воды. Признайтесь, где теперь ваша уверенность, что люди контролируют все, что чувствуют? Только представьте: все, чем, как вы думаете, вы являетесь, то есть ваше тело со всеми вашими надеждами, страхами, стремлениями, разочарованиями, обидами, сожалениями и ожиданиями, – все это в основном просто вода. Поистине, мы не такие твердые, как нам кажется. И, о господи, какая это приятная мысль! Взять хотя бы

сердце. Вам нет нужды топить в нем ваши печали. Ведь они уже утонули, потому что само их содержание – это вода!

Обсуждая данную тему с людьми, которые знакомы с науками об исцелении, я узнал, что операция, так же как исцеление, происходит на «тонком», а не на физическом уровне. И хотя во время операции преподобный Орбито мог извлечь то, что выглядело массой из темно-красной плоти, на самом деле это было не что иное, как застывшая и заблокированная энергия, которую удалили, а не реальная плоть. Плоть не удаляется им из физического тела. Даже сегодня, когда я смотрю видео, я не могу понять, что там на самом деле происходило. Были люди, из-за которых экстрасенсорная хирургия приобрела дурную славу, поскольку их уличали в мошенничестве. Однако моя встреча с преподобным Алексом Орбито и его семинар по экстрасенсорной хирургии были приятными. Даже больше, чем его искусство, мне понравились его юношеская живость и легкость бытия.

А еще тема исцеляющих рук напомнила мне мое знакомство с магом-массажистом.

Массажист-целитель

О докторе Раме Бостле я слышал на протяжении нескольких лет. Некоторые из ищущих, принимавших участие в сатсангах Рамеша, попадали к доктору Бостлу, как только заканчивались беседы, поскольку он жил неподалеку, а именно на Малабар-Хилл, где богатое семейство сдавало ему комнату в их роскошном бунгало.

Меня доктор Бостл интересовал потому, что он знал Бессмертного, Махаватара Бабаджи, о котором миру впервые поведал Парамаханса Йогананда в своей книге «Автобиография йога». «Доктор Сахиб» – так в книге уважительно был назван доктор Бостл, убивший коменданта, англичанина, совершившего зверства в отношении индийской женщины во времена британского правления. Солдаты готовы были схватить доктора, но ему удалось бежать в Гималаи, где его приютил йог. Йог заботился обо всех его потребностях, среди которых было пристрастие к алкоголю и к наркотикам. Доктор Сахиб задира своего хозяина, спрашивая, знает ли тот смысл закона *atithi devobhava*, который гласит, что гость – это бог. Он говорил так: «Это мой

ежедневный рацион, ты можешь мне его обеспечить? Ведь к гостю надо относиться как к богу». Йог отвечал: «*Sab kuchh mil jayega*» («Ты получишь все»). И лишь значительно позже он понял, что его хозяином был сам Бабаджи, и тогда его пристрастия отпали одно за другим. В итоге он шесть лет оставался в Гималаях с Бабаджи.

Доктор Сахиб имел дар исцеления руками. Искусство массажа, которым он занимался, называется *Samvahan* и представляет собой комбинацию древних методов, направленных на то, чтобы гармонизировать частоты телесных колебаний. Бхагаван Нитьянанда из Ганешпури сказал ему, что он будет путешествовать по миру, используя свой дар исцелять людей. Доктор действительно много путешествовал. Среди тех, кого он исцелил, были, как говорят, Махатма Ганди, Пандит Неру, Черчилль, Эйзенхауэр, Бернард Шоу и многие другие. Сам Неру лично отправлял доктора Сахиба к главам различных государств по всему миру.

Несколько лет назад мой друг взял меня с собой на встречу с доктором Сахибом. Доктор встретил нас, сидя в постели. Он почти ничего не видел, так как к тому времени его зрение уже сильно ослабло. Это был приятный, нежный и скромный человек на закате своей выдающейся жизни. Во время беседы его пальцы продолжали двигаться по простыне, будто в поисках чего-то, что можно было бы массировать. Это было невероятное зрелище! Казалось, руки его были на батарейках, они как будто имели собственную волю и жили своей жизнью. Его пальцы продолжали двигаться без остановки, пока он сам не остановил их.

Я помню только два вопроса, которые задал ему. Первый: встречался ли он с Махаватаром Бабаджи в Мумбаи. Он ответил, что это действительно было, и даже несколько раз. Мой следующий вопрос был таким: может ли он в одном предложении подвести итог тому, чему научила его жизнь. Он ответил: «Бог существует между R и M в имени RAM.»^[13]

Случилось так, что Шириш Бхагават, с которым я был хорошо знаком, оказался хирургом, оперировавшим доктора Сахиба в конце его жизни. Доктор Сахиб поведал Ширишу, что когда он несколько лет назад попал в больницу, то увидел как *Mahakala* (Бог Смерти в виде Времени) парит за окном. И продолжил: «Но он (при этом доктор Сахиб поглядел на фотографию Бабаджи возле кровати) сказал, что

мое время еще не пришло». Когда я рассказал Ширишу, что доктор Сахиб сказал о Боге, как о существующем между R и M в имени RAM, Шириш ответил, что это напомнило ему одну легенду.

Было время, когда эго Ханумана сильно раздулось. В конце концов, именно он, Хануман, был тем, кто обнаружил, где держали взаперти Ситу, и именно он сжег потом дотла город Ланку. Вот Хануман и пошел к Раме, чтобы спросить его, осталось ли еще что-то, что он мог бы совершить. Господь Рама, глядя на Ханумана, распираемого гордыней, попросил его оказать ему одну услугу. Ему нужен был кто-то, кто смог бы охватить все вселенные, и он решил, что нет никого достойнее Ханума для выполнения такой задачи. Услышав, что лишь его считают способным на такие усилия, Хануманна возгордился еще больше. Он спросил у Господа Рамы: «А как я узнаю, что охватил все вселенные?» Господь ответил, что там, где оканчиваются вселенные, он найдет три столба. Когда он увидит их, то должен сделать на них отметку в виде креста, после чего может вернуться. Умчался Хануман. Долго летал он среди галактик. Вселенные начинались, вселенные заканчивались, а Хануман продолжал путешествие. И вот наконец он добрался до трех столбов и, увидев их, очень обрадовался. Он быстро изобразил крест на каждом из столбов и, исполнив задание, отправился в обратный путь. Вскоре он предстал перед Господом Рамой и гордо объявил о том, что нашел эти три столба. Господь поднял руку – на трех его пальцах был начерчен крест. Он спросил Ханумана, это ли он видел. Хануман был посрамлен, потому что только тогда он понял, что вселенные начинаются и заканчиваются в Раме.

Йог Солнца

Индия действительно знает, как встряхнуть то, что считается «обусловленной реальностью». Здесь вы никогда не можете знать, кого или что вы увидите в следующий момент, с чем вам придется соприкоснуться. Все возможно в этой стране бесконечных

возможностей. Свет здесь не распространяется по прямой, он преломляется в невообразимые радуги, которые наши ограниченные ум и интеллект просто не могут постигнуть. Тема света ведет меня к незабываемой встрече с йогом, который является преданным почитателем Солнца.

Он выглядел как индийский Иисус, и был человеком, привязанность к которому возникала сразу же. Однажды вечером он пригласил некоторых из нас на *уадна* (священный ритуал огня), который мы выполнили на террасе его ашрама. Происходило это в пригороде Мумбаи. В какой-то момент во время огненной церемонии он попросил нас закрыть глаза и не открывать их, пока он нам этого не разрешит. Прошло несколько минут. Мне было интересно, что происходит, и я решил чуть-чуть приоткрыть глаза и изучить обстановку. Все тихо сидели с закрытыми глазами, в том числе и сам йог. Затем случилось нечто особенное. Я увидел, как он начал исчезать. Понемногу на моих глазах растворялась его форма. И наконец он совершенно исчез. И тогда я увидел только стену, что была позади него. Я посмотрел вокруг, все остальные остались в точности такими, какими они и были: просто люди, сидящие с закрытыми глазами. Исчезла лишь его форма. Поэтому я понял, что это не галлюцинация. Затем, спустя примерно минуту, я увидел, как его тело постепенно обретает форму и возвращается к своему обычному виду. Я быстро закрыл глаза, чтобы не быть пойманным на нарушении запрета, и стал ждать его разрешения, чтобы открыть их снова.

В следующий раз мы занимались йогой Солнца на пляже Чопатти в Южном Мумбаи. Нас было человек двадцать. Когда пришел йог Солнца, все бродячие собаки на пляже сошли с ума от радости – они мчались к нему, виляя хвостами, тявкали и игриво дергали его за безупречно белое (до тех пор) *lungi*^[14]. Начались наши занятия, и почти сразу начался дождь. Бежать было некуда, так как мы находились в самом центре пляжа. Внезапно дождь прекратился. Но вокруг нас, примерно в пятнадцати футах от того места, где мы занимались, дождь продолжал идти.

Занятие окончилось, и йог Солнца отправился домой на завтрак, который состоял из фруктов и молока. Мы с ним отлично ладили. Казалось, что мы давно знакомы, и он был мне старым и добрым другом. Йог сказал: «Я всегда говорю людям, чтобы они не относились

ко мне как к гуру, а относились ко мне как к другу». Он был молодым и естественным, ему были непривычны лесть и восхищение, обрушившиеся на него. Недавно я разговаривал с ним, он принес свою йогу в школы и университеты, разбросанные по всей Азии. Следующей будет Европа.

При упоминании Европы у меня сразу возникла мысль о Людовике XIV, который был известен как *Le Roi Soleil* – «король-солнце». Во Франции он построил Версаль, один из самых роскошных и богатых дворцов, когда-либо построенных в мире. Версаль был известен как дворец «короля-солнце». Однако, как и все материальные вещи, дворец, в конечном счете пришел в упадок, когда царская казна опустела. Как говорится: «Разрушение присуще всем вещам». Когда я посетил Версаль, мне больше всего понравились дворцовые сады, а не сам дворец. Величие природы способно взять верх даже над самыми роскошными творениями рук человеческих.

Короли Солнца в Индии совершенно иные. И это разительно контрастирует с французским королем, носившим это имя. В этом тоже проявляется двойственность известного нам мира. Их тело – это храм живого Бога, это их дворец. Они овладели мастерством йоги Солнца, и на троне теперь сидит Солнце. Индия поклоняется королям, которые излучают свет!

Итак, мои многолетние встречи с мастерами явились прямым подтверждением того, что формы, которые мы наблюдаем, не такие твердые, какими они выглядят. Или, скорее, формы не такие, какими хотят казаться. Что-то подобное мы все неоднократно слышали или читали. Был ли это Гагангири, Патрик, преподобный Алекс Орбито или йог Солнца, после каждой встречи я все больше осознавал, что неоспоримая реальность того, что мы воспринимаем как реальное, больше не имеет права на существование.

Эта реальность недослушала все вердикты Высоких судов логики и разума.

Она унесена течением реки в Кхополи.

Ее вытащили голыми руками из «тела-ума».

Она сожжена дотла солнечными лучами.

Йогарадж Гурунатх^[15], энергичный мастер Крийя-йоги, как-то сказал мне, что, когда он наклонился, чтобы коснуться божественных стоп Анандамайи Ма^[16], его руки прошли насквозь и врезались в землю. Я всегда получал удовольствие от встреч с Гурунатхом. Читал ли он стихи, рассказывал ли истории о знаменитых натха^[17]-йогах, и даже когда он «прикалывался» надо мной, он наслаждался «по полной», наслаждался каждой своей частицей. Вот одно из его высказываний, которое мне нравится: «Прямо с момента рождения возникает ересь разделения».

Конечно, одна из первых вещей, что случается с ребенком после его рождения, заключается в том, что родители дают ему имя. Разделение, таким образом, еще больше усиливается, так как появляется имя, данное форме, которая теперь реагирует на свое имя. Это подводит меня к следующей истории.

Мастер мгновения

В 2004 году мы, группа родственников и друзей, встретили Экхарта Толле в Гластонбери (Великобритания). Он заехал туда на пути в Финдхорн (Шотландия), чтобы провести беседу. Мы встретились с ним за ужином накануне этой беседы. Я помню, как знакомил с ним своих друзей, и, после того как я их представил, он взглянул на меня и сказал: «Спасибо вам за то, что всех представили... А вы кто на самом деле?» И мы оба рассмеялись. Что-то особенное было в этом моменте, что меня задело. Конечно же, он указывал, пусть и шутливо, на то, что я просто представил людей по именам, а имена – это не то, чем они являются по своей истинной сути. Я помню, как его последняя фраза все время крутилась у меня в голове, когда мы сидели с ним на лужайке у дома, не потому, что она была значительной, но потому, что это был яркий пример того, как простые высказывания имеют столь очевидные смыслы, которых нам так не хватает в этом царстве разделения и идентификации. И каждый раз, когда эта фраза мелькала, в моих мыслях акцентировались разные слова. И это было похоже на мину-ловушку для эго:

– А **вы** кто на самом деле?

- А вы **кто** на самом деле?
- А вы кто **на самом деле**?

Ответ был в самом вопросе. *Кто* есть этот *вы*? Сознание, а не форма тела и данное ему имя. Сознание – это наличие оживляющего присутствия, без которого вас просто не было бы. Нисаргадатта Махарадж обычно предлагал проходящим к нему посетителям говорить и задавать вопросы не от лица одного индивидуума другому, а как сознание сознанию. Вот что он имел в виду: каждый из присутствующих не должен задавать вопросы, считая себя отдельным человеком, идентифицирующим себя с телом. «Хотелось бы знать» – эти слова Экхарта, как тонкий надрез мечом, открывающим другое измерение. Если бы он сказал: «А вы кто?», я бы незамедлительно ответил: «Гаутам!» И тогда размышлений об этой фразе, возможно, и не было бы.

Когда я проводил время с Экхартом, больше всего мне нравилось, что я нашел другого человека, который любил молчание так же сильно, как и я. Главное во встречах с ним было то, что разговоров почти не было. Помню, я был очень тихим ребенком. В школе я даже получил белую карточку, которую давали за то, что ученик «был самым послушным и тихим мальчиком в своем классе». Тогда я этого стыдился. Помню, что в те годы, когда я, бывало, сидел тихо и молчал, люди, должно быть, считали, что со мной что-то не так. Они частенько подходили ко мне и спрашивали: «О чем ты думаешь?» Тогда, в детстве, я думал, что, скорее всего, это неправильно – быть тихим и молчаливым. С такой обусловленностью я и вырос. Я даже помню, что мне в голову приходила и такая мысль: «Я сижу тихо, не беспокою людей, а их, оказывается, беспокоит то, что я их не беспокою! Мне что же, нужно говорить или делать что-то все время?» Конечно, это не значит, что я постоянно просто сидел и не думал. В моей голове крутилось множество мыслей. Часто это были беспокойство и страх – главные друзья моего детства. Но было много случаев, когда я просто сидел и вообще не думал. А другим это поведение почему-то казалось необычным.

Любопытный случай произошел со мной во время одной из бесед с Рамешем, которая случилась несколько лет назад. К нему тогда пришла

семейная пара с прекрасной маленькой дочкой лет шести. Она тихо сидела на качелях в гостиной. Видно было, что она не скучала и хорошо проводила время, слегка покачиваясь, наблюдала за людьми и поглядывала в окно. Какое спокойное выражение было на лице этого ребенка! Это спокойствие конечно же не выглядело так, будто ее заставили сидеть тихо, будто ее спокойствие явилось результатом дисциплины и строгого воспитания. Когда беседа закончилась, кто-то подошел к ее родителям и сказал, что такое поведение ненормально для детей ее возраста, которые должны бегать и шуметь. Родители были весьма озадачены таким замечанием и, не зная, как реагировать на этот непрошенный совет, просто кивали головами и неловко улыбались. Я оглянулся и посмотрел на девочку. Она с удовольствием беседовала с теми, кто подходил к ней. Она не стеснялась, не смотрела букой, при общении с другими в ней не было никаких барьеров. Я подошел к ее отцу и заметил, что его дочка кажется мне маленьким Буддой. Он сказал, что, насколько он помнит, она всегда была такой. Лично мне после его слов стало предельно ясно, что если ребенок по натуре склонен к тишине и покою, то не стоит пытаться изменить свойственный ему облик на тот, который он якобы должен иметь. Если же ребенка заставляют вести себя так, что это противоречит тому, что у него получается естественно, это лишь сбивает его с толку и приводит в замешательство. К примеру, это происходит, когда ребенок от природы левша, а родители заставляют его действовать правой рукой.

Невероятно, как личность в своей основе остается неизменной на протяжении многих лет. Однажды Рамеш познакомил меня со своим внучатым племянником. При этом он сказал: «Я давно хотел вас познакомить. Он такой же спокойный мальчик, как и вы». А этому «мальчику», то есть мне, тогда уже исполнилось почти тридцать девять лет!

Если разговоров с Экхартом было немного, то ходьбы было предостаточно. Он любил прогулки. Вспоминались ли мы на Гластонбери Тор^[18], шли ли по сухому руслу реки Финдхорн, поднимались ли на вершину Аруначалы или просто бродили по лесу за его домом в Ванкувере, мы всегда гуляли долго, но обменивались только тишиной – слов не было. И от этого мне с ним было необыкновенно легко.

Когда наша группа запланировала посетить Гластонбери Тор, мы заказали гида. Я сказал об этом Экхарту. Тот ответил, что ему не интересны даты и исторические детали, которые обычно узнают на экскурсиях, и поэтому он не хотел бы в этом участвовать (пожалуй, никакого другого ответа от автора «Силы настоящего» не стоило и ожидать), если только мы не захотим попросить его самого, чтобы он провел нас по Гластонбери Тор в качестве нашего гида, но при условии, что это будет молчаливая экскурсия, направленная на то, чтобы впитать атмосферу Священного холма. Был ли у нас хоть какой-то выбор?

Экхарт – это как бы человек-мост. Он взял тему недвойственности и принес ее в массы. Таким образом разрыв был преодолен. Как кажется эго, человек может что-то *сделать*, добиться того, чтобы быть в настоящем моменте. В действительности есть только Присутствие. Присутствие существовало до того, как вы узнали, что вы присутствуете здесь в качестве индивидуума. Как могли бы вы присутствовать, если бы не было Присутствия как такового, то есть безличного Присутствия? Как может «Я есть Гаутам» появиться до «Я есть»? «Я есть» – это безличное осознание бытия, то есть Присутствия, то есть той силы, которая действует через всех нас. В сущности, Присутствие есть не что иное, как отсутствие индивидуального «тебя», того, кто думает, что он присутствует. Как только ваше «я» вступает и заявляет: «Я присутствую», присутствие становится персонализированным: «Я – отдельная сущность, и я присутствую». То, что было безличным Присутствием, становится объективированным. Теперь отдельный индивидуум утверждает, что он является тем, кто присутствует. Экхарт обманывает эго, оно у Экхарата верит, что может сделать что-то, чтобы *стать* присутствующим. Легче работать с эго, чем требовать уничтожения эго, что во многих случаях невозможно, поскольку означает приказ эго уничтожить самого себя. Таким образом, он оказывает поддержку великому архетипу всех мифологий мира – архетипу Обманщика. Истина в конечном итоге побеждает. И это дело рук Обманщика.

Был вечер, мы сидели на лужайке и разговаривали. В разговоре кто-то сказал Экхарту, что считается, что последним пристанищем Святого Грааля является Гластонбери. Экхарт усмехнулся и сказал: «Возможно, что Чаша находится здесь в кустах, прямо у меня за спиной!» Это

напомнило мне одну из моих любимых французских поговорок: *Vous ne trouvez pas le Saint-Graal. C'est le Saint-Graal qui vous trouve* («Не вы находите Святой Грааль, это Святой Грааль находит вас»).

Рамеш, обычно давал такое определение эго: «Эго – это идентификация с именем и формой как с отдельной сущностью». Его определение напоминает мне один недавний случай. Я был приглашен на чай. Там была дама, которая принялась оживленно беседовать со мной. Она рассказала о происшествии, которое подтвердило, что она находится под присмотром Высшей Силы, поскольку просто чудом была спасена в автокатастрофе. Во время всего монолога она обращалась ко мне как Гуаву (или Гиришу... я не могу точно вспомнить). Во всяком случае, она не обращалась ко мне как к Гаутаму. Она говорила и говорила: «Вы знаете, Гуав, что произошло дальше... а потом, Гаув, вы не поверите... вы можете представить себе, Гуав...» Я подумал, что это довольно забавно. Конечно, первой моей реакцией было желание сказать: «Послушайте, это не мое имя». Но я его не озвучил. Я был поглощен ее рассказом и думал, что не должен прерывать поток ее слов, ибо она неслась, как автомобиль на пятой скорости. В любом случае, какая разница, как мое имя могло повлиять на саму историю? В конце вечера, когда я собрался уходить, дама подошла ко мне. Она выглядела заметно расстроенной. И я понял – почему, когда она сказала: «О, ну почему вы не сказали, что ваше имя Гаутам! Вы ни разу не исправили меня, когда я называла вас другим именем! Вы должны были меня поправить! Я сожалею, очень сожалею». Я улыбнулся и сказал ей именно то, что я чувствовал: «Ваш рассказ захватил меня, и он никак не был связан с моим именем».

На ее лице появилось выражение недоверия. Казалось, это была самая странная вещь, какую она когда-либо слышала. Меня поразило, как глубоко мы идентифицируем людей с именами, в том числе и себя с нашим собственным. Я не призываю вас к тому, чтобы люди называли вас любым именем – по их желанию, потому что это приведет к возникновению целой кучи имен, тогда как даже одно имя – это больше, чем мы можем усвоить. Но в следующий раз, когда кто-то назовет вас по имени, отличному от вашего, посмотрите, как быстро оживает идентификация, чтобы защитить ваше так называемое настоящее имя, то есть то, кем, как вы *думаете*, вы являетесь.

Огромная благодарность возникает всякий раз, когда в памяти моей всплывает время с Рамешем, потому что это он поднял передо мной завесу идентификации и обнажил Божественный обман разделения.

Просветленный банкир

У меня имеется множество оснований для того, чтобы написать книгу обо всех этих удивительных встречах – начиная с йогов, которые высасывали раковые клетки, и заканчивая читающими по лицу людьми, которые могли определить преступника, просто глядя при опознании на подозреваемых. Хотя я действительно многое узнал из всех этих обогативших меня встреч, я обнаружил, что каждое воскресенье я снова и снова прихожу в дом к Рамешу. Возможно, это происходило потому, что, хотя я и видел много чудес и повстречал много существ, обладавших сиддхи, для меня Рамеш был тем, кто обладал величайшей сиддхи и говорил об этой сверхъестественной силе, творящей чудеса, то есть о спокойствии ума в повседневной жизни.

Рамеш обычно говорил на своих беседах: «Что даст вам просветление из того, чего у вас не было раньше? Способность ходить по воде? Нет. Способность быть в двух местах одновременно? Нет. Способность определить автомобиль, который готов освободить парковку, когда вы ищете место, чтобы припарковать свой автомобиль? Забудьте об этом! Все, что просветление сделает для вас, – даст вам спокойствие ума в повседневной жизни».

Говоря об оккультных силах, Мехер Баба^[19] как-то сказал: «Посредством различных йог можно развить чудесные оккультные силы, такие как хождение по воде. Все эти различные силы, развитые посредством практик йоги, феноменальны, следовательно, преходящи и нереальны. Все это не имеет ничего общего с духовностью или с духовными силами, которые скрыты в каждом, но проявляется только у некоторых избранных, у тех, кто осознал себя»^[20].

И я безмерно благодарен тому, что мои ноги, которые частенько проносили меня мимо важных вещей, тут по колено увязли в цементе учения о недвойственности. Во второй раз, когда я пришел на беседу к

Рамешу, он сказал мне: «Вижу, что вы снова пришли. Будьте осторожны, это место может стать вашей воскресной церковью». Могли я знать тогда, что его слова сбудутся и что все будет именно так в течение почти десяти лет, вплоть до момента его ухода.

Удивительно, но когда я в первый раз пришел на одну из его бесед, я основательно заскучал и подумал: как это странно, что люди со всего мира должны добираться до этой квартиры в Мумбаи, чтобы слушать человека, который говорит, что на все воля Божья! Потом я стал ходить к Рамешу каждые выходные, чтобы узнать, что там имеется такого, чего я не понял. Так началось это мое многолетнее путешествие. Вы никогда не знаете, где вы окажетесь и как пойдут события. Это потому, что всегда не «вы» причаливаете к какому-то берегу. Просто происходит «причаливание», а «вы» при этом являетесь сопровождающим элементом в происходящих событиях. Однажды, несколько месяцев спустя после того, как я начал бывать у Рамеша, просматривая книжные полки у себя дома, я с удивлением обнаружил, что Рамеш смотрит на меня с обложки одной из книг. Это была его ранняя работа под названием «*Сознание говорит*». Ее довольно давно подарила мне мама. И только тогда я вдруг понял, что ее автор – это именно тот мудрец, к которому я стал ходить.

Красота учения Рамеша была в его простоте. Именно это заинтересовало меня больше всего. Мантра Рамеша: «Все происходит, никто ничего не делает». В этом мудрость и глубина, роль Бога, уничтожающая в эго ощущение «делания». И это является стержнем данного высказывания.

Очаровывало меня и то, что он был вполне земной и доступный. Это был обычный индийский дедушка, одетый в белую *kurta-pyjama*^[21], который сидел в кресле-качалке в гостиной, а мы все располагались вокруг него. Почтальон звонил в дверь, скороварка пыхтела на кухне, сигналы машин с улицы у дома проникали в комнату. Это был обычный семейный дом в Мумбаи, в котором ежедневно проводились беседы.

Когда я в первый раз увидел Рамеша, за его спиной уже было восемьдесят три года яркой, насыщенной жизни. В молодости он занимался бодибилдингом, в тридцать семь лет стал банкиром одного из ведущих банков Индии, в жизни он видел и взлеты, и падения, в том числе и боль от потери сына. Все у него было обычным, легко

понятным каждому. В своей биографии, изданной под названием «Хеппенинг гуру», Рамеш говорит: «Мне не понадобилось много времени, чтобы открыть для себя мою обычность... Моя обычность, должен признать, не была обычностью „С“, а была скорее „В+“ обычностью»^[22].

На протяжении многих лет я встречал множество астрологов, которые предсказывали будущее. Мои духовные искания и то, что я занимался изданием духовной литературы, делали встречи с ними обычным делом. Некоторые из них были гениальными предсказателями, некоторые ими не были. Некоторые были довольно точными в отношении многих вещей, но не всех. Некоторые из них были очень точными относительно отдельных вещей, но не в целом. Некоторые из них были точными в предсказаниях на какое-то определенное время, некоторые были точны относительно длительных периодов времени, но никто из них не давал точных предсказаний постоянно. Все это было индивидуально и относительно. Я встречал человека, который говорил: «Вот она просто гений, сходи к ней». Затем я встречал другого человека, и он говорил: «Не ходи к ней, все ее предсказания не сбываются». Если кто-нибудь спрашивал меня о каком-то астрологе, предполагая, что я знаю все, что связано с духовным поиском в Индии, мой ответ был таким: «Вы должны пойти и сами для себя все выяснить». Я придерживался такого подхода, даже когда речь шла о духовных учителях или авторах. Всегда есть разные мнения, витающие вокруг. Единственный путь – идти и самому смотреть, чем все это будет лично для вас.

Тематика предсказаний будущего и судьбы подводит меня к теме драгоценных камней. Рекомендации относительно того, какие камни вам подходят, – это страсть астрологов, поскольку ношение камней является важнейшим «корректирующим средством» ведической астрологии. Некоторые рекомендуют желтый сапфир, некоторые синий, другие рубин, а третьи изумруд; есть и такие, кто советует алмаз. Некоторые говорят, что желтый сапфир нужно носить на безымянном пальце левой руки, другие – что на указательном пальце правой руки. Некоторые советуют сделать кольцо из золота, другие предлагают серебро; есть и такие, кто считает, что кольцо должно быть обязательно из белого золота. Одни говорят, что караты должны превышать ваш возраст, другие – что караты не имеют значения, а

важен цвет камня; некоторые считают, что цвет должен быть бледным, другие – что цвет должен быть темным. Я помню, как покупал камни и как получал их в подарок. Если бы я прислушивался к некоторым астрологам, то должен был бы носить по камню на каждом пальце. К счастью, в моей коллекции их всего три. И что теперь происходит со мной, раз уж эти камни были рекомендованы? Мне всегда нравились драгоценные камни, и поэтому я ношу то, что мне нравится носить, то, с чем я чувствую себя комфортно. Это, возможно, не совсем строгое следование протоколу, но это то, что происходит со мной. Кстати, чаще всего я обнаруживаю, что не надел ни одного камня.

То же самое происходит и с посещением храмов. Я никогда не был любителем ритуалов или храмов, но в один прекрасный день возникло ощущение, что я должен испытать этот аспект, который также является неотъемлемой частью индийской культуры. Я начал посещать храм *Shani* (Сатурна) по субботам. И стал получать удовольствие от этих посещений. Но бывали дни, когда я просто заставлял себя туда идти. У меня был друг, который был очень религиозен и посещал различные храмы в назначенные дни. Он не мог заснуть ночью, если пропускал такой день. Я человек вполне дисциплинированный и легко могу привыкнуть к заведенному порядку, но жгучего желания идти в храм у меня не было, хотя я и закончил тем, что в течение двух лет почти каждую субботу посещал этот храм. Теперь, когда я чувствую, что у меня есть соответствующее настроение, то иду. Когда настроения нет, я не иду. Но в тот день, когда я чувствую, что не пойду в храм, я делаю вот что: усаживаюсь на кровати и представляю себя в храме. Это так забавно! Ведь наша фантазия безгранична. С помощью своего внутреннего «фотошопа» я вижу толпу и себя, стоящего перед статуей Шани Дева^[23]. Потом я представляю себя несущим гигантскую емкость с маслом, которое является традиционным подношением, и начинаю понемногу лить масло на статую. Обычно люди получают небольшую чашу с маслом у входа в храм. Но при таком «посещении» мое подношение безгранично – я могу вылить хоть тысячу галлонов. Иногда сами по себе возникают и другие визуализации. Все приходит спонтанно. Например, подношение из десятков кокосов или каскадный душ из цветов. Ведь воображение – это поле безграничных возможностей.

Был еще один аспект посещений храма: я никогда не знал, о чем просить. Тот же друг, о котором я уже говорил, ясно знал, что он хочет портфель от Луи Виттона, и молился, чтобы получить его (и действительно получил, так было в его случае). Все, о чем я мог просить, сводилось к тому, чтобы найти в себе силы справиться с жизненными ситуациями, также я просил о здоровье для близких и для себя. Обычно я думал: «Что толку просить о чем-то, если не знаешь, действительно ли это так уж хорошо для тебя? То, что может быть хорошим сегодня, может стать нехорошим завтра».

Возвращаясь к учению, учитывая все сложности, связанные с будущим, какой бальзам может быть лучше слов, сказанных вам: «Если что-то должно произойти, то никакая сила не может предотвратить это. А если что-то не должно произойти, тогда никакая сила на земле не может сделать это реальностью».

Я благодарен Богу за то, что мне было предназначено судьбой встретить мастера, чье учение нашло отклик в глубинах моего сердца, поскольку все это совпадало с тем, что я испытал в жизни. Его концепция заключалась в том, что все предопределено, что чеканка судьбы происходит в момент зачатия. Для него все было предопределено и вырезано в камне. И это не тот камень, что вы носите на пальце, этот камень твердый, как скала, этот камень – это понимание, которое ведет к спокойствию в повседневной жизни.

Где же можно купить такой камень? Какого он цвета? Сколько в нем карат? На каком пальце вы его носите? Вы вставите его в золото или серебро?

В гороскопе вашей жизни есть одна вещь, которую я вижу и от которой не уйти: никогда вы не сможете знать, что принесет вам следующее мгновение – радость или боль. Вам может позвонить ваш друг, чтобы сказать, что его жена только что родила мальчика и они решили сделать вас его крестным, но это может быть и новость о том, что ваш любимый человек только что погиб во время атаки террористов. Что-то непременно случится. Куда и к чему это приведет, один бог знает. Зная это, посещайте храмы, которые хочется посетить, поклоняйтесь богам с самозабвением, украшайте себя всеми камнями, что мать-земля предлагает из глубин своих сокровищниц, утешайтесь

неизбежностью неизбежного, осознавая, что не может быть по иному –
ибо, если бы это было возможно, это случилось бы.

Уроки маленького учителя

Я узнал его, когда ему было два месяца от роду. Он никогда не видел своего отца, его забрали у матери, поскольку она была не в состоянии заботиться о всех своих детях. У нее просто не хватало молока, чтобы выкормить пятерых детей.

Он был тихоней. Не любил много говорить. А когда делал это, трудно было понять, что он говорит. Он был особенным ребенком Бога. Вы могли бы сказать, что ему не достался «сомнительный дар интеллекта». Возможно, в его случае, это был подарок от Бога, так как это означало, что он не мог спросить: «Почему?» Он никогда не мучился вопросами, которые мучают почти всех нас. *Почему я родился? Что я здесь делаю? Какова моя цель? Почему он сказал мне это? Почему она сделала это? Почему не все идет так, как я хочу? Что будет со мной?*

Его приемная семья хорошо о нем заботилась. Они не отправили его в школу, так как в городе не было школ для таких, как он. В результате у него было мало друзей, и он пришел к тому, что стал проводить большую часть времени дома. Больше всего ему нравилось, когда его выводили на долгие утренние прогулки вдоль моря. Он любил бывать на воздухе и очень радовался, когда приходило время гулять. Он не знал счета времени, но точно знал, когда наступало время прогулки, всегда был к ней готов и ждал у двери. На прогулке, будто познав свободу, он уносился вперед, с радостью оставляя позади того, кто его сопровождал, и возвращался назад только тогда, когда его окликали по имени. Но делал это с большой неохотой.

Мне милее всего была его простота. Для него значимы были лишь «основы» жизни: еда, солнце, сон и ласка. Ему нужно было так мало, чтобы чувствовать себя счастливым! Я редко видел его в дурном настроении. Можно сказать, что он был интроверт. Друзей у него было немного, и он не вел с ними ненужных разговоров. Я, бывало, задавался вопросом, любил ли он людей вообще или просто терпел их, потому что был вынужден с ними общаться. Конечно же, как и все дети, он вас очень любил, если вы что-то ему дарили, особенно если это было мороженое. Тогда вы становились для него одним из самых любимых людей на свете. До тех пор, пока мороженое не кончалось.

Он казался ярким примером умения жить в настоящем моменте. Так много было написано об этом, но он был живым воплощением идеи. Никто не рассказал ему о «пребывании в настоящем». Его возраст и интеллектуальный калибр не годились для понимания подобных концепций. Тем не менее я не заметил, чтобы он хоть раз упомянул о прошлой боли или о боязни будущего. Ничего подобного, казалось, не возникало в его голове. Я никогда не слышал, чтоб он спрашивал нас о каком-нибудь «завтра» или жаловался на «вчера».

Говоря о страхе, хочу вспомнить один интересный случай, когда я столкнулся со страхом, вернее, страх столкнулся со мной. Однажды я сидел в офисе, и вдруг зазвонил телефон. Я взял трубку и услышал некие новости, связанные с моей работой, которые были не очень приятными. В те минуты, когда я слушал голос из телефонной трубки, который говорил мне о проблемах, я ощутил, как внутри меня нарастает страх. Он возник где-то у основания позвоночника, поднялся до области сердца, а затем упал обратно вниз. Меня просто поразило это ощущение. Все это случилось почти мгновенно, и все же, казалось, что все происходило в замедленном темпе. Внутри меня существовало нечто, что было свидетелем этого чувства страха, которое поднялось, а затем ушло. Я понял, насколько инстинктивна такая реакция, как страх, будь то страх физический или психологический. Хотя граница между этими двумя страхами на самом деле очень тонкая, я бы сказал – размытая. Физический страх – автоматический, иначе мы бы не глядели направо и налево, переходя дорогу. Это страх, который в нас запрограммирован. Что касается психологического страха, тут, скорее всего, мы больше вовлечены в страх, который почти всегда избыточен и не соответствует уровню опасности ситуации.

Психологический страх – это в большей степени страх выживания моего маленького «я» как отдельного существа, действующего во времени. Мое маленькое «я», полностью соотнесенное с телом, выступающим в качестве отдельного субъекта, испытывает страх, опасаясь за свое существование в будущем. Однако, если уж на то пошло, мы не создаем своего «я». И если это так, то как же «мы» создаем психологический страх? Психологический страх может возникнуть, если ему суждено возникнуть, и это зависит от характера того человека, в котором возникает страх. Но (перефразируя Рамеша) «различие между мудрецом и обычным человеком заключается в том, что мудрец не *вовлекается* в страх, а наблюдает страх, возникающий в системе „тело-ум“, которая оказывается в данном случае его собственным организмом». В примере, который я только что описал, страх был наблюдаем как волна, которая поднималась и опускалась «в данный момент». При этом, если бы произошло вовлечение в страх, эмоция «волны-ощущения» страха, возможно, могла бы распространиться по всему телу – в мышцы, ткани и проч., создавая напряженность и дисбаланс в системе тела и его функционировании. Это вполне может произойти, когда человек находится во власти страха и не может избежать его когтей.

Как могу я меньше бояться? Этот вопрос, как таковой, сформулирован неправильно. Все наши попытки испытывать как можно меньше страха на деле означают дальнейшее вовлечение в страх, что диаметрально противоположно этим якобы благим намерениям. Просто человеческая природа такова, что мы не можем уйти от страха. Поэтому пусть он будет.

Так вот, этот малыш, о котором я здесь рассказываю, жил полностью в «сейчас». Возможно, он бы стал беспокоиться о будущем, если бы у него исчезла крыша над головой или его еда не появилась бы вовремя. У меня не было способа узнать это. Всякий раз, когда его спрашивали, что у него на уме, он просто глядел пустыми глазами, как будто не понимал, что мы имели в виду, а потом отворачивался с полнейшим отсутствием интереса. И начинало казаться, будто что-то не так не с ним, а с тем, кто задавал подобный вопрос. Он был существом столь умиротворенным, что для любого человека было настоящей радостью находиться рядом с таким созданием. Казалось, что даже воздух

вокруг него делался легким. Мы все привыкли называть его «наш просветленный малыш».

Возвращаясь к его отношениям с людьми, могу сказать, что наиболее интересным этот мальчик был при общении с духовным учителем, который приходил в его приемную семью раз в неделю. В доме происходили встречи, на которые всегда приходило около двух десятков человек. Группа собиралась для совместной медитации под руководством мастера. На самом деле его не интересовала группа, где были и те, кто по-настоящему любил его, и те, кто считал его странным и старался держаться на расстоянии, действуя так из подсознательного страха. Очень интересно было наблюдать, как в момент начала медитации он спокойно входил в гостиную, сразу направлялся к месту, где сидел мастер, и сидел у ног учителя на протяжении всей медитации. Примерно через полчаса, в ту минуту, когда мастер издал протяжный звук «омм», что было сигналом окончания медитации, он немедленно поднимался и покидал комнату. Вербального общения между ним и мастером не было, но взаимопонимание между ними было столь полное, что вербальное общение вообще не требовалось. Похоже, эти особые дети Бога связаны с Ним напрямую, ибо есть что-то глубоко духовное в самом их существовании. И мы при желании могли бы многому от них научиться.

Нашего «мальчика» регулярно отвозили к врачу для проверки. Он не любил эти визиты, и подозрение, что его повезут в место, которое он не любил, возникало у него, как только его усаживали в машину. Врач же любил его и заботился о нем. Мальчик был здоровее других детей, имеющих аналогичные проблемы, однако считалось, что он доживет лет до одиннадцати-двенадцати. Было большой редкостью, чтобы такие, как он, пережили этот предел. Но он прожил дольше и смог увидеть свое семнадцатое лето.

Я думаю, что одним из факторов, который способствовал продлению его жизни, была пища, которую он ел. Он был почти как садху – ел одну и ту же здоровую пищу изо дня в день, без жалоб и без вопросов, за исключением эпизодически получаемого мороженого. Все блюда подавались ему с любовью и вовремя. Его еда была такой, какую рекомендовал врач в качестве ежедневного рациона, и такой, которую его молодой организм мог переваривать. Он ел столько, сколько было

нужно, и бывали периоды, когда он принимал решение поститься и не есть пару дней подряд. Врач сказал, что не стоит беспокоиться, раз он не проявляет никаких признаков непривычной усталости. Казалось, что он жил в соответствии с ритмами своего тела и, видимо, решал, что пришло время поста, когда ему надо было очистить свою систему. При этом всякий раз, когда мы спрашивали его, в чем дело, он не отвечал. Он, можно сказать, был «немногословным человеком». Если бы мы все могли использовать подобную интуицию при приеме нашей пищи!

И вот прошло семнадцать лет. К концу этого срока его зрение ослабло, и он начал натекаться на мебель. Его прогулки стали короче, так как и его выносливость ослабела. Он не был таким бодрым, как прежде. Он стал еще меньше есть. Но, несмотря на это, был крепким и дружелюбным. Он ни разу не попадал в больницу. Мне довелось быть с ним в тот день, когда он скончался. Это случилось дома. Все произошло быстро. Он сделал три длинных вдоха, и все закончилось. Похоже, что это была остановка сердца. Не было больше дыхания. Не было смысла вызывать врача.

Жизнь длиною семнадцать лет – это мало? Конечно мало. Но, учитывая, что ожидаемая продолжительность его жизни должна была составить двенадцать лет, его жизнь, по милости Божией, была продлена вдвое. Можно ли просить о большем? Мы и в правду должны быть благодарны Богу за все время, что проводим с нашими близкими. Мы просто принимаем каждый день их существования как должное, и лишь тогда ощущаем их потерю, когда они уходят из нашей жизни. Мы все беспокоились, сможет ли он прожить двенадцать лет. И он смог. Видимо, здесь ему было хорошо, что он протянул семнадцать. Он ни разу не сказал, что любит нас, но мы знали, что любит. Понимаете, многие из нас не выражают любовь, которую мы испытываем к другим, из-за боязни, что любовь не найдет ответа, или по сотне других причин. Но в его случае это было не так. Хотя Бог и не дал ему способности выражать многое, но что-то в его поведении выдавало его отношение к вам. Завидев вас, он радовался и не мог не вертеть хвостом, вернее его хвост вертел им.

Ах, если бы Бог одарил людей хвостами.

Примечание.

Джеффри был нашей собакой – миниатюрной таксой. Моя старшая сестра Шибани решила назвать его Джеффри – по имени Джеффри Арчера, который был ее любимым автором. Он любил мою мать, поскольку это она водила его гулять по Марин Драйв.

Стимулом для написания этого эссе стал короткий рассказ «Просто близкие друзья» из сборника Джеффри Арчера «Поворот в истории»^[24], который я прочитал в семнадцать лет.

Спасибо Джеффри... и Джеффри.

Рамеш Балсекар часто говорил, что у животных нет этого сомнительного дара – интеллекта, который заставляет человеческое существо задавать вопросы.

Вы будете там, где и должны были быть

В 2006 году я и мой друг Херш были в Лондоне и решили посетить Духовный центр. Этот центр упоминала в своей книге «Звуки тишины» Нэн Умригар, одна из авторов, публиковавшихся в моем издательстве. Когда я сообщил Нэн, что еду в Лондон, она настоятельно посоветовала мне посетить этот Центр, который произвел на нее хорошее впечатление. Поэтому, когда мы планировали детали нашей поездки, я предложил другу побывать там, и он с готовностью согласился. Мы проверили адрес и другие подробности на сайте, и, просмотрев намеченную программу, выбрали день, на который запланировали визит в Центр.

В Лондоне мы раздобыли карту метро и отправились в Духовный центр, расположенный на Белгрейв-сквер, 33. Найти Центр оказалось не так просто, ибо ни один из нас до этого не бывал в этой части Лондона. Нам пришлось поспрашивать прохожих, но в конце концов мы нашли его и прибыли туда вовремя. Мероприятием, которое мы выбрали, была встреча с ясновидящим, на которой он должен был публично продемонстрировать свои способности. У стойки на входе мы оплатили наше участие, и нам показали, куда идти. Войдя в зал, мы заняли свои места. Нас было немного, поэтому ясновидящий стал «считывать» каждого из нас, принимая информацию, которая к нему приходила.

Он производил приятное впечатление. Был человеком простым, говорил четко и по существу. Когда дело дошло до моего друга и до меня, он оказался убийственно точным в большей части того, что

считывал. Он даже сказал, что я, по-видимому, регулярно посещаю какую-то «философскую школу» и что это хорошее место, куда стоит ходить, так как он видит много исходящего оттуда света. Конечно, я знал, что он имел в виду *satsangs* (духовные собрания) моего учителя, которые я посещал. Это была не совсем школа философии, скорее беседы, который мой учитель вел с посетителями в своей гостиной. Но я понял, что ясновидящий конструирует образ в контексте, с которым знаком. Во всяком случае, это было подтверждение (хоть я и не нуждался в нем), что я провожу время в правильном месте.

Встреча закончилась. И мы ушли с нее очень довольными, потому что не напрасно потратили время.

Три года спустя

В 2009 году я в очередной раз проводил отпуск в Лондоне. В это же время там был мой друг из Америки. Я позвонил ему утром, и так как он был не очень занят в тот день, мы решили вместе пообедать. Ни один из нас не знал Лондон как следует. Мы встретились в отеле «Грин-парк», прогулялись немного, добрались до Букингемского дворца, а затем стали думать, куда бы пойти пообедать. Еще когда мы шли мимо Букингемского дворца, я подумал, что гвардейцы выглядят удивительно спокойными, несмотря на неудобную униформу и головные уборы, как если бы они были тайными йогами в разных состояниях самади. Гуляя, мы случайно наткнулись на хороший итальянский ресторан и решили там пообедать. И так как после обеда у нас оставалось немного свободного времени, то мы решили пройтись по близлежащему живописному кварталу. Прошло минут двадцать, как я почувствовал, что нахожусь на знакомой территории. И прежде чем я окончательно это осознал, мы уже стояли прямо напротив двери дома по Белгрейв-сквер, 33!

Я очень обрадовался такому совпадению и предложил моему другу зайти в Центр. Так как мой друг был хилером по профессии, я подумал, что, вероятно, мы оказались там не без причины и что совсем неплохо было бы ему познакомиться с людьми из Центра. Он мог бы установить с ними связь, так как они занимались такой же работой. Как только мы вошли, человек на стойке у входа попросил нас

поторопиться, так как мы уже опоздали на публичную демонстрацию. Он сказал, что, поскольку мы опоздали лишь на пять минут, он может позволить нам войти. Я был весьма удивлен тому, как разворачивались события. Ведь ни один из нас не планировал этого и не намеревался приезжать сюда на демонстрацию ясновидения. Мы взглянули друг на друга, пожали плечами, заплатили за вход, зашли и... к моему изумлению, я увидел, что это был тот же самый ясновидящий, которого я встретил здесь три года назад! Более того, он еще не начал сеанса. Когда мы пробирались на свои места в заднем ряду, все обернулись, чтобы посмотреть на двух новых участников, нарушивших тишину. В этот момент ясновидящий решил начать сеанс и первым, на кого он указал, был я! Но дело не в том, что он в этот момент считывал.

Это совпадение (то, что мы снова оказались на Белгрейв сквер. 33) привело меня к внезапному озарению. И это было нечто такое, что я всегда знал глубоко внутри, и я думаю, что мы все это знаем. А формулируется поразившая меня мысль очень просто: вы будете именно там, где вам предназначено быть в данный момент времени. В первый раз в моем случае мы все спланировали до деталей и добрались до намеченного нами места. Во второй раз у нас не было никаких планов, но мы оказались именно там. Ясно было одно: в первый раз для того, чтобы оказаться на «Белгрейв сквер», 33, мне потребовалось планирование, во второй раз планирования не потребовалось.

Совершенно очевидно, что «планирование» было именно тем механизмом, который был нужен для того, чтобы случилось первое посещение Центра. Было бы глупо предполагать, что спланировал это я, поскольку план возник потому, что другой человек сказал мне, что мне не помешало бы посетить Центр. Если бы я не услышал этого предложения, то и не запланировал бы свой первый визит. Более того, должен был быть какой-то пусковой элемент для того, чтобы другой человек предложил мне туда пойти. Во-первых, должно было быть что-то, что заставило Нэн сходить туда и потом рекомендовать это мне. И это что-то в свою очередь зависело от другой причинно-следственной связи. Можно бесконечно отслеживать эти звенья по кривой беспрестанного обратного движения, и обнаружить, что серия, казалось бы, несвязанных событий приводит к тому, что человек

оказывается там, где он должен быть в данный момент времени – физически или эмоционально. Когда эта цепь событий в действительности началась, в какой именно момент времени – об этом можно только гадать! Может быть, всего день назад, а может, и сто лет назад. Где заканчивается цепь понятно – здесь и сейчас. Вместе с тем это, конечно, будет началом другой цепи событий, которая приведет куда-то кого-то другого в какой-то другой момент времени, чтобы выполнить конкретное действие или создать особый план, основанный на том, что некий человек сказал ему... и так далее, и так далее, *ad infinitum*.

Даже если мы ошибочно полагаем, что планирование находится в нашей власти, мы не можем сказать, что в нашей власти находятся и результаты планирования. В первое посещение мы могли бы успеть на демонстрацию, а могли бы и не успеть. Мы могли бы плутать (что мы и делали), спрашивать дорогу у прохожих, и мы могли бы не прийти туда вовремя.

Совершенно невероятно, как много прямых и косвенных факторов действуют сообща, чтобы мы оказались там, где мы находимся в данный момент. Возможно ли, чтобы это было подвластно чьему-либо контролю?

Дыхание – это не наш выбор. Дыхание происходит. Аналогично происходит жизнь, планируемая или не планируемая. Фантастическая механика события привела и к данному моменту – моменту, когда вы читаете эти слова. Вы планировали купить эту книгу? Разве это не связано с обзором, который вы прочитали, или с другом, который вам о ней сказал, или с магазином, в котором вы ее нашли? И даже если вы запланировали купить книгу, прежде всего она должна была оказаться в наличии. Что в свою очередь зависит от автора, у которого должно было возникнуть вдохновение, чтобы написать ее, и соответственно от редакторов, издателей, продавцов бумаги, типографий, транспортников, дистрибьюторов, книжных магазинов и т. д. От целой цепочки событий и людей, где каждый играет свою роль, которая позволит книге существовать и найти свой путь к вам, чтобы попасть в ваши руки. Они все должны были действовать сообща в некий период времени для того, чтобы вы, в соответствии с вашей судьбой, читали сейчас эти строки. Разве это не впечатляет – это множество людей и

событий, которые действуют сообща, чтобы сформировать неизбежность того, что может предложить данный момент?

Сознание заслуживает не только аплодисментов стоя, но и вызова на «бис» за изумительное дирижирование оркестром, который деликатно вкрапляет в вашу жизнь людей и события, на которые вы отвечаете, реагируете. И Оно не возражает, если все это вы приписываете себе. Вы ведь являетесь аспектом этого же Сознания, идентифицировавшего себя с маленьким «я», то есть с отдельным интеллектом «тела-ума», деятельно планирующим ваше следующее движение по шахматной доске жизни. Но когда вы начинаете понимать, что планирование – это всего лишь механизм, необходимый вашему «я» для того, чтобы функционировать в повседневной жизни, тогда планирование больше не пропитано прилипанием к этому «я», к его прогнозам на будущее и ко всем остальным ожиданиям, неисполнение которых влечет за собой ужасную тоску, печаль, сожаление, чувство вины и все эти сценарии из серии «Что же я сделал не так?».

Тема – «все идет не по плану» – напоминает мне об одном недавнем разговоре. Несколько дней назад в газетах появилась статья о местном ресторане в районе Колабы в Южном Мумбаи. Это был тот самый ресторан, который ограбили вооруженные ножами преступники. Там же был напечатан снимок с камеры скрытого наблюдения. Ограбление было зафиксировано камерой, но проблема была в том, что камера, установленная на потолке, показала все произошедшее только с верхнего ракурса. Были видны лишь макушки голов грабителей и кассира. Эта позиция не дала ясности, и я задумался, сможет ли полиция найти виновных. К моему удивлению, через пару дней в газетах было объявлено, что ограбление раскрыто и что преступники арестованы благодаря записи с камер видеонаблюдения. На следующий день вышло так, что я встретил заместителя комиссара полиции в фитнес-клубе, где мы оба часто бывали. Я сказал ему, что восхищен тем, как смогли полицейские арестовать воров, имея так мало улик. Ухмыльнувшись, он обронил: «Иногда мы их ловим, несмотря на то что стараемся из всех сил». Это, конечно, была ирония. Он имел в виду то, что полицию всегда обвиняют в том, что они оказываются недостаточно компетентными, хотя они и стараются изо всех сил. Однако он не мог лучше сказать о том, что случается скорее чаще, чем реже. Мы планируем что-то и стараемся изо всех сил, но

результат не всегда бывает таким, каким мы ожидали, на какой мы надеялись.

Но как только вы поняли, что вы просто являетесь частью функционирования Тотальности, бремя вашей жизни и жизни мира больше не лежит на ваших плечах. Вы расслабляетесь, зная, что любой план принесет желаемые результаты только тогда, когда это предопределено волей Источника.

Понимание, что независимо от того, что было «запланировано» или «не запланировано», мы окажемся именно там, где мы должны быть в данный момент времени, приносит человеку чувство глубокого расслабления. Если дела идут не так, как было намечено, становится гораздо проще признать, что они и должны идти не по плану. В конце концов, все начинается не с плана, так как слишком много факторов способствует тому, чтобы этот план появился. «События идут не по плану» – это как раз то, что и должно было произойти в соответствии с планом Божественным. Разве не может быть так, что результат происходящего уже предрешен, и для того, чтобы он проявился, все и должно было идти не по столь драгоценному для вас плану?

Между тем, если все идет по плану, мы просто не можем присвоить себе все лавры за составление этого плана. Мы знаем, что как прекрасный кашмирский ковер создается в результате тысячи сложных переплетений, образующих изысканный узор, так и фантастический гобелен нашей жизни с переплетением событий и людей нужен для того, чтобы «наш» план принес результаты. «Неудача» и «успех» – это всего лишь слова, которыми «я» определяет исход плана. Результат не просит «я» давать ему определение. Это ярлык, который «я» присваивает результату.

При наличии такой точки зрения отпадает привязка к плану и зависимость от него. Больше нет столь «личностного» отношения к плану по той простой причине, что существует слишком много людей и факторов, участвующих в нем. Значит ли это, что ничего не следует планировать, если в любом случае вы оказываетесь именно там, где должны быть – с планом или без? Конечно нет. Планирование – это механизм повседневной жизни. Если что-то планируется, пусть планируется. Если же не планируется, то человек плывет по течению. Каждый из нас будет делать то, что соответствует его природе.

Белгрейв сквер, 33. Хотел бы я знать, приведут ли меня туда снова те или иные события? Планирую ли я снова побывать там? Не планирую. Означает ли это, что я не окажусь там еще раз? Нет, не означает.

Это при условии, что Духовный центр не переедет за эти годы в другое место.

Крайние проявления божественной ВОЛИ

Мне было двенадцать, когда наша семья отдыхала в Массури. Мама купила статуэтку Жанны д'Арк в антикварном магазине. Это была красивая статуэтка из белого фарфора, ей было лет двести. Статуэтка изображала Жанну, веревками привязанную к столбу и стоящую на груди бревен, в руках у нее был золотой крест, который она прижимала к груди. Меня этот образ озадачил: для моего юного ума было совершенно непостижимо, почему столь юная, выглядевшая такой невинной девушка была привязана к столбу, и ее должны были сжечь. Слишком большое во всем этом было противоречие. Помню, мне хотелось узнать, почему связывают тех, кто молится Богу.

Мама объяснила мне, что Жанна была святой, но некоторые считали ее ведьмой, поэтому ее сожгли заживо на костре. У меня в голове это просто не укладывалось. Когда я думал о ней как о ведьме – боялся. Когда думал как о святой – восторгался. Какому из вариантов я должен был верить? Я этого не знал. Поэтому иногда я ее боялся, а иногда любил. Подрастая, я все больше и больше узнавал о Жанне из книг, и она стала для меня своего рода навязчивой идеей, в частности потому, что я видел ее каждый день в своей гостиной. Чем больше я узнавал о ней, тем больше болело мое сердце из-за несправедливости, сотворенной над нею.

Хотя в истории человечества имеется немало отвратительных эпизодов, которые просто лишены здравого смысла, трудно найти что-

то под стать случаю с Жанной д'Арк. Ее случай – пример самых крайних проявлений добра и зла, на которые способны люди. Цена, которую мне пришлось заплатить за память об этой главе в истории Франции, – это подростковые годы, потраченные на мрачные настроения, причина которых может показаться вам довольно глупой.

Жанна появилась в годы темного и унылого политического периода в развитии государства. В ходе Столетней войны, после многих лет постоянных поражений, Франция была полностью деморализована. Все казалось безнадежным, поскольку все варианты были испробованы. И в этой ситуации появляется юная Жанна, которой всего шестнадцать, и она стучится в дверь к дофину Франции, наследнику французского престола. Она говорит, что слышит Божественные голоса, которые приказывают ей повести Францию к победе над англичанами. Она просит поставить ее во главе армии для того, чтобы исполнить Божественное пророчество. После недолгих размышлений над этим абсурдным предложением юный дофин дает согласие. Терять ему все равно было нечего, а девушка, без сомнения, была наполнена редчайшей решимостью свершить то, что было ей предназначено, иначе она не зашла бы так далеко.

Вскоре Жанна, простая крестьянская девушка и совсем уж не полководец, испытала ошеломляющий успех на поле брани. Одна победа следовала за другой. И более того, она исполнила свое обещание: ей удалось сделать дофина, юного Карла VII, королем, вопреки жесткой оппозиции, с которой он столкнулся.

После его коронации военные действия продолжались. Казалось, ничто не может остановить Жанну. Но в одном небольшом бою с бургундцами^[25], которые превзошли в маневренности армию Жанны, ей пришлось отдать приказ к отступлению. В соответствии с требованиями чести, она последней покидала поле боя. К несчастью, армия противника окружила ее отряд. Жанну заставили слезть с коня и взяли в плен.

Девушку сразу же продали англичанам. Те хотели немедленно избавиться от нее, но не могли вынести смертный приговор той, которая много раз побеждала их на поле боя. Поэтому они решили объявить, что она ведьма и еретичка. И Божественные голоса, которые слышала Жанна, оказались для этого прекрасным поводом.

Позже Жанна предстала перед судом, где не соблюдались никакие нормы справедливости и который известен как один из самых несправедливых судов в истории. Ее держали на цепи в железной клетке, она отказалась от защитника и любой формы положенного ей юридического консультирования. Более того, записи ее ответов на суде были изменены. Ситуация была безнадежной. Больше всего ужасает то, что Жанна была брошена всеми, она в одиночку защищала себя сама. Карл VII без труда мог уладить дело, но не сделал ничего, чтобы спасти Жанну, несмотря на то что она помогла ему надеть корону. Жанну преследовали неудачи, она надеялась хотя бы на одну благоприятную карту, но все оказалось тщетно. Во время суда искренность Жанны могли видеть все, поскольку ее ответы стервятникам, собравшимся вокруг нее, были мгновенными, она отвечала, не раздумывая. При этом она не знала, каким будет их следующий вопрос, у нее не было ни опыта, ни подготовки в области политики.

Приятие Воли Бога у Жанны было полным и безусловным

Глубокое впечатление на меня произвела пьеса Бернарда Шоу «Святая Иоанна». Он получил за эту пьесу Нобелевскую премию, чему способствовал ее международный успех. «Святая Иоанна» – одно из самых объективных освещений этой главы истории, так как большая часть диалогов героев пьесы основана на фактических данных, существующих в записи. Важнее всего то, как Шоу трактует эту тему. В его подходе я вижу несомненные аспекты философии Адвайты, сияющие в сюжете. Мне сразу было понятно, что Шоу – это человек потрясающего понимания. Жанна твердо и непоколебимо верила в то, что она исполняет Волю Бога. На суде член Святой инквизиции спросил, считает ли она Церковь мудрее себя, когда ей говорят, что все ее видения посланы дьяволом для того, чтобы соблазнить ее и обречь на вечные муки в аду. На что Жанна ответила: она убеждена, что только Бог мудрее ее, что только Его приказам она подчинится. Более того, Жанна сказала, что все действия, которые инквизиторы называли ее «преступлениями», ею были исполнены в соответствии с Божьим повелением. Все, что она сделала, она сделала лишь по велению Бога.

Позиция Жанны была ясна: она предана Богу, и нет никого, кто мог бы встать между нею и Богом и утверждать, что знает волю Бога лучше, чем знает ее она. И в конце девушка заявила, что только она напрямую общалась с Богом. А когда ее спросили, приказывали ли ей голоса не подчиняться Церкви, она просто ответила, что голоса не говорили ей не слушаться Церкви, но при этом говорили, что, в первую очередь, ей нужно служить Богу.

Несомненно, что Жанна отвечала на вопросы, исходя из того, что чувствовала своим сердцем. Она просто следовала велению Господа. Так что нам легко представить, как странно было ей, что ее судили, обвинив в ереси!

Как мог кто-то другой говорить ей, в чем заключается Воля Бога, если она точно знала, какова Его Воля!

Шоу явно пытался показать, что Церковь на этот раз поставила себя выше Бога. Незаконно присвоив себе всемогущество Господа, Церковь допрашивала Жанну, пытаясь выведать все подробности ее связи с Богом. Но Жанна со свойственной ей искренностью отвергла такой подход к тому, что с ней происходило.

Кто определяет, какова Воля Бога?

По существу, Шоу обнажает лежавшую на чаше весов куда более масштабную проблему, чем сожжение Жанны д'Арк. Проблему религии и ее институтов, «бессознательно ставящих себя выше Бога».

Церковь с дьявольским упорством пыталась доказать, что выдвигаемые против Жанны обвинения не связаны с политикой, с ее агрессивными действиями против Англии (что казалось бы не столь нелепым) и что она обвинялась в преступлениях против Бога.

Дело в том, что Церковь хотела, чтобы Жанна приняла церковную интерпретацию Воли Бога, а не свою собственную. Ситуация была необычной, а задача – невыполнимой. Для девушки было немыслимо принять церковное толкование Божьей Воли и отречься от своего. Конечно же она наотрез отказалась. Ее опыт был истинный, для нее это была Святая Правда. В конце концов, кто решает, какова Воля Бога? Может ли какая-то организация, учреждение или индивидуум утверждать, что знают, какова Воля Божья для другого существа? Это

было бы то же самое, что приказать тени не следовать за тем, чьей тенью она является. Может ли тень делать что-то еще помимо танца со своим создателем?

Допрос продолжался с определенной целью. Жанну спросили, ощущает ли она на себе благодать Божью. Это была смертельная юридическая ловушка, ведь, согласно Церкви, никто не мог быть уверенным в пребывании в Божьей благодати. Если она ответила бы на этот вопрос положительно, то была бы объявлена еретичкой. Жанна ответила без малейших колебаний: «Если благодать Божья не со мной, молю Господа ниспослать мне ее. А если она со мной, молю Бога не лишать меня Его милости».

К чему еще мог прийти этот суд? Ответы Жанны разжигали угли инквизиции, и страшный исход был неизбежен. Очередное проявление ее искренности было воспринято как высокомерие. Ее спросили, кто – она или Церковь – должен был быть судьей в ее деле. Жанна ответила: «Кто может судить меня, кроме меня самой?»

Как бы то ни было, после множества различных подтасовок и пререканий короткая жизнь Жанны закончилась тем, что ее признали виновной в ереси и сожгли на костре 30 мая 1431 года. Абсурдность приговора видна и в том, что одним из ключевых обвинений, выдвинутых против нее, было то, что она одевалась в мужскую одежду. И это было основанием для обвинения ее в ереси! То, что мужская одежда была ей необходима, так как она сражалась наравне со всеми и как солдат участвовала в действиях атакующей армии, для них значения не имело. Хотя трудно предположить, что она могла бы воевать в женском платье.

Тем не менее на костре она вела себя так, что все, кто наблюдал за ее казнью, не смогли сдержать слез. Она крепко сжимала в руках крест, который ей дал какой-то крестьянин, и попросила, чтобы перед ней тоже держали крест, чтобы она могла видеть его сквозь языки разгоравшегося пламени. Она начала повторять имя Иисуса и продолжала делать это до тех пор, пока ее голос больше не мог быть услышан. Юная Жанна не утратила веру в своего горячо любимого Бога до самого конца. Таков был конец насыщенной событиями жизни девушки, которая слышала голоса, которая выполнила все то, что Бог повелел ей сделать, и которая была сожжена за это на костре по приговору несправедливого суда!

В нашей повседневной жизни мы громко сокрушаемся, мы вопрошаем Бога, когда что-то идет не так. Немыслимо даже представить, что должна была чувствовать Жанна!

Еще одна великая истина отражена в этой истории. Никто никогда не может знать, что несет следующее мгновение. Голоса, которые слышала Жанна, не могли гарантировать ей успех в ближайший момент на поле боя. Не смогли они спасти ее и от ее судьбы. Более того, это явный пример того, что то, что ты являешься хорошим человеком и делаешь добрые дела, не защищает тебя от плохого. И почему несчастья случаются с хорошими людьми? На этот вопрос нет ответа, ибо мы никогда не сможем узнать, на чем основана Божья Воля. Вы только представьте: сожжение на костре за то, что ты слышал Бога и выигрывал битвы для своей страны, когда тебе было всего девятнадцать лет! Вряд ли Жанна думала, что такая судьба настигнет ее, ту, которая слышала голоса, передававшие ей повеления Господа.

После того как костер догорел, англичане собрали останки, чтобы их можно было видеть и чтобы никто не мог утверждать, что Жанна сбежала и осталась живой. Затем они снова подожгли то, что еще не сгорело, чтобы сжечь ненавистную еретичку дотла, превратить ее в пепел. И чтобы предотвратить любую возможность взять хоть что-то в качестве реликвии, они бросили все в Сену.

Однако существует легенда, что сердце Жанны не сгорело.

Воля Бога превыше всего

Единственное, что может утешить нас в этой истории, это знание о том, что сила, которая привела Жанну к тому, чтобы слышать голоса, была той же силой, что привела ее к смерти. Подобно тому, как жизнь «проживалась» через нее так, что она могла вести за собой Францию вопреки всякому здравому смыслу, точно так же все происходившее проживалось через тех, кто несет ответственность за ее смерть. Жизнь Жанны не могла бы прерваться, если бы на то не было Воли Бога.

Этот эпизод истории – прекрасный пример крайних, полярных точек добра и зла, «хорошего» и «плохого». То, что Жанна родилась крестьянкой и росла в деревне, создало идеальные условия для воспитания простого, чистого и искреннего человека. Именно

обладание этими качествами, образующими основу ее личности, позволило ей слышать «божественные голоса», никогда не сомневаясь в истинности своего опыта. Ничто не удержало ее от того, чтобы прийти к юному дофину с самой необычной из просьб – повести за собой страну, чтобы начать войну.

При ее изумительных успехах было вполне естественно, что Жанна стала знаменем для «хороших» и оказалась занозой для «плохих» – ее недоброжелателей и врагов. Они, конечно, сделали все, что могли, чтобы избавиться от этой несносной девы, которая постоянно унижала их на поле боя. В целом все, что с ней произошло, имело отношение к политике, но они использовали ее «небесные голоса»^[26], чтобы объявить Жанну ведьмой и еретичкой.

Тем не менее факт остается фактом, все персонажи в этой реальной драме жизни жили для того, чтобы действовать именно так, как они действовали. Это показано в пьесе Шоу, где епископ Кошон говорит Жанне: «Они будут видеть во мне победу зла над добром, лжи над правдой, жестокости над милосердием, ада над небесами. При мысли о тебе в них будет возгораться мужество, при мысли обо мне они будут падать духом. И однако, Бог мне свидетель, я был справедлив, я был милосерден. Я был верен своим убеждениям, я не мог действовать иначе».

Шоу, как истинный гений, внедрил в сознание читателей идею, что в конечном счете именно Божья Воля действовала через каждый персонаж этой драмы. Каждый был обречен совершать те действия, которые он совершил, и видеть все со своей точки зрения. Разве не то же самое происходит сегодня? Террористы проводят свои варварские акции, потому что с их точки зрения это абсолютно правильно. История Жанны – прекрасная демонстрация природы человека – вероятности «хорошего» и «плохого» в их крайних проявлениях. Именно в этом состоит одна из причин, почему эта история пережила века и по-прежнему восхищает нас. Экстремальность этой истории проливает свет на несправедливость, которую мы, люди, можем совершить в отношении других. Но и сегодня ситуация ничем не отличается от той, что существовала во времена Жанны.

Решение суда, приговорившего ее к сожжению на костре, – это ярчайшая пародия на правосудие. Более того, парадокс заключается в том, за что ее судили – за голоса внутри нее, а не за фактические

результаты ее действий. Как могли ее судить именем Бога за победы в сражениях за свою страну? Но все это – вода под мостом. Главное, что все стороны делали именно то, что, как они думали, было правильно. Кто должен судить? Кого судить и за что? И вам, и мне удобно судить о событиях, когда они заканчиваются позитивно, считая, что все было «правильно». Но если бы вы были тираном или генералом армии, разве вы не сделали бы то, что считаете выгодным, что позволяет быстрее решить проблему? Так уж получилось, что сжигание людей на кострах было в те времена нормой. В наши дни, в наш век, чтобы убить человека, был бы использован значительно более быстрый метод отправления так называемого «правосудия».

Рассуждения о суждении

Те или иные действия индивидуума в ряде случаев, безусловно, должны рассматриваться судом в целях поддержания законности и порядка в обществе (хотя мы можем видеть, как этим могут злоупотреблять), но это подводит нас непосредственно к проблеме суждения в нашей повседневной жизни. В этой жизни, где мы оказываемся в области разделения на «я» и «другого», мы постоянно судим о людях, считая их хорошими или плохими, поступающими правильно или неправильно. Так функционирует мое «я» – идентифицированное [с телом] сознание. Оно считает себя отличным от «другого». Мы считаем себя «субъектом», а «другого» – объектом и декларируем свое суждение об этом объекте. Мы почти не понимаем, что тот, кого мы считаем своим объектом, также рассматривает нас в качестве объекта, считая себя субъектом. Эта игра – «субъект-объект/объект-субъект» – нескончаема, она создает танец дуализма.

А на что опираются наши суждения? Они опираются на фильтры, образованные нашей обусловленностью и природой. Наше суждение основывается на том, что кто-то сделал что-либо так, как «мы это видим». С точки зрения истины это уже является искаженной оценкой. Более того, мы забываем, что человек совершил действие, исходя из собственной обусловленности и подноготной. Через эти фильтры мы видим то, «что есть», и выносим приговор, исходя из этих фильтров. Неискаженная, чистая правда о том, кем мы на самом деле являемся,

отягощена этими пластами с обоих концов палки – у субъекта и у объекта. Возникает то, что является искажением реальности. Таким образом, кто-то (в нашем понимании) прав или не прав в зависимости от тех наших фильтров, которые делают что-то правильным или неправильным именно для нас. Как сказал Джалал ад-Дин Мухаммад Руми^[27]: «Вдали от понятий о неправильном действии и действии правильном есть поле. Я буду ждать тебя там».

Возможно, что это то, на что указывал Иисус, говоря: «Не судите, да не судимы будете». Поскольку все мы являемся жертвами нашей обусловленности, мы только тогда можем найти недостаток в других (что означает осудить), когда нам самим знакомо то, в чем мы их обвиняем. Нам нужно иметь эту черту в самих себе, чтобы ее увидеть. Поэтому, когда мы судим других, мы на самом деле судим себя.

Сжигание на костре, кажется, является для многих любимым времяпровождением даже сегодня. Всякий раз, когда мы осуждаем кого-то, мы в мыслях сжигаем его на костре. Мы находимся в мире дуализма, где есть «я» и есть «ты». Это означает, что нам приходится постоянно давать оценку людям – как самому себе, так и другим. Не только людям, но и ситуациям, и чувствам, оценка которых идет постоянно.

Оценки постепенно сходят на нет, когда мы видим, что мы все сформированы наследственностью и воспитанием. Оценки начинают сходить на нет, когда становится ясно, что есть единая для всех энергия, которая оживляет каждого из нас, выражая себя через фильтры шести миллиардов «я». Что бы ни совершалось посредством каждого из нас, все это в конечном счете есть Воля Источника – Бога – Сознания.

Я вспоминаю случай с моей бывшей девушкой. Мы пошли на ужин с друзьями, с парой, которая была в браке уже много лет. После, на пути домой, она заметила, какой счастливой и любящей выглядит эта пара, несмотря на многие годы супружества. Я ответил, что очень странно, что она так решила, так как на самом деле у мужа есть любовница. Она была шокирована. Как смеет он так поступать с женой? И заявила, что она никогда больше не захочет с ним встретиться. Затем моя девушка направила свои пушки на меня и спросила, сказал ли я ему, что он поступает неправильно. Я сказал: «Нет, не говорил. По той простой причине, что я не знаю

подробностей его романа на стороне, кроме того, мне все это совсем не интересно. Более того, он ведь не спрашивал меня, правильно или неправильно он поступает. Кто я такой, чтобы вмешиваться в их жизнь и судить? Вмешательство было бы навязчивостью, а не уместным осуждением».

Ее оскорбило то, что она от меня услышала, и она решила, что я оправдываю его связь. Более того, размышляя вслух, она сказала, что если я оправдываю его роман, то я и себя оправдаю, если заведу любовницу, когда мы с ней поженимся. Оценка следовала за оценкой. И на этот раз осуждали меня! Значок «экс» был уже приколот к моей груди. Она уже вынесла свой окончательный вердикт: наши отношения закончены. Так, за один вечер, меня не раз сжигали на костре! Тем не менее понятно, что в ней «проживалось» то, как она мыслила, и эти мысли были обоснованы ее фильтрами, которые определяли то, как она смотрит на мир.

Как можно видеть, мы постоянно оцениваем себя и других. Каждый раз, когда суждение составлено, мы бросаем еще одно полено в костер Жанны. Мы постоянно оцениваем то, «что есть», и затем предлагаем свое «что должно быть».

Так что означают все эти рассуждения о суждении? Надо судить или нет? Рассмотрим вопрос под другим ракурсом. Именно это маленькое «я» является тем, кто судит. Суждение является почти автоматическим аспектом функционирования «я» в повседневной жизни. Однако мы видим, что «я» (как и «другой») – это всего лишь инструмент, через который действует Воля Бога. Каждое «я» реагирует и отвечает так, как оно обусловлено. Именно «я», функционирующее в мире двойственности, является судьей, ибо оно предполагает, что является «субъектом» относительно того объекта, о котором оно судит. Безличное осознание – то, что функционирует через «вас», через «меня», через «него» или через «нее» – не имеет никакого отношения к суждению, поскольку оно безлично. Судит то сознание, которое отождествлено с маленьким «я», которое является отдельным от «другого». Но Сознание, которое является безличной осознанностью, не имеет к этому никакого отношения.

Если смотреть на суждение с этой точки зрения, то оно выпускает «я» из своих тисков. Даже если суждение возникло, оно возникает скорее автоматически, без обычной интенсивности и вовлеченности в

суждение. И тогда я становлюсь менее жестким в своих оценках людей и ситуаций, с которыми сталкиваюсь. По этой же причине я становлюсь менее суровым в моих суждениях о себе. Разгорается ярче пламя безличного осознания, им я на самом деле и являюсь, без ограничений по типу «я и моя история». И тогда суждения, выносимые «я», оказываются принесенными в жертву этому пламени.

Существует французская поговорка: «*Tout comprendre, C'est tout pardonner*», что означает: «Понять – значит простить». Понять что? Понять, что все есть Сознание, а мы все лишь видимости в этом Сознании. Мое «я» и «другой» – это объекты в Сознании с соответствующими фильтрами, через которые рассматривается мир. Сознание отождествило себя с «вами», со «мной», с «ним» и с «ней». Тем не менее мы все являемся Сознанием, которое выдает себя за «я» в состоянии бодрствования и в сновидении и становится безличным сознанием в состоянии глубокого сна. Мы есть ТО, вернее, ТО есть мы.

Один мой друг как-то сказал о своем приятеле, который подвел его: «Я теперь не имею с ним ничего общего». Это заявление поразило меня до глубины души. Как это верно для нашего мира разделенности. Все люди разные.

С кем-то вы ладите, с кем-то – нет. Но в то же время нет ничего более далекого от истины, чем его заявление, так как общее у нас все, поскольку одна и та же энергия действует через всех нас. Это Сознание, которое дает ему возможность сказать то, что он сказал о своем приятеле, а приятелю услышать это. Без Сознания ничего этого не произошло бы.

Вернемся к упомянутой выше поговорке. Что касается слов «все простить», вряд ли можно сказать об этом лучше, чем это сделал Рамеш Балсекар: «Подлинное прощение означает простить себя за желание простить кого-то другого за то, что он якобы сделал». Поскольку глубокий анализ всего, что происходит, показывает, что все случается как действие Воли Бога, независимо от того, каким кажется нам это случившееся, правильным или неправильным.

Это именно то поле, которое имеет в виду Руми, говоря: «Вдали от понятий о неправильном действии и действии правильном есть поле. Я буду ждать тебя там». Это поле – Сознание, не оскверненное моим маленьким «я» и моими суждениями. Это безличное осознание бытия,

это Присутствие, которое существует в виде «нас» прежде, чем в мир решительно врывается наше маленькое «я».

Сердце Жанны.

Могло ли сгореть сердце Жанны? Когда она узнает, что ее судьба решена, Жанна у Шоу говорит: «Сейчас я выйду к простым людям, и любовь, которую я увижу в их глазах, утешит меня после той ненависти, что я видела в ваших. Все вы будете рады, когда я сгорю. Но прежде, чем я пройду через огонь, я из пламени войду в их сердца навечно... Меня будут помнить всегда, даже когда забудут, где был город Руан. Надеюсь, люди будут становиться лучше, вспоминая обо мне, а если бы вы не сожгли меня, они бы меня забыли».

Какая трагедия! Для того чтобы вы и я помнили Жанну, ее должны были сжечь на костре! Более того, она была причислена к лику святых только потому, что в отношении нее была совершена ужасная несправедливость: ее объявили еретичкой. При всем том, что вы уже знаете, если бы ее не объявили еретичкой, она, может быть, и не была бы канонизирована. По правде говоря, причина ее канонизации была неверной (еще одно суждение!). Когда ее объявили еретичкой, Карл должен был добиться прекращения суда. В ином случае подобный приговор означал бы, что в коронации ему помогала еретичка, что ставило его корону под удар. История плетет запутанные судьбы. Можете ли вы представить, какие витки и перипетии должны были происходить во времени, для того чтобы вам быть там, где вы есть сегодня?

Теперь все персонажи этой реальной драмы жизни мертвы, но они живут в нас как память и как чувство, которое пробуждает память, чувство, что возникает в наших сердцах. Святая Жанна жива, она продолжает жить в нас, ибо каждый раз, когда звучит осуждение, мы ощущаем ее боль как свою. Никогда не сгорит сердце Жанны, ибо она осталась в наших сердцах. Я это понял (что было как звон колоколов), когда один знакомый, говоря о том, как он нечаянно услышал разговор, где о нем говорили унижительные вещи, воскликнул: «В этот момент я почувствовал себя Жанной д'Арк!»

В пьесе Шоу палач говорит: «Она теперь живет всех живых. Сердце ее нельзя ни сжечь, ни утопить. Я мастер своего дела, но я не смог убить Деву. Она воскресла, она жива, и она везде».

Чудо, да и только!

Как-то утром на сатсанг к Рамешу пришел таксист. Он сказал: «*Maine suna ki aap sant hein, to mein help ke liye aaya hoon*» («Я слышал, что вы мудрец, поэтому я пришел к вам за помощью»). После мужчина поведал, что сорок лет назад он приехал в Мумбаи и что все это время находился за рулем такси, зарабатывая на жизнь. Однако его жизнь за все эти годы не стала лучше. Он всегда надеялся, что добьется лучшего, но так ничего и не добился. Прошло много лет, и все впустую. Когда он услышал о Рамеше, то подумал, что зайдет, чтобы увидеть его и получить какую-нибудь помощь от современного мудреца. Потом он сказал: «Что мне делать, как мне улучшить мою ситуацию? Я всегда надеялся, всегда старался чего-то добиться... Женился, родились дети, они выросли, и вот я пред вами... все еще таксист! По-прежнему пытаются заработать на жизнь. По-прежнему с трудом свожу концы с концами. Так скажите же мне, что я должен делать?»

После очень короткой паузы Рамеш ответил: «Все очень просто. Привыкнуть к мысли, что вы таксист!»

Таксист опешил. Что, это все, что он хотел бы получить от мудреца? Мужчина не принял такой совет по-доброму. В ответ он воскликнул: «Я пришел к вам за помощью, а что я от вас услышал? И это все, что вы можете сказать? Какой же вы мудрец?» На что Рамеш прореагировал так: «Да разве вы не видите, что я *помогаю* вам. Вы сами сказали, что все эти годы вы пытались улучшить ситуацию, но,

несмотря на все усилия, ничего не вышло. Поэтому просто примите ситуацию и тот факт, что это ваша судьба».

Но таксист надеялся на чудо и, видимо, решил, что пришел в неподходящее для этого место. А может, он ошибся? Может, он все сделал правильно? Возможно, это было именно то, что ему нужно было услышать. Просто услышать, когда говорят, что лучше принять «то, что есть». Как-никак, ведь ни пару лет назад он приехал в Мумбаи и оказался у Рамеша. Скорее всего, что время продуктивной жизни у него уже заканчивалось, а он все продолжал бороться с тем, что не смог «добиться успеха». Рамеш своим ответом дал ему мельком увидеть величайшее чудо из чудес – тотальное принятие того, «что есть».

Для чуда, которого он искал, таксисту следовало бы не идти к Рамешу, а практиковать закон притяжения^[28].

Так много было написано о законе притяжения, что в этом мире двойственности будет вполне справедливым отдать должное его противоположности. Я как-то сказал в случайном разговоре с подругой: «При всех этих разговорах о законе притяжения и обо всем, что с ним связано, почему бы не сформулировать другой закон, чтобы не нарушать равновесия?» Она спросила: «Как бы ты его назвал?» «Это просто, – отшутился я, – „закон отталкивания“».

Это и вправду очень простой закон. И ничего не надо «делать», чтобы реализовать его. Все, что уводит вас от «того, что есть» – это и есть закон отталкивания в действии. Мысль может возникнуть, но когда она растягивается в пространстве мышления, действует закон отталкивания. Мышление само по себе – это не проблема, особенно, когда оно необходимо для планирования текущих задач или даже для планирования будущего. Рамеш называет это действием «рабочего ума». У него была уникальная концепция, в основе которой лежали понятия «ум рабочий» и «ум размышляющий». Рабочий разум действует в настоящее время, а размышляющий ум уходит в мертвое прошлое или заглядывает в воображаемое будущее. Например, когда хирург во время операции сосредоточен на выполнении задачи – это действует рабочий ум. Но если пациент оказывается очень влиятельной персоной, знаменитостью или политиком и хирург начинает беспокоиться о последствиях в случае, если что-то пойдет не так во время операции – это действует размышляющий ум. Такой вид

мышления будет отвлекать, отталкивать вас от выполнения поставленной задачи.

Сегодня функционирующий без остановки размышляющий ум стал эпидемией нашей жизни. Появилось слишком много мыслей, которые растягиваются в мышление «горизонтального времени», мыслей, которые можно сравнить со щупальцами осьминога, торчащими из головы. Неудивительно, что в наши дни и в нашем веке «присутствие» считается чем-то трудно достижимым. Считается удивительным, если человек может поддерживать это состояние среди всех проблем обычного дня.

Тема чудес, если перейти на не столь серьезный тон, напоминает мне шутку, которую кто-то прислал мне по Интернету.

В небольшом городке в Индии один человек решил открыть бар прямо напротив местного храма. Храм и его прихожане начали кампанию против открытия бара. Они ежедневно молились, чтобы его предприятие потерпело неудачу. Церемонии со свечами и массовые молитвенные собрания происходили у стен храма каждый день.

Тем не менее работы продолжались. И вот, когда стройка была почти закончена и бар должен был открыться через несколько дней, в полночь в бар ударила молния, и он сгорел. Ничего не осталось, только дымящиеся руины.

Прихожане ликовали. Их молитвы были услышаны. Они говорили, что Бог сотворил чудо. Они важничали и очень гордились случившимся. Так продолжалось до тех пор, пока владелец бара не обратился в суд. Он обвинил власти храма в том, что храм, использовавший прихожан и молитвы, в конечном счете ответственен за разрушение его бара посредством прямых или косвенных действий и средств.

В своем ответе суду храм категорически отрицал какую-либо ответственность, а также какую-либо связь молитв с разрушением бара.

После слушания дела судья заглянул в документы, почесал подбородок и сообщил свое мнение: «Не знаю, какое решение вынести по этому делу. Но из документов явствует, что у нас

есть владелец бара, который верит в силу молитвы, и храм с его прихожанами, которые в эту силу не верят!»

Как быстро мы меняем нашу позицию, если это нам выгодно. Невзирая на все наши «обдумывания», на прекрасно составленные планы, повороты и изгибы жизни берут свое. Буквально на днях мой близкий друг сказал мне, что его бизнес идет плохо и он решил его ликвидировать. Но этого так и не произошло. По какой-то причине, связанной с рабочим процессом, или какой-то другой причине бизнес пыхтел, но двигался. Чтобы его закрыть, необходимо было оформить всю документацию, уведомить государственные органы, сделать бухгалтерские проводки... Различные препятствия множились. Месяц тянулся за месяцем до тех пор, пока, совершенно неожиданно, бизнес начал процветать. Пошли заказы, и компания разбогатела. И тут моего друга осенило, что, несмотря на все его старания закрыть бизнес, этого не произошло. А если бы произошло, то для него это стало бы катастрофой. Божественное вмешательство удержало его от закрытия бизнеса. И мой друг сказал мне: «В сущности, мы почти ничем не управляем. Теперь я знаю это на собственном опыте. Если бы все было по-моему, я бы сегодня уже был улице!» Ему повезло. Такой оказалась его судьба, и история имела счастливый конец... по крайней мере, на данный момент.

Полное приятие того, что человек никогда не знает, что принесет ему следующее мгновение, удовольствие или боль, – это величайшее чудо. Рене Магритт, известный бельгийский сюрреалист, создал серию картин на особую тему под названием «Власть света». На первый взгляд, это простые картины, где нарисован дом, деревья вокруг него, небо над ним. Но если всмотреться, начинаешь понимать, что Магритт нарисовал яркое дневное небо, а дом и деревья нарисованы ночными, с темнотой и тенями. Магритт однажды сказал: «Меня всегда очень интересовали день и ночь, но я никогда не чувствовал преимуществ одного над другим»^[29]. Просветленные мастера Адвайты порадовались бы, услышав это, и сказали бы, что у них появился еще один брат. День и ночь – это метафоры удовольствия и боли. Иногда то, что было удовольствием сегодня, превращается в печаль завтрашнего дня. Магритт, возможно, имел в виду то, что день и ночь с их преходящим характером больше не имеют над ним власти.

Как-то один мой друг рассказал мне о скульптуре, которая издали выглядела как красивая переливающаяся металлическая бабочка с мягко двигающимися механическими крыльями. Однако по мере приближения к ней становилось ясно, что крылья состоят из сотен бритвенных лезвий, очень аккуратно уложенных одно над другим. И тут же крылья этого красивого, нежного, легкого и счастливого творения Бога превращались в беспощадные инструменты, острейшие из тех, что режут, рубят, ранят и уродуют, как напоминание о том, как удовольствие превращается в боль. Неудивительно, что это произведение искусства называется *Virtually Untouchable* («Поистине неприкасаемая»)^[30].

Когда свет понимания прольется на мимолетный характер наших впечатлений в повседневной жизни, приятие того, «что есть», становится естественным результатом. И тогда, даже если мы вовлечены в непрекращающееся мышление, существует полное приятие этого вовлечения, без всякого желания что-либо изменить, так как желание не быть вовлеченным является дальнейшим вовлечением в вовлечение, а посему оно становится еще одной ядовитой змеей, шипящей над головой горгоны Медузы. И нужен лишь один быстрый взмах «меча понимания», чтобы отсечь голову Медузы. Но, вовлекаясь в вовлечение, мы вместо этого бросаемся в атаку на сотни змей размышляющего ума с маленьким перочинный ножиком, надеясь убить их всех по одной.

Что касается темы света, то согласно *Сурья Vijnan* (наука о Солнце) существует 360 солнечных лучей, которые исходят от Солнца и создают всю Вселенную. Йог и святой Вишуддхананд Парамахансадева^[31] мог создавать драгоценные камни, сладости и лекарства, фокусируя лучи солнца с помощью увеличительного стекла. Различные комбинации лучей могут производить различные объекты. Это означает, что все объекты, одушевленные и неодушевленные, есть не что иное, как сгущенный свет. Поэтому, если вы спорите с кем-нибудь, ссоритесь с кем-то или ненавидите кого-то всем своим существом, то на самом деле делаете это, используя огромное количество сгущенного света!

Помню, что в детстве я смотрел на солнце и спрашивал себя, является ли солнце и вправду объектом в небе, на который я смотрю, или это на самом деле идеально круглая дыра, пробитая в небе, через

которую сияет ярко-оранжевый свет. Если бы никто не объяснил мне, то я бы так и не знал, что это. Может быть, Бог только немного раздвинул синеву неба, иначе то жидкое медовое золото, что сейчас заключено в этом круге, было бы слишком ярким для наших глаз. Ведь целое небо было создано для того, чтобы вместить это золото.

Можно только удивляться тому, как некоторые идеи остаются с вами на долгие годы. Несколько дней назад я смотрел на солнце через большое панорамное окно в моем кабинете, который находится на семнадцатом этаже, откуда открывается великолепный вид на Аравийское море. Солнце выглядело как точка в необъятных просторах неба, и в моей голове возникла картина, где сотни солнц, как пуговицы, склеены одна с другой так, чтобы покрыть все это бескрайнее голубое пространство. Солнце само по себе огромно, но каким огромным должно быть пространство вокруг него, чтобы большая часть из того, что видит человек, было только пространством. Впрочем, есть еще нечто, что больше этого пространства. Как говорил Сиддхарамешвар Махарадж^[32]: «Солнце находится в миллионах лет от Земли. И по размеру оно во много раз больше... А мы видим его таким маленьким. Потребуется годы для того, чтобы увидеть его вблизи. Из этого примера вы можете себе представить, как безграничны и велики вы сами. Истинное абсолютное „я“ безгранично. Оно настолько огромно, что, как только вы открываете глаза, вам нужно лишь мгновение, чтобы увидеть Солнце»^[33].

Полное принятие того, «что есть», проявляется как безмолвие размышляющего ума. Это то, что подразумевается под словами «быть спокойным».

У царя Бимбисара страны Магадха^[34] появилась проблема, требовавшая решения. Вся торговля в его царстве начинала угасать, поскольку основной торговый путь проходил через густой лес, где жил один головорез, который убивал людей, прежде чем забрать себе их товары. Это был не кто иной, как страшный Ангулимала («ожерелье из пальцев»)^[35].

Он получил такое прозвище за привычку нанизывать пальцы жертв так, что они образовывали гирлянду. И эту гирлянду он носил на шее. Царь послал войско, чтобы расправиться с этим кошмаром, но Ангулимала, сила и ярость которого были неистощимы, разгромил их.

Тогда царь, оказавшись беспомощным в этом затруднительном положении, обратился к Будде. Ангулимала был когда-то таким гением, таким исключительно одаренным интеллектуально человеком, что он стал угрозой для собственного гуру. Завидуя его способностям, гуру сделал так, чтобы Ангулимала быть опозорен и изгнан из ашрама. В те дни это было равносильно смерти, и юноша сошел с ума и стал бандитом. Но Будда чувствовал, что он все еще может спасти эту великую душу. Однажды Будда специально пошел в лес, и Ангулимала погнался за ним, но как разбойник ни старался догнать спокойно шагавшего монаха, тот опережал его. Он просто не мог понять, что происходит. В измождении, так ничего и не поняв, он крикнул: «Стой, о монах!» Будда ответил: «Я уже стою. Остановись и ты». В этот момент начали разрушаться ментальные искривления Ангулимала. Он знал, что Будда имел в виду покой ума и эмоций, и понял, что он находится в присутствии существа великого, что этот монах сильнее, чем его ожесточенное и мстительное «я»^[36].

Как-то я сидел на полу напротив большого зеркала. Это было зеркало в шкафу с двумя зеркальными дверцами. Следовательно, посередине зеркало было разделено вертикальной линией с небольшим зазором, отделявшим левую часть от правой. В тот день дверцы шкафа были слегка приоткрыты, всего на пару дюймов. Когда я смотрел в зеркало, то видел отраженные в нем прекрасные зеленые деревья. Это был вид за окном, что располагалось напротив зеркала. В отражении была священная тишина. Да и все отраженное казалось не от мира сего. И я понял, почему это так. Это было не просто красивое отражение. Я увидел, что в нем нет «меня». Обе дверки были слегка приоткрыты, что создавало своего рода оптическую иллюзию, в которой я, сидевший как раз посередине, исчез из отражения. Все, что непосредственно было выше и ниже меня, исчезло тоже, но остальное зеркало отражало.

Вещи выглядят гораздо более спокойными и умиротворенными, когда нет «меня», того, кто их видит. Фиксированная точка видения больше не отражается, и появляется освобождающее чувство видения всего остального в отражении, где тело отсутствует.

На ум сразу же приходят слова Нисаргадатта Махараджа: «Позвольте порадовать ваши сердца и дать пару советов. Несмотря на

все, что я говорю, я знаю, что вы будете продолжать ваше „самосовершенствование“ и продолжать искать подсказки...

а) Возьмите в привычку думать и говорить в пассивном залоге. Вместо „я вижу что-то“ или „я что-то слышу“, почему бы вам не думать в пассивном ключе: „что-либо видно“ или „что-либо слышно?“ Восприятие в таком случае будет происходить с позиции действия феноменальной сущности, но с учетом события или явления. Придет время, и псевдосущность – ваше маленькое „я“ – отойдет на второй план.

б) Перед сном минут десять посидите, расслабив тело и ум и имея четкую позицию, что „вы“ были не конструкцией „тело-ум“, но оживляющим сознанием, так, чтобы эта идея наполняла ваше бытие в течение всего вашего сна»^[37].

Эти советы от Махараджа и на самом деле очень полезные.

«Будьте тихими и познайте, что я Бог», – сказал Иисус. Будда одобрил бы это. Иисус не сказал: «Становитесь тихими». Он сказал: «Будьте тихими». «Стать» – подразумевает, что необходимо стать чем-то иным, чем то, чем кто-то уже является, тогда как тишина, покой – это наша истинная природа. Тишина глубокого сна присутствует и в состоянии бодрствования. В глубоком сне присутствует безличное сознание, а в бодрствующем состоянии – отождествленное сознание. В любом случае, краеугольный камень – это Сознание, безличное или отождествленное.

То же самое сознание, которое безлично в глубоком сне (вы существуете, но не знаете, что существуете), во время бодрствования отождествляется с именем и формой как с отдельной сущностью (я есть Гаутам). Это, по сути, означает, что даже когда вы не тихий, когда вы не находитесь в состоянии покоя, потому что в течение дня вам приходится выполнять различные действия, вы на самом деле представляете собой покой и тишину. Покой глубокого сна преобладает в бодрствующем состоянии, даже когда ваш размышляющий ум делает кульбиты, будто он оседлал лошадей, на всей скорости вылетающих из конюшни и несущихся то в мертвое прошлое, то в воображаемое будущее или в фантастический мир бесчисленных «что если», уезжая при этом от величайшего чуда из всех чудес – от того «что есть».

И в заключение сошлюсь на Рамана Махарши, который, приводя слова Иисуса «...будь тихим и познай, что я Бог», пояснял их таким образом: «Будь тихим – означает – будь без мыслей. Главное тут, знать и не думать»^[38].

Будь тихим и познай ТО, что есть Бог. Источник, Сознание. Безличное или отождествленное.

Пробуждение ото сна

Я только начал посещать Рамеша Балсекара и, как я помню, одним из первых вопросов, которые он мне задал, был такой: «Чего вы больше всего хотите в жизни?» Я начал думать о том, что никто меня не спрашивал об этом раньше. Видя, что я тяну время и не отвечаю на вопрос, он сказал: «Вы хотите просветления? Самореализации?» Я понятия не имел, о чем он говорит. Таких слов я раньше не слышал и даже не знал, что они означают. Должно быть, он увидел, что я, сидевший напротив него, был в полной растерянности. Поэтому он продолжил: «То, чего больше всего хочет человек (независимо от того, знает он это или нет), так это спокойствия ума».

Во время бесед он неизменно с энтузиазмом говорил о своей концепции, суть которой состоит в том, что спокойствие ума бывает только тогда, когда есть полное понимание, что нет никого, кто что-либо «делает», что все, что происходит происходит по воле Бога. А через кого именно происходит то, что случается, не имеет значения, потому что мы всего лишь инструменты, через которые действует Бог. Он очень доходчиво излагал различные аспекты своего учения, постепенно, шаг за шагом объясняя его собеседникам. В конце он обычно говорил, что человек ничего не может *сделать*, чтобы иметь спокойствие ума, просто потому, что человек не является «делателем» своих действий. Это был, так скажем, подвох. Полное понимание, ведущее к покою ума, может произойти, если только на то будет Божья Воля. Он также говорил, что окончательное понимание состоит в том, что нет никакого «я», которое могло бы что-либо понять.

Я начал размышлять, что бы все это означало. Через восемь лет после того, как я встретил Рамеша, была издана моя вторая книга. Я помню, как пришел к нему с рукописью. Она была основана на его эссе под названием «Цель жизни», которое он дал мне прочитать. Я спросил, хочет ли он прочесть мою рукопись. Рамеш ответил, что с радостью прочтет. Когда он вернул ее, я был приятно удивлен, увидев, что он написал Предисловие. Еще больше удивило меня то, что, читая это Предисловие, я заметил, что Рамеш пишет, он знает, что в моем случае «пробуждение уже произошло». Мне хотелось понять, что это значит. Я помню, как сказал маме: «Несмотря на то что Рамеш написал о том, что „пробуждение случилось“, как я могу понять, что оно случилось?» Ее ответ, удивительно близкий к учению Рамеша, был таким: «Как ты можешь это знать? Пробуждение – это не то, что происходит с „тобой“».

Как бы то ни было, тогда все мои вопросы закончились, и больше не было никаких разъяснений. Сохранялся *статус-кво*, но только до тех пор, пока однажды ночью мне не приснился сон. Этот сон дал мне гораздо более четкое понимание того, что все это означало.

Во сне я звонил другу и одновременно видел, что друг отвечает на звонок. Это было необычно. Все было похоже на кино, когда вы видите, что экран разделен на две части, когда слева находится абонент, который говорит в трубку, а справа – тот, кто слушает и отвечает первому. Только во сне такого разделения экрана не было.

Не спрашивайте меня как, но оба действия происходили одновременно.

И вдруг я понял (во сне), что мог видеть себя, звонящим другу, а также видеть друга, отвечающего на мой звонок. И все это происходило одновременно, и конечно, я существовал отдельно от «меня» того, который звонил. И, несомненно, я не был тем, кто отвечал на звонок. Так если я не тот, кто звонил, и не тот, кто отвечал на звонок, тогда кто я? Было ясно, что я был свидетелем, который наблюдал это событие. Это «я» было пространством, в котором событие звонка по телефону, который делаю я, а отвечает другой, происходило. Было так ясно, так понятно, что это был не тот я, который звонил. Это «я» было чем-то безличным, в котором все это событие происходило. Однако такое утверждение кажется мне не совсем правильным. Скорее, можно сказать так: было нечто безличное,

в котором все это событие происходило, но было и осознание этого безличного. Как странно, что весь этот процесс рационализации происходил во сне.

А потом... я проснулся!

После того как я проснулся, все, что происходило во сне, исчезло. Улетучилось. Не было того, кто звонил, не было того, кто отвечал на звонок. Что еще более важно, так это то, что не было того спящего, который видел сон. Однако этот сон для меня все еще был живым и ясным. Все стало на место, и я смог понять все то, что называется пробуждением. Ведь это не я «решил» проснуться ото сна.

То, что проснулось, было за пределами сна – вне времени и пространства сновидения. Не было сознательного решения проснуться. Вы не говорите себе во сне: «Отлично, теперь я уже достаточно поспал и проснусь». Просыпание «случается», оно происходит. Вы не решаете, когда закончить сон. Когда сон заканчивается, персонажи сна исчезают. Когда вы просыпаетесь, вы воспринимаете сон, который видели, просто как сон. И понимаете, что персонажи в вашем сне были иллюзорными, потому что они исчезли вместе со сном. Все, что с вами во сне произошло, было выдумкой. Истина только в том, что человек бодрствует, и бодрствует он здесь и сейчас!

И тут мне вспоминается любимая цитата учителя, которую он часто повторял. Это была цитата из Ади Шанкара *Viveka-chudamani* (Высшая драгоценность Различения): «Мир, что вы видите во сне, – это проекция вашего ума. Мир в бодрствующем состоянии – это также проекция того же самого ума». Затем Рамеш начинал объяснять, что мир сна так же реален и нереален, как этот мир, в котором, как нам представляется, мы живем. Он говорил: «Когда я вспоминаю, что мир, что я вижу теперь, ничем не отличается от мира моего сна, мне становится ясно, что я знаю все, что мне нужно знать! Я совершенно равнодушен к миру моего сна, так почему я должен испытывать интерес к этому миру?»

В проживаемом нами сне жизни «пробуждение» означает всеохватывающую способность видеть, что все персонажи в этом сне жизни иллюзорны, в том числе и «я». Тем не менее «вы» и «я» – это активные аспекты сна жизни. Персонажи просто играют свои роли, а сцена, на которой эти роли разыгрываются, есть не что иное, как

Сознание. Без Сознания не может быть никаких персонажей, никаких «вас», «меня», «его» и «ее». Сознание – это содержимое всего, что есть во сне жизни. Важно понимать, что пробуждение не может произойти с персонажем в этом сне жизни, это не может случиться с «вами» в проживаемом вами же сне жизни. Тот, кто пробуждается от сна, это не персонаж сна. «Вы» не может обернуться и сказать: «Я пробужден», просто потому, что этого не может быть, потому что вы – персонаж. Скорее, тот «вы», каковым, как вы думали, вы являетесь, воспринимается как иллюзия из того пространства, где нет ни «вас», ни «другого» – с платформы безличного осознания. Безличное осознание присутствует всегда; оно также присутствует в качестве того, кто видит сон, в котором появляются те, кто вам снится.

Таким образом, совершенно ясно, что Сознание становится отождествленным сознанием, когда оно отождествляет себя с персонажем в этом сне жизни (со мной и с моей историей), с конкретным телом. Но даже в этом качестве оно не существует отдельно от того, чем мы на самом деле являемся – от безличного осознания.

Итак, повторим все снова. Каким образом можно видеть «себя», являющегося персонажем сна жизни, оставаясь по-прежнему персонажем этого сна жизни? Это как если бы персонаж фильма видел бы, что он актер, исполняющий роль, в то время, когда он эту роль играет. Это невозможно, потому что он и *есть* эта роль, пока эта роль исполняется! Отождествление можно видеть с платформы безличного – из пространства, где нет «вас». Актер, играющий роль, знает, что он лишь исполняет роль. Он знает, что эта роль не является его истинной сущностью, поскольку он является тем, что существовало до роли данного персонажа, которым он все еще является, играя эту роль, и тем, чем он будет после того, как роль закончится. Он не утрачивает того, чем он на самом деле является, даже когда играет свою роль. Он знает, кто он есть на самом деле.

В действительности не существует «вас» – того, кто может пробудиться. Все, что есть, – это «пробужденность», в которой есть всеохватывающее видение, что все радости и горести жизни – это лишь то, с чем сталкивается маленькое «я», то есть отождествленное сознание, персонаж в этом сне жизни. Но то, чем «человек на самом деле является», – это безличное осознание, которое является

свидетелем всего этого. Пробужденность является истинной природой человека, поскольку без пробужденности не было бы того, кто видит сон и, следовательно, не было бы персонажей, которые ему снятся. Другими словами, «это» [безличное осознание] есть истинная природа каждого. Так может ли быть что-то неординарное в том, чтобы быть пробужденным?

Сознание – это все, что есть, это и отождествление с персонажем, который снится, это и безличная осознанность. Это ТО, в чем неожиданно возникает сновидец, которому снится сон, и куда этот сновидец, которому сон снится, исчезает. Но всегда это то самое Сознание, аспектами которого являются и персонажи сна, и сновидец, и ТО, что пробуждено.

В следующий раз, когда вы проснетесь, спросите себя: «Кто проснулся?»

Двери в рай

Нисаргадатта Махарадж был против того, чтобы после его смерти в память о нем существовало самádi. Было бы смешно, если бы он не был против: все его учение вращалось вокруг концепции «Вы не ваше тело». Махарадж часто говорил: «Вы – это не ваше „тело-ум“. Пока вы отождествляете себя с „телом-умом“, вы уязвимы для печали и страданий». Его позиция состояла в том, что мы не являемся телами, которые обладают сознанием. Наоборот, это Сознание проявляется в виде различных тел. Когда посетители приходили, чтобы задавать вопросы, он обычно просил их задавать вопросы не так, будто один индивидуум спрашивает другого, но от сознания к сознанию: «Я обращаюсь к сознанию, а не к личности». Вот поэтому он призывал ищущих читать Бхагавад-Гиту с точки зрения Кришны – безличного сознания, а не с точки зрения Арджуны – отождествленного сознания.

Несколько лет назад я навестил С. Мулларпаттана, побывал в его доме в Южном Мумбаи. В течение нескольких лет он был переводчиком Махараджа. В ту первую встречу я спросил Мулларпаттана, существуют ли какие-то беседы Махараджа, которые до сих пор не опубликованы. Ведь наверняка есть кассеты с множеством записей. Если это так, было бы замечательно сделать по ним книгу. Он был настроен скептически. То была наша первая встреча. Он сказал: «В чем смысл? Разве недостаточно уже опубликованных бесед? Все, что Махарадж говорил: „Пребывайте в вашем Бытии“. „Вполне достаточно“», – ответил я. Довод был убедительным. Однако я оставил предложение открытым, так как

считал, что было бы полезно опубликовать любую из неопубликованных записей бесед Махараджа ради тех, кто проявляет интерес к его учению. Никто не знает, что сработает, где, когда и с кем. Слово здесь, фраза там – и в читателе может произойти глубокая перемена. Что касается меня, то не будь я практичным издателем, я бы все равно считал, что это дело стоит усилий, даже если это подействует всего лишь на одного человека.

В следующий раз, когда я посетил Мулларпаттана, он спросил меня: «Скажите одну фразу Махараджа, которая вам нравится, и скажите мне это сейчас же и быстро – *не думая* об этом. Выберите одну фразу из всего, что вы читали и знаете о нем». Я сразу выпалил: «Только мертвый может умереть». Он смотрел на меня несколько секунд, а затем, указывая на пыльный ящик, стоящий на полке над дверью, попросил меня спустить его вниз. Я так и сделал. Он сказал, что в нем лежат десять магнитофонных записей неопубликованных бесед, что они теперь мои и я могу из них сделать книгу, если пожелаю. Именно эти десять магнитофонных записей впоследствии стали книгой «*За пределами свободы. Беседы с Нисаргадаттой Махараджем*»^[39]. Я вздохнул с облегчением, когда прочитал в записи одной из бесед, что Махарадж сказал: «Сегодня я говорю иначе. По сути, это также должно быть опубликовано, поскольку я говорю более подробно и акцентирую разные аспекты».

Только мертвые могут умереть, но не живые. Когда я впервые прочитал эту фразу, мне она понравилась. Попала прямо в сердце. Я понятия не имел, что это означало, и узнавать это мне не хотелось. Тем не менее я знал, что это была глубочайшая истина, несмотря на очевидную абсурдность заявления. Это то, что мне больше всего нравилось – *prima facie*^[40] – фраза кажется уму лишенной смысла. Таков был Махарадж. Он обычно закладывал в свои афоризмы мощные удары. И если он разговаривал как сознание с сознанием, а не как индивидуум с индивидуумом, то кого волнует, понимает ли человек такое высказывание? Читать Махараджа было большим удовольствием.

Мулларпаттан спросил меня, что имел в виду Махарадж под «пребывайте в вашем Бытии»? Махарадж говорил так: «Все изменяется, неизменным остается лишь постоянное ощущение присутствия, ощущение того, что вы существуете, чувство „Я есть“».

Пребывать в этом «Я есть», вот что он имел в виду. Иными словами, не «Я есть Гаутам», а просто Сознательное Присутствие – «Я есть». Мы – это Сознательное Присутствие, а не наше тело, которое является лишь объектом, через который функционирует Сознание. Мы не являемся отождествленным сознанием, которым мы себя считаем, идентифицируя себя с именем и формой человека, отдельного от других. То есть мы – это безличное «Я есть». Для объяснения «Я есть» Рамеш давал весьма удачное описание: «Если бы вся ваша память была стерта, то вам осталось бы только это безличное осознание бытия – „Я есть“».

Я не имел счастья видеть Махараджа, но был благословлен встретить и провести несколько лет с его учеником Рамешем Балсекаром, который, в свою очередь, стал знаменитым учителем. Первые несколько книг, написанных Рамешем, были данью учению Махараджа. Однако Рамеш понял (несмотря на то что было множество ищущих, на которых учение Махараджа оказывало глубочайшее влияние), что были и те, кто не мог «схватить» то, что говорил Махарадж. Причина этого была ясна. Хотя Махарадж подчеркивал, что он говорит как сознание с сознанием, факт остается фактом: задавая ему вопросы, люди интересовались тем, что волновало их как отдельных личностей. Махарадж неизменно направлял внимание к «Я есть». Но к нему приходили и те, кто был настолько отождествлен с идеей «я и моя история», что просто не находил утешения в словах Махараджа. Дело в том, что в бодрствующем состоянии функционирует именно отождествленное сознание (отождествленное с именем и формой отдельного существа). Некоторым это, когда им говорят, чтобы они не задавали вопросы лично от себя, то есть от индивидуума, это нелегко переварить. Ведь это – это и *есть* отдельная личность. «Прыжок веры», о котором просил Махарадж, просто оказывался для них невозможным, поскольку их разум и интеллект не могли отказаться от этого отождествления. Именно в этом аспекте учение Рамеша помогало разрешить эту дилемму для некоторых из таких ищущих. Обусловленность Рамеша (он тридцать семь лет был банкиром) позволила ему представить свою концепцию, основанную на учении Махараджа, на благо «индивидуума», сидящего напротив него, в манере последовательной и полезной на практике. Рамеш понимал, что невозможно избежать того, что он говорит с «эго»,

которое отождествлено с именем и формой отдельного тела в бодрствующем состоянии. Он говорил не с безличным сознанием, которое преобладает в нас в состоянии глубокого сна (где вы существуете, но вы не знаете, что вы существуете). И он говорил не с «Я есть», не с безличным осознанием Бытия, отождествленным с отдельным телом, но не являющимся «индивидуумом». Он явно разговаривал с эго, с «Я есть Гаутам».

Итак, суть трудности была в том, каким образом можно подвести отождествленное сознание как можно ближе к спокойствию безличного сознания, то есть (образно говоря) к спокойствию глубокого сна в состоянии бодрствования. В бодрствующем состоянии именно ум человека является тем, что не находится в состоянии покоя. Каким образом можно максимально приблизить «меня», мое эго, мою личность к безличному функционированию в бодрствующем состоянии, чтобы испытать этот покой? Входная дверь в это безличное функционирование, согласно Махараджу, это безличное осознание бытия – «Я есть».

Рамешу было совершенно ясно, что убивать нужно не эго, по той простой причине, что эго – это функциональный элемент бодрствующего состояния. И в качестве этого элемента эго, без сомнения, необходимо для того, чтобы происходило «проживание жизни». Вместо этого следовало с корнем вырвать чувство «делания», присущее эго. А как вырвать с корнем это чувство «делания»? Посредством всецелого понимания, что все действия представляют собой Божественные события, которые должны произойти именно так, как они происходят. А мы являемся всего лишь инструментами, через которые действует та же самая энергия, которая производит эти события, то есть Сознание. Сознание – это одна и та же энергия, которая действует через каждого из нас, как электричество действует через каждое устройство на кухне. Когда есть полное понимание, что по-настоящему никто ничего не «делает», (поскольку все мы «запрограммированы» нашими генами и обусловленностью и не имеем контроля ни над первыми, ни над вторым), тогда приходит осознание того, что все случается. При этом все, что случается, должно было произойти в соответствии с волей Источника, который некоторые называют Богом. Если это понимание преобладает, то может возникнуть удовольствие, но не гордость или высокомерие (так как это

не «мое» действие), и сожаление может возникнуть, но не чувство вины или стыда (так как это тоже не «мое» действие). Отсутствие гордости, высокомерия, чувства вины или стыда – это и есть покой ума.

Это, конечно, чрезмерное упрощение как учения Рамеша, так и учения Махараджа. Есть множество книг об этих учениях, и ничего больше не следует добавлять к ним. Это эссе возникло из желания сопоставить эти два учения. Оно явилось результатом одного внезапно возникшего воспоминания о том, как много лет назад буддийский монах побывал у Рамеша. Этот монах сказал, что считает его учение дидактическим и отличающимся от учения Махараджа. Я знал, что он имел в виду, но не разделял его точку зрения. Как может тот, чье учение основано на тезисе «никто не является делателем», тот, кто сказал, что «видеть – это единственное, что надо делать», как может он быть дидактичным? Для меня то, что говорил Рамеш, было даже не расширением того, чему учил Махарадж. Это было то же самое учение, но изложенное другими словами и с другой точки зрения. Для меня оба учения соединяются в «Я есть».

Основное положение учения Махараджа – это «Вы есть ТО», Рамеша – «ТО есть вы». Есть, однако, и тонкое различие. Махарадж говорил с ТЕМ, а не с личностью (он говорил как сознание с сознанием). Рамеш говорил с «вами», с человеком как с отдельной личностью. И в том и в другом случае «я» оказывалось в трудном положении. Махарадж просто обходил его. А Рамеш, убирая во «мне» чувство «делания», подводил «меня» настолько близко к безличному функционированию в бодрствующем состоянии, насколько это возможно. Сочетание учений Махараджа и Рамеша – это как фантастический *jugalbandi*^[41], в котором растворяется «я», считающее себя отдельным субъектом.

Во время бесед к Рамешу приходили и такие ищущие, которые знали учение Махараджа. Они задавали вопросы, цитируя фразы, произнесенные Махараджем. Они не были открыты к тому, о чем говорилось в тот момент, поскольку принесли с собой концептуальный багаж, составленный из их представлений об учении Махараджа. Парадокс состоял в том, что это было именно то, от чего Махарадж часто предостерегал ищущих! Рамеш обычно говорил им: «Забудьте то, что говорил Махарадж. Вы сейчас здесь. Почему бы нам не

обсудить то, о чем говорю я?» Конечно, он не имел в виду небрежное отношение к Махараджу. Он просто откликнулся на необходимость пробить затвердевшую стену интеллектуального понимания учения Махараджа, которое держало ищущего в заточении, лишая его свободы восприятия. Не приходится удивляться тому, что Махарадж не раз говорил Рамешу, что когда он учит, то не должен просто повторять его слова.

Нужно четко понимать, что хотя между двумя подходами и есть тонкое различие, но оно заключается только в том, как излагаются учения. По существу они не отличаются. Почему? Просто потому, что как таковой нет «разницы» между «Я есть» (безличное осознание бытия) и «мною» (отождествленным сознанием). Отождествленное сознание или «я» – это то же самое, что «Я есть», но прикрытое завесой отождествления с отдельным «делателем». Это означает, что «я и моя история» все время продолжают действовать в бодрствующем состоянии, а «Я есть» всегда присутствует в качестве наблюдателя. Вы не можете функционировать только в качестве «я такой-то» без «Я есть». Как бы «вы» могли быть сознательным без существующего изначально осознания существования?

Все, что есть, это Сознание. В состоянии глубокого сна – это безличное сознание, в бодрствующем состоянии – это отождествленное сознание. Это отождествленное сознание на самом деле является безличным осознанием бытия («Я есть»), хотя в данный момент оно отождествлено с отдельным существом («Гаутамом»). Они отличаются только по типу «состояний».

Безличное сознание, преобладающее в состоянии глубокого сна, не исчезает после пробуждения. Правильнее было бы сказать, что отождествление накладывается на безличное сознание в состоянии бодрствования (а также в состоянии сновидения). Они неотделимы, не являются отдельными сознаниями, и, следовательно, не существуют независимо друг от друга. Это означает, что покой глубокого сна, бесспорно, доминирует в бодрствующем состоянии, что «я», как шатер, наполненный надеждами, желаниями, разочарованиями, ожиданиями, разбит на этом поле, на поле покоя. Рамана Махарши часто говорил: «Глубокий сон – это ваше естественное состояние».

Для того чтобы пребывать в «Я есть», не нужно убивать эго или удалять его, потому что вы уже являетесь этим «Я есть», которое

никуда не девается и не может деться. Как говорил Рамеш: «Кому говорят убить эго? Этому же эго и говорят, чтобы оно убило себя. Может ли эго когда-либо с этим согласиться?»

Однако на «Я есть» наложено то, что является вовлечением в «меня и мою историю». Чем больше вовлечения и «делания», тем дальше вы от «Я есть», хотя, по правде говоря, между ними нет расстояния. *Я есть то, что Я есть*. Это прыжок веры. Главное тут то, что для прыжка нет расстояния! Все, что «вам» нужно для этого прыжка веры, это *быть* спокойным и тихим, то есть пребывать в вашем Бытии. *Будьте тихими и знайте, что «Я есть» – это Бог*.

«Я есть» – это дверь в покой глубокого сна в состоянии бодрствования. Поскольку в бодрствующем состоянии вы знаете, что вы существуете – «Я есть». Это «Я есть» и является ТЕМ, которое существует прежде, до «меня» и того, что со мной происходит в бодрствующем состоянии. «Прежде» – это просто указатель. Нет линейной взаимосвязи во времени между этими двумя [между «Я есть» и «я есть такой-то»]. До того, как что-то может произойти со мной, нечто должно присутствовать в этом «прежде», чтобы происшествие имело место. Это нечто – «Я есть». Вовлечение в то, что происходит, и есть «я – Гаутам», а «Я есть» является ТЕМ, что наблюдает происходящее.

Недалеко от города Шринагар в Кашмире находится заповедник Дачигам. Это густой и дремучий лес с множеством диких животных. В центре Дачигама есть место, известное как *Jannat ka Darwaza* (Двери в рай). Когда стоишь там, считается, что с тобой что-то «происходит». Мой друг рассказывал мне, что пока стоял там, он чувствовал, как по его спине бежали мурашки, и ему было совершенно непонятно, почему он чувствовал себя так. Возможно, мощь природы вызвала благоговейный трепет, но было в этом и что-то безграничное. Он сказал: «Никогда я не чувствовал ничего подобного раньше. Ты просто должен побывать там! Слова просто не могут описать это». Некоторые местные жители считают, что, может быть, запах мускуса в этом лесу усиливает чувства, и поэтому все кажется магическим. В любом случае, важным моментом здесь является то, что у *Двери в рай* нет дверей. Вы просто должны стоять в этом месте, и вы оказываетесь в *Джаннат* (в Раю).

«Я есть» – это двери в рай, в самый высший рай, то есть в спокойствие, в умиротворенность. И вы уже стоите у двери. Просто стойте у двери – не уходите, как вы постоянно это делаете. «Я есть» – уже там, где вы, или, скорее, *кто* вы, кем вы являетесь в вашей истинной сущности. Вы не «я такой-то», с кем случаются различные происшествия, вы – безличное осознание бытия («Я есть»), то есть пространство, в котором различные происшествия случаются со «мной». «Я есть» уже должно существовать для того, чтобы к нему был добавлен «Гаутам». «Гаутам» – индивидуум, который пытается управлять своей маленькой колесницей на протяжении жизни, полагая, что это он держит поводья лошадей удовольствия и боли, которые тянут вперед его колесницу. «Гаутам» упускает из виду то, что если бы не тот простой факт, что он существует, то есть существует «Я есть», не было бы ни «Гаутама», ни лошадей и, конечно, не было бы колесницы. *Читайте Бхагавад-Гиту с точки зрения Кришны, а не Арджуны.*

Сознательное Присутствие «Я есть» – это дверь в умиротворенность и покой. Это означает: рай спокойствия находится «здесь и сейчас», потому что вы *есть*. Покой – это ваше естественное состояние. Махарадж говорил: «Дверь, которая вас держит взаперти, это та же дверь, что выпускает вас. Дверь – это „Я есть“. Стойте у этой двери, пока она не откроется».

Я помню сцену из фильма, в котором люди ищут сокровище. У них есть карта, с которой они сверяются. Они долго и упорно ищут по карте место, где зарыт клад и которое на карте отмечено крестом «+». Обшарив весь регион вдоль и поперек, они не нашли этого места. И лишь тогда, когда один из них, глядя в задумчивости вниз, на пол, и почесывая подбородок, начинает рассуждать, где может быть клад, он вдруг осознает, что буквально уставился на «+», изображенный на плите пола. Этот знак «+» действительно был меткой этого места, однако они совершенно не понимали, что этим знаком отмечено именно то место, на котором они стояли, что это был не указатель на расположение места, это было само место!

Не ищите «Я есть». Стоя рядом, вы уже являетесь этим «Я есть». Это не значит, что «+» указывает на место, а вы стоите рядом – вы и есть этот «+»! Могло ли это быть ближе? Невозможно найти

сокровище просто потому, что вы и есть сокровище. Или, более точно, сокровище и есть вы.

Крест – это отличный символ Сознательного Присутствия. Линию горизонтального времени («прошлое и будущее», «что было», «что должно быть», «Я есть Гаутам») пересекает линия вертикального времени («сейчас», «то, что есть», «Я есть»). Отделена ли вертикальная линия креста от горизонтальной линии в той точке, где они пересекаются? Эта точка относится к горизонтальной линии или к вертикальной? Вдумайтесь в это! Розенкрейцеры разместили белую розу на этой точке пересечения, как символ расцвета Сознания. Очень удачный символ для точки пересечения горизонтального и вертикального!

«Мне» не нужно ничего *делать*, чтобы быть этим «Я есть», ибо «я» любого человека это уже «Я есть». *Видеть – это единственное, что надо делать.* Может ли быть что-то проще? И может ли быть что-то труднее? Это зависит от того, с какой точки зрения смотреть: с точки зрения Сознания Кришны или с точки зрения отождествленного сознания.

Всякий раз, когда я навещал Мулларпаттана, он доставал перо павлина. Это был как бы ритуал во время каждого визита. Сначала я приписывал это рассеянности (учитывая, что ему было девяносто два) и тому, что люди в этом возрасте часто склонны повторяться. Вскоре это отпечаталось в моей памяти, как резной орнамент в наскальном храме. Потом он обычно указывал на середину пера, которая на самом деле выглядела как сердце – темно-синее сердце. И говорил: «Это – Бытие. А все остальные части пера, все остальные оттенки и цвета уводят тебя от Бытия». Интересно отметить, что сердце эмбриона, собственно, формируется над головой и только затем опускается в грудь. По существу, наше уникальное человеческое лицо обретает форму благодаря именно этому разделению между головой и сердцем, которое происходит в первые недели нашей жизни.

Неудивительно, что Кришна носил перо павлина на голове. Какой совершенный символ Сознания Кришны! Кришна носил свое сердце на голове или, вернее, над головой! Я был приятно удивлен, обнаружив, что слово *hridaya* (сердце) происходит от санскритского *hrudayat*, что переводится как – «Я есть», пребывающее в духовном сердце.

Возвращаясь к «прыжку веры», нужно сказать, что, чтобы уловить суть, здесь необходима некая невинность и простота интеллекта.

Одна лишь ментальная гимнастика приводит к тому, что вы вязнете в трясине концепций, следующих одна за другой. Для того чтобы пересечь эти дебри, нужен прыжок веры, что означает осознание того, что мост между «я такой-то» и «Я есть» не может быть построен. Ничего не надо «делать», потому что между ними нет отличия. Вспоминается время, когда Рамеш часто говорил: «Что я должен *сделать*, чтобы иметь всецелое понимание, что я не являюсь „делателем“? Ответ очевиден – ничего!»

Нevinность интеллекта лучше всего отражена в сознании ребенка. Мой крестник Раян, которому всего четыре, спросил у мамы: «Ма, что происходит с твоим коленом, когда ты встаешь?»

Ответьте на этот вопрос, и вы увидите зарево вокруг вас, исходящее от углей догорающего моста, моста, который (и это самое главное) никогда не существовал.

Ничто и кентавр

Кентавр был моим другом детства. В те годы он всегда присутствовал. Он был огромным, настоящим гигантом, пожалуй, больше тридцати футов в высоту. Кожа его переливалась и была небесно-голубой. Он наблюдал за мной всю ночь, пока я спал в кровати у окна. Я просто должен был открыть глаза и увидеть его там – высоко в небе. С этой выгодной позиции он был королем всех, за кем наблюдал. Каждый вечер, перед тем как заснуть, я смотрел на него, очарованный этим величественным созданием, которое, казалось бы, шагало по звездному ночному небу. Я спал спокойно, зная, что, пока я сплю, он всегда будет там будет охранять меня.

Мой кентавр не был фантазией, он был моей реальностью.

Мой кентавр был уникален: он мчался по небу на всем скаку, но при этом он никуда не двигался, а всегда оставался в одной точке. Хотя он и бродил по галактикам, но никогда не покидал своего места на небе за моим окном. Он просто стоял, удерживая равновесие, и медленно поворачивался на 360 градусов, оставаясь на одном месте. Я обычно наблюдал, как он медленно поворачивается снова и снова. Он, как и Земля, вращался вокруг своей оси с огромной скоростью, но мы не можем ощутить это движение.

Кентавр был парадоксом. С одной стороны, он выглядел безмятежным, бесстрастным, элегантным. Он был выше всех земных тягот. Он был воплощением спокойствия. С другой стороны, его поза предполагала бешеную скорость: он как бы мчался вперед во весь опор с туго натянутым луком, в полной готовности выпустить стрелу. Мне

очень хотелось узнать, куда он *целится*. Он мог быть обращен на север, на юг, на восток или на запад, но всегда казалось, что он с неизменно пристальным вниманием постоянно целится в никуда.

В один прекрасный день, совершенно неожиданно, его разобрали. Закончилось царствование кентавра. Понадобилась целая армия рабочих, чтобы спустить его вниз. Они кромсали его тело, кусок за куском, пока ничего от него не осталось. Я теперь мог видеть только пустой пьедестал, на котором он обычно стоял в карауле.

Ничего не осталось от величественного кентавра. Теперь на пьедестале осталось НИЧТО.

Нет ничего, никакого ЧТО, никакой вещи.

Так что теперь ночами я смотрю на небо и вижу НИЧТО. Если мой кентавр пришел и ушел, то НИЧТО (я это знаю) никогда не оставит меня, поскольку НИЧТО было, есть и всегда будет там. Все приходит и уходит в пространстве этого НИЧТО. Формы появляются, формы исчезают. Нет ничего (никакой вещи), что длилось бы бесконечно, но НИЧТО вечно. НИЧТО действительно имеет значение. Я не хочу сказать, что фактически ничто не имеет значения, я говорю, что то, что действительно имеет значение, так это НИЧТО. Мы все представляем собой формы, обернутые этим НИЧТО. НИЧТО обнимает нас. И не только. Большая часть нас – это НИЧТО. Будучи ребенком, я, как помню, играл сам с собой в такую игру. Закрывал глаза и спрашивал себя: «Что я вижу снаружи? НИЧЕГО! Что я вижу внутри? Опять же... НИЧЕГО. Есть ли какие-то различия между НИЧТО снаружи и НИЧТО внутри? Нет никаких различий. Даже если я потрачу жизнь, я не смогу узнать, где кончается НИЧТО внутри моей кожи и начинается НИЧТО за пределами моей кожи. Если, конечно, не дотронусь до кожи рукой.»

Я недавно прочел, что если бы взять атом из руки человека и увеличить до размера яблока, то следующий атом оказался бы в 1000 или 2000 милях от него. Таким образом, если бы наши тела были бы звездным небом, где каждый атом был бы звездой, то между звездами было бы огромное расстояние.

Мы можем видеть, как сострадательно НИЧТО. Мы принимаем его существование как должное и даже не осознаем его, но оно всегда с нами. Это то пространство, которое позволяет формам слов *быть* на

этой странице. Однако мы видим лишь слова, пространство между словами мы не видим.

Мог ли кентавр... мог ли и я тоже... существовать отдельно от НИЧТО? Это невозможно. Нам приходится появляться в этом НИЧТО. Любая видимая форма может появиться только в этом НИЧТО. Все вещи приходят и уходят, но постоянно присутствующее НИЧТО остается. Приходит понимание: так же как и мой герой – кентавр, который исчез, ушел в НИЧТО, однажды и форма этого тела исчезнет, уйдет в НИЧТО.

Я могу спокойно спать, зная, что лишенное формы НИЧТО есть всегда. Я неотделим от этого НИЧТО. НИЧТО – это мое содержание, то, что позволяет мне *быть*. В то же время оно остается отдельным от меня, незатронутым ни мною, ни всей моей акробатикой, пока я существую как объект во времени и пространстве. Я сближаюсь с НИЧТО в состоянии глубокого сна, когда нет «меня и моей истории». В ту минуту, когда мне снится сон или я просыпаюсь, «я и моя история» выскакивают наружу и, как кентавр, носятся повсюду. Покой глубокого сна – это не моя история, это история бесконечного. Как часто приходится слышать, как люди говорят, глядя на мертвое тело того, кого любили: «О, каким умиротворенным и спокойным он выглядит!» Еще бы, ведь «он и его история» мертвы! Все его надежды, страхи, стрессы, несбывшиеся желания, невысказанные мысли, привязанности, сожаления о прошлом и ожидания от будущего, все его взлеты и падения исчезли в этом НИЧТО. Покой – только он остается, и это похоже на покой глубокого сна.

Несколько слов о привязанности. Разве не мучительно обретать привязанность к объектам, которые появляются в нашем пространстве только для того, чтобы увидеть, как эти объекты исчезают? Это может быть кто-то, кого вы любите, или что-то, чем владеете, чем дорожите. Это может быть представление о самом себе или о ком-то другом, которое рано или поздно меняется. Вы заметили, что после решения какой-то конкретной проблемы, занимавшей ваш ум и мысли, остается лишь это НИЧТО? Или, может быть, вы заметили этот вакуум НИЧТО, что остается после того, как вы «утратили» что-то? Вы теряете объект вашей любви (человека или вещь), и вы чувствуете глубоко внутри вакуум, вызванный потерей объекта. Это происходит потому, что объекты усиливают наше отождествление, наше «я». Наше

отождествление формируется из объектов, которыми мы дорожим. Нет объектов, с которыми мы идентифицируем себя, и сила «я», сила личности ослабевает. Отождествление с именем и формой как с отдельной сущностью слабеет. Как следствие, начинает проглядывать спокойствие НИЧТО. Вначале может возникнуть замешательство, поскольку «я» чувствует, что ему не хватает чего-то. Есть эта огромная пустота, с которой «я» незнакомо. После чего «я» привыкает к этому новому способу чувствования, или видения, или, скорее, *бытия*. *Быть* не этим или тем, а просто *быть*.

Можно ли на самом деле *быть* пространством НИЧТО, в котором все приходит и уходит? Думаю, что не стоит даже и пытаться, поскольку каждый уже является ТЕМ – покоем, тишиной Сознательного Присутствия, вечно существующего свидетеля «всего, что происходит». Вы уже являетесь ТЕМ, вернее, ТО уже является вами. Даже когда вы крутитесь как волчок в вашей повседневной жизни, вы в то же время, как око урагана, являетесь недвижимым спокойствием во всей этой суматохе ваших будней. Покой глубокого сна преобладает и в бодрствующем состоянии, с той лишь разницей, что появляются «я и моя история» и раскидывают свой шатер поверх этого спокойствия.

Нужно, чтобы произошло лишь одно: «я» должно освободить место, которое оно занимает, чтобы пробился покой, поскольку спокойствие есть всегда, и это не то, чего нужно «добиваться». Око урагана не существует отдельно от урагана. Вы – это око, вокруг которого бушует ваш личный ураган. Вы ошибочно отождествляете себя только с ураганом и считаете, что вы и есть этот ураган. Но ваше ошибочное отождествление не имеет значения, поскольку ураган не может существовать отдельно от своего ока. Нет ничего, что нужно было бы делать для НИЧЕГО. Может ли НИЧТО быть более милосердным?

Я побывал на *Kumbh Mela*^[42] в марте 2010 года. Мы выбрали благоприятную для омовения дату, поскольку нам хотелось получить возможность увидеть *naga babas*^[43], когда они в назначенный час осуществляют свой неистовый и страстный марш-бросок к священной реке Ганг. В благоприятные для омовения даты происходит *Shahi Snaan*, или Королевское омовение. В эти дни происходит парад лидеров и гуру различных сект, цель которых – погрузиться в Ганг. Толпы людей окружают это шествие, чтобы получить их

благословение. Повсюду звучит музыка, всюду царит возбужденное и радостное настроение. Мы наблюдали, как мимо нас процессия следовала за процессией: гуру, сидящие на специально изготовленных огромных колесницах, в сопровождении посыпанных пеплом садху, идущих пешком и едущих на лошадях. Всякий раз, когда они смотрели на толпу, люди начинали истерически выкрикивать: «*Jai Gurudev! Har Har Mahadev!*»^[44] Все это было удивительным зрелищем. Но полной неожиданностью для меня стал появившийся рядом с нами паланкин. На нем стоял пустой трон, и около этого трона был всего один человек. Это был ученик, охранявший трон и державший над ним гигантского размера зонт. Не знаю, почему на троне не было гуру, может быть, он не смог добраться до трона из-за огромных беспорядочных толп, то ли он ушел, чтобы передохнуть, посчитав, что процессия движется с черепашной скоростью. Картина была смешной, и в то же время это было явным напоминанием: независимо от того, есть форма или нет, НИЧТО присутствует на этом троне.

Возвращаясь к кентавру, хочется сказать: его природа в том, чтобы стремиться во внешний мир. Это свойство присуще и любому из нас. Чувства переносят человека во внешний мир – через зрение, вкус, обоняние, слух и осязание. Но Хирон, мудрый кентавр, знает это. Он знает, что он кентавр и в природе кентавров заложено стремление исступленно носиться повсюду, но он также знает, что спокоен, как око урагана. Он овладел и инстинктом дикого кентавра, и рациональным разумом человека. Таким образом, он способен оставаться спокойным. Укорененный в покое НИЧТО, он обзревает мир, оставаясь в одной точке. И чтобы не забыть о НИЧТО, он также целится в НИЧТО. Он всегда на страже, его лук туго натянут, поскольку НИЧТО всегда вокруг него. И именно в этой позе он замер в Вечности. Это не та вечность, которая означает время, идущее все вперед и вперед, и так до бесконечности, нет, – это Вечность момента. Вечность здесь и сейчас.

Мудрый кентавр советовался с богами Олимпа, он был учителем знаменитых полубогов и героев. Одним из них был Ахиллес, который однажды сказал: «Воспитанный в залах благочестия Хирона, я научился придерживаться единого сердца».

Что же имел в виду Ахиллес, когда говорил о «едином сердце»? Имел ли он в виду «Сознание»?

Сознание – это Единое Сердце. Ахиллес, вероятно, понял, что Сознание – это все, что есть, что Сознание – это содержание всего. Он понял, что и он, и любая другая вещь, это объект в том же лишенном формы Сознании. Мы думаем, что мы объекты, отдельные друг от друга. И в самом деле, как объекты мы отделены друг от друга. Но являемся ли мы и вправду объектами, если большая часть наших форм состоит только лишь из присутствия НИЧТО и не более? Разве не поразительно, что мы, человеческие существа, имеем так много общего для всех нас НИЧТО?

Как НИЧТО, так и «все, что проявляется в этом НИЧТО», является аспектами Сознания. Но если идти еще глубже, то мудрый кентавр на самом деле – это ТО, что позволяет *быть* и НИЧТО как таковому, и любой проявленной в нем форме. Он спокоен, зная, что нет ничего, что длилось бы вечно, вечно лишь НИЧТО.

Примечание.

Когда в 1948 году была основана «Air India»^[45], руководству хотелось иметь такой символ, который для универсальной целевой аудитории символизировал бы скорость. Кентавр (знак Стрельца в зодиаке) был выбран в качестве логотипа для «Air India». Гигантская копия логотипа была установлена на крыше здания «Air India» в Южном Мумбаи. Ночью кентавр горел голубым неоновым светом и очень медленно вращался на своем пьедестале. Когда «Air India» изменила свой логотип, от кентавра отказались. И неоновый знак на крыше штаб-квартиры «Air India» был демонтирован, его убрали.

Наблюдение за кентавром из окна моей спальни – это одно из самых любимых воспоминаний моего детства.

Вечное эхо

Еще подростком я стал поклонником художника-сюрреалиста Сальвадора Дали и сразу ощутил связь с его картинами. Я постоянно рассматривал картины Дали в роскошно иллюстрированных альбомах, которые покупал или которые мне дарили на протяжении многих лет. Его стиль, его образы изумляли меня – стекающие часы, горящие жирафы, фигуры с выдвинутыми из них ящиками. Дали был эксцентричным гением, хотя некоторые считают его всего лишь блестящим рисовальщиком. Я считал его эксцентричным гением, который оказался еще и блестящим рисовальщиком. Дали в одиночку изменил отношение Зигмунда Фрейда к сюрреализму. «Этот молодой испанец с его гениальными глазами фанатика и его, несомненно, технически совершенным мастерством подсказал мне иную оценку», – заметил однажды Фрейд.

Одной из самых удивительных картин Дали является картина «Метаморфозы Нарцисса».

Существует несколько версий легенды о Нарциссе, много раз пересказанной и истолкованной писателями, поэтами, философами и художниками. В греческой мифологии Нарцисс – юноша, известный всем своей удивительной красотой. Но он неизменно был надменен с теми, кто его любил, он относился к ним с презрением. В качестве божественного наказания Нарцисс был обречен влюбиться в собственное отражение в воде источника. При этом юноша не понимал, что в воде отражается он сам. Он томился, тосковал и, в

конце концов, умер из-за того, что не мог расстаться с собственной красотой, отраженной в зеркале воды.

Картина Дали «*Метаморфозы Нарцисса*» хотя и невелика (всего 51 см × 78 см), но является потрясающим произведением искусства. На этом полотне Дали передает версию мифа, изложенную римским поэтом Овидием. Творческая фантазия художника поражает, замысел картины великолепен, написана картина с высокой степенью мастерства.

Я помню, что, листая альбомы, я всегда останавливался на странице с этой картиной, пораженный фантазией и гениальностью человека, создавшего ее. Прошло лет двадцать с того момента, когда я впервые увидел картину, и только тогда я смог понять, что Дали в своей версии «*Метаморфоз Нарцисса*» ухватил и передал суть недуалистического учения индийской философии – Адвайты. Понимал ли это он сам или нет, не имеет значения.

Чтобы лучше понять глубокий смысл картины, нужно осветить ее светом Адвайты. Чтобы выполнить это, нам нужно получше разглядеть с одной стороны личность и гений Дали, а с другой – саму легенду о Нарциссе.

Параноидально-критический метод

Дали создал эту картину, используя свойственный ему параноидально-критический метод. Нет другого метода, который бы больше подходил для изображения этого мифа.

Параноидально-критический метод был детищем французского психиатра Жака Лакана. Он как-то рассказал Дали о своей концепции, которая должна была положить конец тому, что люди считали реальностью. Это само по себе уже чистая Адвайта. Мир, который мы видим, – это иллюзия, видимость в Сознании. Он так же реален и нереален, как и мир наших снов.

Дали был увлечен концепцией Лакана и способствовал ее развитию. Он даже представил свои взгляды специальной аудитории в Сорбонне, в Центре эстетических исследований. Дали объяснял, что «согласно его пониманию паранойя – это сложная запутанность связей, при которой больной человек систематически имеет иную интерпретацию

мира и самого себя, в которой придает чрезмерное значение собственному „я“. В отличие от других болезней, параноидальная личность имеет упорядоченную, четкую и последовательную систему бреда. Это дает параноику ощущение всемогущества, которое часто приводит к мании величия или к комплексу преследования. Системы бреда – это галлюцинации, которые по иному интерпретируют явления действительности в пользу параноика. Как правило, параноики здоровы физически, но ментально живут и действуют в своем собственном мире, далеко от нормальности»^[46].

Чтобы проиллюстрировать эту концепцию, Дали создал серию картин, в которых показал образы, скрытые внутри других образов. Например, такие картины, как «Лебеди, отражающиеся в слонах», где отражения лебедей в озере оказываются фигурами слонов, или «Призрачная повозка», где все выглядит так, будто человек едет в повозке, но если всмотреться, то повозка оказывается пустой, а вдалеке виднеется город, и фигура в повозке является не чем иным, как силуэтом городской колокольни.

По тематике паранойи Дали не мог бы найти сюжета лучше, чем миф о Нарциссе. Здесь он смог показать все свои способности в изображении этого состояния. Это было идеальное попадание.

Суть картины

Изображая этот миф, слева на холсте Дали рисует юного Нарцисса, который стоит на коленях и смотрит в зеркало водоема. Такая же физическая форма размещена справа. Однако на этот раз тело превращено в изящную каменную руку, а голова Нарцисса – в яйцо, размещенное между указательным и большим пальцами этой руки. Из яйца произрастает цветок нарцисса. На этом этапе Дали вполне мог бы отложить кисть, и картина уже имела бы вполне законченный вид с точки зрения концепции духовного пробуждения, которая уже достаточно четко передана этими образами. Образ отождествленного сознания (юноша Нарцисс) превратился в образ безличного сознания (цветок нарцисс). Нарцисс перевоплощается в нарцисс. Но «перевоплощается» – здесь не совсем точное слово, подразумевающее, что есть одно создание, предшествующее другому. В действительности

произошло то, что его истинная природа была выявлена с гибелью ложного чувства отождествления.

Все в имени

Само имя «Нарцисс» является одним из наиболее важных указателей во всем этом мифе. В греческом языке оно означает «сон» или «оцепенение».

Сон – противоположность пробуждению или Духовному бодрствованию. Миф о Нарциссе играет важную роль в психоанализе. Термин «нарциссизм» означает чрезмерную степень самооценки или вовлеченности в эго. Следовательно, эго является спящим и оцепеневшим в том смысле, что оно полностью отождествлено с телом и влюблено в себя как в тело. Эго – это «крайняя степень отождествления» с именем и формой Нарцисса как отдельной сущности, отделенной от других. Волна думает, что она отделена от океана. Волна не осознает, что она всего лишь кратковременное явление на поверхности океана и рано или поздно снова растворится в океане. Она рассматривает все другие волны как отдельные от себя, не понимая, что содержание у каждой волны одно и то же. Вода является содержимым волны и одновременно – содержимым океана.

Казалось бы, юноша с таким именем был обречен на доставшуюся ему судьбу. *Мог ли он когда-либо пробудиться к своей истинной природе? Что понадобилось бы, чтобы вывести его из этого оцепенения? Что было необходимо для того, чтобы он смог понять, что одно и то же Сознание оживляет и его, и других? Что было необходимо для того, чтобы он научился не относиться к другим с презрением?*

Могла ли судьба коснуться Нарцисса рукой, которая была бы еще менее дружественной? Получить имя Нарцисс, да еще и оказаться влюбленным в самого себя! Или нам еще слишком рано выносить какое-то суждение об этом мифе?

Оракул предсказывает

Нимфу Лириопею, мать юного Нарцисса, волновало благополучие ее красавца сына, так как она знала, что сын будет объектом желания для многих. Обеспокоенная этим, она обратилась к оракулу, чтобы узнать о будущем сына. Оракул сказал ей, что Нарцисс проживет до глубокой старости, «если не придет к тому, что познает самого себя».

И это второй указатель: «если не придет к тому, что познает самого себя». Что имел в виду оракул? Что Нарцисс умрет молодым, если познает самого себя? Может ли кто-то умереть, если познает самого себя? Мы с вами понимаем, что оракул не мог не быть мудрецом. Что же он имел в виду? Он явно имел в виду вот что: если Нарцисс сможет познать себя, свою истинную сущность, то это станет его концом. Иными словами, Нарцисс, презиравший тех, кто его любил, не сможет больше оставаться тем же Нарциссом, если он и в самом деле познает свое истинное «я».

Разбитое сердце Эхо

У Овидия, в его версии мифа, нимфа по имени Эхо влюбляется в Нарцисса. Однажды, когда Нарцисса идет в лес на охоту, Эхо украдкой следует за ним. Она жаждет поговорить с красавцем юношей, но, конечно, не может заговорить первой. Через некоторое время Нарцисс, услышав шаги у себя за спиной, понимает, что кто-то идет за ним следом. «Кто там?» – восклицает он громким голосом. «Кто там?» – отвечает Эхо. Это продолжается до тех пор, пока Эхо уже не может больше сдерживать себя и показывается Нарциссу, она выбегает навстречу, чтобы обнять прекрасного юношу. Но Нарцисс уклоняется и просит Эхо оставить его в покое. Ему не нужна ее любовь. Нарцисс оставляет Эхо с разбитым сердцем, и она проводит остаток своей одинокой жизни, тоскуя по ответной любви, которой нет. Она чахнет, и все заканчивается тем, что от нее остается один лишь голос.

«Кто там?» – это изначальный вопрос Адвайты. «Кто я?» – так формулировал этот вопрос великий мудрец Рамана Махарши. А у Рамеша этот вопрос звучал так: «Кто этот „я“, который думает, что он является „исполнителем“ своих действий?» «Кто там?» – спрашивает Нарцисс только для того, чтобы услышать те же слова эхом возвращавшиеся к нему. «Кто там внутри?» – это то, что спрашивает

Эхо у Нарцисса, отвечая на вопрос, прозвучавший для нее. «Ищи внутри, так как ответ находится внутри, поэтому спроси свое „я“: „Кто там?“ – вот что Эхо, по существу, говорит Нарциссу. Но он по-прежнему не обращает внимания на слышащийся ему голос. Он так погружен в собственное „я“, что ничто иное не может проникнуть в его разум.»

Нарцисс повстречал свою Немезиду

Появляется Немезида, богиня, которая восстанавливает справедливость, не зная жалости. Кстати, имя «Немезида» на языке древних греков означает «воздавать должное» или «Божественное возмездие». В современном языке имя богини используется, когда мы говорим о злейшем враге, имея в виду неминуемое для него возмездие; когда мы говорим о ком-то или о чем-то, что совершенно противоположно нашему «я» и в то же время чем-то схоже с ним.

Немезида, услышав молитвы Эхо, решает наказать Нарцисса за его безграничное тщеславие. Ведь Нарцисс постоянно обижал тех, кто любил его, он не обращал на них внимания и презирал их.

Однажды, гуляя по лесу, Нарцисс выходит к чистому и глубокому водоему. Его мучает жажда, он становится на колени, чтобы утолить ее прохладной водой. Наклонившись, он в первый раз в своей жизни видит свое отражение и мгновенно влюбляется в прекрасный образ, разглядывая его и не осознавая, что это и есть он сам!

И в этот момент его судьба свершилась. Нарцисс обречен на безнадежную любовь к собственному отражению в глади водоема. Он жаждет обладать своим зеркальным отражением, он не может оторвать глаз от красоты юноши, который глядит на него из глубины водоема. Становясь все печальнее и несчастнее, он чахнет на берегу водоема, в нем медленно угасает жизненная сила, и, наконец, эта любовь становится причиной его смерти.

Юноша, пренебрегавший и сторонившийся любви, которой щедро одаривали его другие, сам стал жертвой безответной любви.

Он встретил свою Немезиду, вернее, Немезида встретила с ним.

Конец – это начало

Нарцисс умер. Оракул предсказал, что Нарцисс проживет до глубокой старости, «если не придет к тому, что познает самого себя». Ясно, что он не дожил до глубокой старости, из чего следует, что он познал самого себя. Что это означает? Нарцисс умер, но он познал самого себя. Нарцисс, полностью погруженный в любовь к самому себе (наиболее крайняя форма отождествления эго с телом), умер. Смерть – это конец отождествления с именем и формой как с отдельным существом. И то, что он видел, есть не что иное, как воды Сознания, в которых он видит свое отражение. Сознание – это его зеркало, в которое он смотрит долго и упорно. И Сознание смотрит на него. Это и есть та реальность, которой он на самом деле является.

Нарцисс перевоплощается в нарцисс

В том месте, где умер Нарцисс, вырос цветок. Цветок нарцисс не имеет чувства отдельности. Цветок, который не знает, что он объект красоты. Цветок, который одинаково дарит свой аромат всем, кто приближается к нему. Цветок, который не относится к другим с презрением, ибо в его мире нет других. Нет других, чтобы любить, нет других, чтобы ненавидеть. Безличное сознание. Отождествленное сознание, которое ранее было представлено прекрасным юношей Нарциссом, сейчас представлено нарциссом-цветком как безличное сознание. Волна, в сущности, не отделена от океана, и содержание волны и океана одно и то же, это вода. И вода – это Сознание.

Более того, на картине Дали цветок прорастает из яйца, что явно означает «возрождение и перевоплощение» Нарцисса.

И яйцо размещено так, что визуально оно находится рядом с головой юноши, яйцо символизирует его эго. Что может быть еще более очевидным? Мог ли Дали, не используя слов, сделать это еще яснее?

Дали сочинил об этом стихи, где он говорит, что в Каталонии фраза «иметь луковицу в голове» означает – иметь психологический комплекс. Плавно и изящно голова Нарцисса превращается в яйцо с

луковицей. А луковица – в цветок. Нет другой визуальной последовательности, которая была бы более совершенной.

Блестящим ходом художника можно считать и то, что поза Нарцисса, когда он опускается на колени, чтобы взглянуть на свое отражение, по форме напоминает плод во чреве. А затем именно из вод Сознания, выступающих в роли околоплодной жидкости, он рождается снова в виде руки, имеющей утробную форму, точно такую же, как форма тела наклоненного Нарцисса. Еще один цикл смерти и рождения завершен. Вернемся к Уроборосу, чтобы вспомнить, что конец – это начало.

Почему Нарцисс изображен коленопреклоненным в позе утробного плода, в позе ребенка до его рождения? Разве это не Нарцисс думал, что он чрезвычайно красив? Разве это не он презирал всех, кто любил его? Так как же он мог быть изображен таким чистым и невинным, если он причинил столько страданий другим?

Дело в том, что это не Нарцисс принял такое решение – быть красавцем. Полюбить себя, увидев свое изображение, тоже не его выбор. Ему пришлось полюбить себя – это было вмешательством Немезиды. Нарцисс не был самой экстремальной формой отождествленного создания (отождествленного с телом), которая возникла, потому что таков был выбор Нарцисса. Перевоплощение Нарцисса в безличное сознание также не было событием, состоявшимся по его выбору. Оба эти события зависели от факторов, над которыми он был не властен. Оба события были организованы Сознанием.

Сознание изображено как отождествленное сознание, представленное образом Нарцисса, красавца юноши. После глубоких раздумий (акт, срежиссированный Сознанием через вмешательство Немезиды) его эго дало трещину, и из трещины вырос цветок нарцисс, который также является Сознанием, но это уже образ безличного сознания. И все происходившее было игрой Сознания. Так можно ли было изобразить Нарцисса по иному, не невинным? Важно отметить, что Нарцисс *не делал* ничего, чтобы возродиться снова. Это случилось потому, что все было осуществлено Сознанием.

Возвращение Эхо

Эхо, божественный дух, не было забыто во всем этом сюжете. Эхо – важная составляющая всей картины. Ведь рука, являясь структурной копией коленопреклоненной позы Нарцисса, есть не что иное, как «эхо». Это эхо Нарцисса, оно изображено как рука, держащая яйцо, из которого произрастает цветок нарцисс. Эхо становится рукой, принявшей форму колыбели, которая нежно держит яйцо между большим и указательным пальцами. Здесь обе стороны двойственности – мужчина и женщина – сошлись воедино в буквальном смысле. Одна сторона – это Нарцисс-юноша, другая – Эхо Нарцисса-юноши. Они, в сущности, не являются двумя сторонами – они едины.

Двойственность жизни

На самом деле двойственность жизни, в том числе и двойственность в форме мужского и женского, постоянно присутствует как фон в картине. На ее заднем плане мы видим персонаж, стоящий на постаменте, который думает, что он хозяин своей судьбы. Он стоит спиной к зрителю и выглядит одиноким. Постамент расположен среди черно-белых квадратов, напоминающих шахматную доску.

Это шахматная доска жизни, два цвета – черный и белый, представляющие мир двойственности, мир выборов, которые приходится делать, мир поражений и побед, радости и боли. Слева от юноши на постаменте видна группа обнаженных людей, изображающих чувственные наслаждения, которыми изобилует жизнь. В картине также изображена и противоположность удовольствию в виде истощенной собаки зловещего вида, которая ест свежее мясо, – это образ и угасания, и голода. Однако голод собаки на этот раз, видимо, утолен. Мертвое мясо дает жизнь собаке, что в очередной раз отображает вечный цикл жизни. Вдали видна дорога, символизирующая жизненный путь. Тематически Дали изобразил цикл повседневной жизни, которая вязнет в трясине двойственных

противоположностей, – таков контекст, в котором происходят метаморфозы Нарцисса.

На горизонте изображены горы просветления. Позади них еще раз нарисована каменная рука, правда, на этот раз она видна лишь частично. Это «эхо» – признак того факта, что просветление находится здесь, под рукой, неподалеку. Но персонаж на пьедестале слишком занят. Разглядывая что-то внизу, он даже не замечает гор просветления – он целиком захвачен игрой жизни.

Сальвадор Дали, Нарцисс и Адвайта

Где же здесь находится сам Дали? Дали берет на себя роль Творца, который раскрывает нам свой параноидально-критический мир, где есть миры внутри миров, образы в образах, плоды фантазии, далекие от реальности. Таким образом, Дали, создавая иллюзорный мир Нарцисса, сам становится Нарциссом самой высшей степени (в чем его обвиняли недоброжелатели). Мы даже видим, как Нарцисс склоняется перед художником как перед Творцом – тонкое обозначение признания Творца-субъекта (Источника) объектом, который им создан. Говорят, что Дали всячески старался использовать мыслительные процессы психически больных в своем искусстве, адаптируя их насколько это возможно, стараясь при этом не сойти с ума. Неудивительно, что он заявлял: «Единственная разница между мной и сумасшедшим состоит в том, что я не сумасшедший». Что можно было бы считать глубоким и мудрым высказыванием в ключе Адвайты.

Можно видеть, что если весь миф разыгрывается в линейной последовательности событий, от юноши, влюбившегося в самого себя, до превращения его в цветок, то Дали добивается метаморфозы в одно мгновение. Горизонтальная временная последовательность сразу же видна в картине, но мы видим ее в «вертикальном времени», в «сейчас». Естественно, зритель, находящийся вне контекста картины, может видеть все ее содержание сразу, включая все образы. Для зрителя все события существуют на холсте одновременно: на картине действительно нет прошлого и будущего, хотя в мифе они существуют. Это важный указатель того, что отождествленное сознание и безличное сознание не являются двумя разными сознаниями. Нужно

отдать должное Дали за силу, присущую его живописи. Нужен был ум гения, чтобы отобразить этот миф в блеске столь замечательной концепции, прописанной на холсте.

Но главное во всем этом – Сознание, которое и есть Верховный Творец, Источник всего, что существует. Поскольку Сознание – это Дали. Сознание – это юноша Нарцисс. Сознание – это цветок нарцисс. Сознание – это Овидий. Сознание – это холст, краски и кисть. И Сознание смотрит на картину глазами зрителя. Прежде всего нужно, чтобы Дали обладал сознанием. Без Дали, обладающего сознанием, картина никогда бы не появилась. Истинным гением, пребывающим за пределами изображенного Дали мифа о Нарциссе, является Сознание. «Когда флаг колышется на ветру, ни флаг, ни ветер не являются причиной движения, все это Сознание, в котором событие происходит» – так гласит старая притча в дзен.

При глубоком проникновении в суть этого произведения искусства, при понимании его в контексте Адвайты, свет Сознания падает на картину и, отражаясь, возвращается в виде удивительного живого дара – учения Адвайты (недвойственности). Миф о Нарциссе – это яркая демонстрация этой философии. Миф этот гораздо больше, чем «поучительная» история, предостерегающая юношей от жестокости по отношению к своим возлюбленным. Здесь «возлюбленный», отражающийся в чистых водах Сознания, есть не что иное, как их истинное «я».

СОЗНАНИЕ – это все, что есть.

Конец двойственности

Одним из самых драгоценных даров, полученных мною за те десять лет, которые я провел с моим учителем Рамешем Балсекаром, является то, что я был рядом с ним в течение последних нескольких месяцев его жизни. Это был потрясающий жизненный опыт, многому меня научивший. Я мог видеть человека, который совершенно спокойно относился к смерти. Легкость, с которой он проживал каждый день своей жизни, была той же легкостью, что была у него в отношении к смерти. Он обычно говорил так: «Если человек не боится жизни, то он и смерти не будет бояться».

Рамеш скончался в почтенном возрасте: ему было девяносто два года. За десять лет до того, когда я начал посещать его беседы, он, бывало, говорил своим слушателям: «Я уже нахожусь в зале транзитных пассажиров». Но он пробыл в этом зале гораздо дольше, чем ожидал. Он часто говорил, что готов уйти «домой» в любое время и его не волнует, что случится в следующий момент. Он не раз цитировал слова старого роши (учителя дзен): «Простите меня за то, что не умираю», – и заразительно смеялся!

Только в его последний год или около этого его здоровье начало ухудшаться. Но каждый раз, когда приходили моменты слабости и он падал или заболел и лечился в госпитале, Рамеш очень быстро снова вставал на ноги. Он не мог дожидаться, когда можно будет начать говорить и проводить ежедневные сатсанги, и часто не прислушивался к советам своего врача и своей любимой жены Шарды, считавших, что ему нужен отдых для восстановления сил. Было совершенно ясно, что

сатсанги продлевают ему жизнь. Я помню, как однажды он упал, и в результате падения появился большой синяк. Но он не испытывал особого дискомфорта, разве что считал, что это выглядит некрасиво. Однажды утром я зашел к нему в комнату перед началом сатсанга, чтобы поздороваться. Нужно сказать, что по утрам, пока он отдыхал у себя в комнате, мы слушали DVD-диски с его предыдущими беседами. Зная, что, по всей вероятности, он сегодня не выйдет, чтобы говорить, я совершенно неожиданно для себя спросил его: «Гуруджи, вы будете говорить сегодня?» Прежде, чем он смог ответить, Шарда озабоченно произнесла: «Ему нужен отдых». Я спросил, чувствует ли он какое-то недомогание, он ответил: «Нет». Затем, указывая на синяк, сказал: «Но взгляните на это!» Я сказал, что нас это не будет беспокоить ни в малейшей степени, и если это не беспокоит его, то он должен выйти и говорить. Я знал, что переступил некую грань и вызвал недовольство его жены, но я также знал, что ему хочется говорить. «Вы правы», – ответил он. И через пять минут Рамеш уже был в гостинной, и начался еще один сатсанг.

Однако время шло, и через несколько месяцев Рамеша уже нужно было уговаривать выйти в гостиную для беседы. Более того, он стал говорить: «То, что должно было быть сказано, уже было сказано». Я знал, что обычно, когда мастер делает такое заявление, он подает своим ученикам знак, что уже долго с ними не пробудет. Традиционно считается, что после таких слов мастер обычно оставляет свое тело в течение шести месяцев. Был и другой эпизод, который я воспринял как знак. Я увидел стопки книг, выложенные на столе на веранде. Рамеш раздаривал все книги из своей личной библиотеки, и любой мог взять одну или несколько книг. Я понял, что это указание на то, что должно произойти.

Иногда по утрам мы могли видеть, как его помощник буквально держит его, когда он идет в гостиную из спальни. Он еле ходил, волоча ноги по полу. Зрелище было тяжелым для всех, кто там присутствовал. Тело учителя теряло энергию. Тем не менее Рамеша это просто переставало беспокоить, как только он оказывался в своем кресле-качалке, в котором обычно сидел во время сатсанга. В каком-то смысле мне доставляло удовольствие видеть его энтузиазм. Его ум был таким же острым, и он также ясно выражал свои мысли, как и всегда. Как только он оказывался в кресле, учение просто текло через него.

В то время темы его бесед неизменно были связаны со смертью. Это происходило спонтанно, никто этого не планировал. Новый ищущий приходил на сатсанг и задавал вопрос, связанный со смертью, хотя он и не знал о тяжелом состоянии Рамеша. Каким-то образом Сознание так организовывало беседы, что эта тема все время возникала. Ответы Рамеша были короткими, так как энергии у него было немного. Но одну мысль он повторял постоянно: «Я не понимаю, что такого особенного в смерти. В конце концов, разве смерть – это не конец двойственности, разве это не окончание удовольствий и страданий повседневной жизни? Есть ли кто-то, кому этого не хочется?» Кто-то спросил его: «На данном этапе жизни есть ли у вас неосуществленные желания?» Он ответил: «Нет. Но возникло одно новое желание. Я хочу умереть. Но в то же время я знаю, что это случится тогда, когда должно случиться». И засмеялся.

Меня и удивляло, и радовало отношение Рамеша к собственной смерти. Как будто это была некая замечательная перспектива! Не было страхов, вызванных неизбежным, скорее предвкушение, подобное тому, что испытывает усталый путник, когда ждет, что сможет хорошо выспаться ночью. На одной из бесед, когда кто-то спросил его, как он относится к смерти, мудрец сказал: «Я не жду этого с нетерпением, но я говорю: добро пожаловать».

В последние дни я, как и другие его ученики, приходил к нему домой и навещал его в больнице. Меня особенно поразили три таких визита. Пока я был в Лондоне, он попал в реанимационное отделение. Как только я вернулся, сразу же пошел к нему. Он сидел в кровати. Ничего особенного, о чем можно было бы говорить, не было, но я знал, что что-то изменилось. Он спросил меня, как я съездил, и замолчал. Спустя какое-то время, стоя рядом с кроватью, я задал вопрос: «Гуруджи, вы устали от всего этого?» Он взглянул на меня и с легкой мимолетной улыбкой ответил: «Да». Именно с этого момента я начал желать, чтобы он поскорее ушел «домой», чтобы не пришлось ему страдать еще больше.

В следующий раз, навещая его в больнице, я спросил, не скучно ли так долго лежать целый день в постели. Он поднял руки и ответил: «Свидетельство происходит. Но, конечно, я хотел бы уйти домой».

Был еще один очередной визит, который стал для меня последней каплей. Я пошел к нему во второй половине дня, так как у меня был

пропуск, который мне дал один из членов его семьи. Я сидел с Рамешем в палате, когда вошла медсестра. Это было время лечебных процедур. Медсестра была груба с ним. Говорила очень громко. На марафты она сказала: «Ну, старик, пора делать укол. И давай сделаем это быстро. У меня есть другие дела, так что не трать зря мое время». Резкий тон ее голоса и то, как она сделала укол, просто надрывали сердце. Промелькнула мысль, должен ли я сказать ей что-то, но потом подумалось: «Зачем?» Моим единственным утешением было знание, что она тоже «проживалась» [через нее так функционировало Сознание], что стала такой, какой она была сейчас. Одному Богу известно, какие стрессы она, должно быть, переживает на работе в течение дня. И тогда я закрыл глаза и беззвучно помолился Богу, чтобы быстрее пришел его конец.

В те последние несколько месяцев я стал посещать беседы Рамеша и по субботам, в дополнение к воскресеньям, когда я ходил регулярно. Теперь, когда я чувствовал, что у меня осталось не так много времени, я перестал ходить на работу по субботам и вместо этого приходил на беседы. Я помню, как во время моего второго посещения его сатсанга десять лет назад, он сказал мне в конце беседы: «Будьте осторожны... вы приходите уже два воскресенья подряд... это может стать вашей воскресной церковью!» Что в итоге и произошло.

Теперь, когда ему было действительно плохо, даже мои планы поездок за город зависели от его здоровья. Я старался, чтобы поездки были короткими. Перед каждой поездкой я приходил к нему, чтобы сказать, куда еду и когда вернусь. Конечно, я делал это ради собственного спокойствия; Рамеша не волновали детали моего расписания. Тем не менее у меня было ощущение, что ставить его в известность – это хорошо.

Был один уик-энд в июне, когда Рамеш провел беседы очень эффективно и энергично. Это были короткие сатсанги – продолжительностью около двадцати минут вместо обычных девяноста. Он говорил и замолкал. И это были долгие интервалы сильнодействующей тишины. После окончания воскресной беседы я зашел к нему в комнату и сказал, что почувствовал во время бесед этих последних двух дней. Я сказал, что мне в голову пришла мысль записать их, и когда я поделился этой мыслью с Санджаем, моим другом и еще одним давним учеником Рамеша, тот поддержал эту

идею. Рамеш был тронут, услышав это. Он сказал: «Я подумал в точности то же самое».

Два дня спустя Рамеш потерял любимую жену Шарду. Это произошло рано утром. Ей было девяносто, и они были женаты шестьдесят девять лет. В тот день я пришел к нему. Войдя в комнату, я увидел Рамеша, сидящего в кресле у окна. Он был спокойным и безмятежным. В воздухе ощущалась невесомая легкость, свет полуденного солнца мягко струился в комнату через занавеску. Почему-то не было ощущения, что Шарда умерла. Казалось, будто она сидит в кресле рядом с ним именно так, как они всегда сидели в течение многих лет. Рамеш оживился и сказал: «Я говорю о смерти в выходные, и вот смотрите, что происходит!»

Спустя минуту зазвонил телефон. Это были соболезнования. Рамеш слушал и повторял: «Да... да». Затем его лицо озарила улыбка, и он сказал: «Представляете! Нам говорили, что наши гороскопы хорошо сочетаются. Неудивительно, что мы прожили вместе шестьдесят девять лет». В тот день он был воплощенное спокойствие. Могло показаться, что это Рамеш утешает человека на другом конце линии.

Почувствовав, что пришло время уходить, я встал и, не зная, что сказать или сделать, я просто опустился перед ним на колени и положил свою голову ему на колени.

А затем я ощутил, как он гладит меня по голове, как бы говоря: «Все в порядке, сынок, все в порядке...» Я подумал, что в этом есть какая-то глубина. Когда я поднял голову и встал, собираясь уйти, он вдруг спросил: «Вы можете узнать?» «Конечно, а что?» – спросил я. «Хочу знать, сколько времени у меня осталось». Я смутился, так как прекрасно понимал, что он имел в виду. Потом он издал короткий смешок и сказал: «Не берите в голову... Мне просто любопытно». И я подумал: «Ситуация выглядит довольно сюрреалистически!»

Я пришел домой и рассказал обо всем маме. Мне хотелось знать, можно ли спрашивать у астрологов, сколько еще времени осталось Рамешу до ухода. Она сказала, что задавать такой вопрос было бы непристойно, и, более того, ни один подлинный астролог не даст ответа на этот вопрос, поскольку в таком случае это будет означать, что астролог берет на себя роль Бога. Тем не менее я чувствовал, что раз уж Рамеш попросил меня об этом, то я должен попытаться это сделать, по крайней мере, хотя бы что-то выяснить. Попасть к астрологам было

довольно легко, поскольку я знал многих из них в связи с собственными духовными исканиями, а также в связи с издательским бизнесом, специализирующимся на духовной литературе. Итак, на следующий день я спросил у нескольких астрологов, сколько времени, как они считают, осталось Рамешу. Поступая так, я просто подтвердил, что мама была права. Астрологи сразу же сказали, что для них недопустимо сообщать подобную информацию. Особенно о таком человеке, как Рамеш. Такие, как он, в значительной степени сами влияют на процесс ухода, они сами определяют, когда им умирать. (Вот вам и учение Рамеша о «недеянии»!) В любом случае, я, так сказать, сделал все, что мог.

Однако на следующий день я был приятно удивлен, получив ответы от всех астрологов, к которым я обратился. Они довольно единодушно предсказывали, что октябрь будет сложным месяцем для Рамеша. На самом деле они сказали, что если Рамеш сможет пережить октябрь, то есть вероятность, что он сможет прожить еще пару лет. Я знал, что у меня есть ответ, поскольку было видно, как хочется Рамешу «раствориться в океане Сознания», как он говаривал довольно часто.

В следующее воскресенье я зашел к Рамешу в комнату и сказал: «Гуруджи, я узнал то, о чем вы меня просили». Он, казалось, был несколько озадачен, как будто не мог понять, о чем я говорю. Должно быть, он просто забыл об этом. И тогда я добавил: «Они сказали, что вы должны заботиться о вашем здоровье в октябре». Вот так я пытался быть деликатным. Рамеш быстро понял намек и тут же ответил: «В октябре?» Он выглядел немного удрученным, потом сказал: «Давайте, посмотрим...» И он начал считать месяцы: «Июль, август, сентябрь... Еще три месяца?» Я совершенно растерялся. Он был здесь передо мной, и он, по существу, считал дни до своего ухода, и он не был счастливым от того, что оставалось еще три месяца. Увидев мое растерянное лицо, Рамеш сложил руки в намасте и сказал: «Спасибо, Гаутам. Вы не представляете, какой прекрасный подарок смерть». Я сделал ответный намасте и с тяжелым сердцем тихо вышел из комнаты.

Рамеш говорил, что Шарда всегда хотела уйти раньше Рамеша, поскольку ей было бы невыносимо видеть, как он умирает. Именно так это и произошло. Когда она умерла, было ясно, что Рамеш долго тут не

задержится. Итак, перспектива потерять его в октябре становилась все более и более реальной.

Все это время я усердно работал, чтобы подготовить запись его бесед, поскольку знал, что это была последняя книга, над которой я работал вместе с ним. Конечный срок был установлен Сознанием, и если астрологи были точны, то это должен быть октябрь. Рамеш попросил меня сделать запись еще двух его бесед, состоявшихся после ухода Шарды, поскольку он ощущал, что эти две беседы составляли единое целое. Я в шутку заметил ему: «Всего только на две больше». Он засмеялся. У него была привычка добавлять все больше и больше примечаний или записей бесед в рукопись, которая была почти готова к печати. Он говорил очень искреннее: «Гаутам, если мы сделаем книгу немного толще, мы можем получить больше!» Рамеш до конца оставался банкиром.

Вспоминаю, как однажды зашел к Рамешу после работы для того, чтобы прояснить кое-что в рукописи. Прежде я позвонил к нему домой и спросил у дочери Рамеша, Джайи, которая приехала погостить из Бангалора, можно ли мне зайти. Я торопился, но к тому времени, когда я там оказался, некоторые члены его семьи уже пришли. Я стоял на веранде, ожидая пока их общение закончится. Рамеш заметил меня, а когда увидел рукопись в моих руках, его глаза загорелись. В середине разговора он встал и направился к двум пустым стульям, делая мне знак. Он был слишком слаб, чтобы дойти туда самостоятельно, и его помощники бросились к нему, чтобы он не упал. Я чувствовал себя неловко, так как нарушил общую беседу, но я знал, что главное для Рамеша его учение. Мы быстро прошлись по тексту, и я ушел.

На протяжении этих последних нескольких месяцев я считал, что должен выражать Рамешу благодарность за его влияние на мою жизнь. Я помню, что когда гуру моей мамы умирал, ей повезло: получилось так, что она могла видеть его в последние дни, не зная, что это были его последние дни. Это дало ей потрясающее чувство завершенности. Я знал, что приближается час Рамеша, и я стал благодарить его за все, что он дал мне, за большое и малое.

Помню, как однажды я сказал, что благодаря ему и его сатсангам я обрел много знакомых по всему миру и, более того, они стали моими близкими друзьями, с которыми я постоянно поддерживаю связь. Он взглянул на меня, улыбнулся и сказал: «Это просто случилось». В

другой раз я сказал ему, что мне хотелось бы знать, где я приобрел эту уверенность в том, что могу писать. Затем в памяти возникло Предисловие, написанное мною к первой книге, над которой я работал вместе в Рамешем – «*Высшее понимание*»^[47]. В мои обязанности входило написание Предисловия. Я даже помню, как сказал маме: «А если он подумает, что это плохо написано? Поставлю ли я его этим в неловкое положение?» Тем не менее я набрался храбрости, чтобы отправить ему Предисловие. На следующий день конверт вернулся. Казалось, он его даже не открывал. Два листа А4 выглядели так, будто их даже не касались. Я просмотрел первую страницу и не увидел ни одного замечания или пометки, сделанной Рамешем. Я перевернул страницу, чтобы проверить следующий лист и, к моей радости, обнаружил стикер, на котором он написал: «Отлично! Спасибо. RSB»^[48]. Я сказал Рамешу, что теперь мне совершенно ясно, что эта его приписка дала мне впоследствии уверенность в том, что я могу писать, и я поблагодарил его за это. Он снова улыбнулся и сказал: «Это просто случилось».

Вот что я любил в Рамеше больше всего: он был кладезь безличной любви. Не было никакого прилипания. Не было никакого «брать – давать». Не было никаких «ты» и «я». Все, что случалось, просто происходило так, как должно было произойти, потому что на то была Божья воля. Если что-то не должно было случиться, то никакая сила на земле не могла сделать так, чтобы это произошло. Если же что-то должно было произойти, то никакая сила на земле не могла предотвратить это. Ведь мы всего лишь инструменты, с помощью которых функционирует Сознание. Кто должен благодарить, кого и за что? Однажды я оказался на медитации, которую проводил гуру моей мамы. Кто-то по окончании сессии поблагодарил его за чудесную медитацию. На что гуру ответил: «Благодарить меня – это как если бы левая рука благодарила правую руку».

В одно из моих посещений я решил сказать Рамешу, что сделаю все возможное, чтобы его не прекращали печатать. И он, и я уже знали, что это была констатация очевидного. Я в принципе не верю в то, что все следует озвучивать словами, и я знаю, что очевидное, безусловно, не нуждается в словах, чтобы быть услышанным и воспринятым. Возможно, что нечто очевидное воспринимается даже лучше, когда

оно не озвучено словами. Порой слова смывают чистоту молчания глубокого нерушимого знания.

И все-таки у меня возникла потребность сказать об этом «Божьему банкиру», чтобы просто озвучить свои мысли. Он едва слышно произнес: «Спасибо, Гаутам». И улыбнулся. Выглядело это так, что он как бы говорил мне: «Конечно, я всегда знал, что вы сделаете это, но в любом случае, раз уж вы решили соблюдать формальности, я тоже буду их соблюдать». После чего я сказал ему: «Благодарить меня – это как если бы левая рука благодарила правую руку». Мне ужасно хотелось использовать эту фразу, и вот я получил эту возможность. Мы оба от души рассмеялись.

Пришел конец сентября. Как-то раз я пришел к Рамешу в пятницу. На самом деле я собирался посетить его на следующий день, в субботу, но его дочь Джайя сказала, что в субботу она уезжает, возвращается в Бангалор, и ей хотелось бы передать мне заметки, написанные отцом в течение нескольких лет. Хотя я мог бы забрать эти заметки и в субботу, но я подумал, что это отличная возможность навестить их в пятницу и повидаться с Джайей.

Я рано ушел с работы и приехал к Рамешу в подходящее время. Вначале я зашел в комнату к Рамешу, чтобы посидеть с ним. На какое-то время он впадал в состояние, которое я бы назвал «измененным сознанием», потом ненадолго приходил в себя. У меня в руках был новый вариант обложки для его книги *«Конец двойственности»*^[49]. Книга была почти готова. Я знал, что он уже не в состоянии увидеть или прокомментировать обложку. Тем не менее мне просто хотелось сообщить ему, дать знать на любом уровне, что книга «происходит». Я держал его в курсе всех новостей по публикации этой книги в течение последних нескольких недель, но я также знал, как сильно он обычно радуется, когда видит обложку своей новой книги. Ему нравилось комментировать оформление книг, над которыми мы работали вместе. Его помощник сообщил мне, что лучше всего говорить с Рамешем, когда он поворачивается в кровати, так как это усиливает его быть более внимательным. Итак, я сел рядом с ним и, когда он собрался повернуться, сказал громко, намного громче, чем обычно: «Гуруджи, это обложка новой книги». Я держал обложку перед глазами Рамеша так, чтобы ему не приходилось напрягаться. Его глаза открылись, загорелись, и он улыбнулся, это длилось секунд двадцать, и

он снова соскользнул в свое полубессознательное состояние. Я подумал, что в таком состоянии его вряд ли уже могла интересовать книга, и все же он смог улыбнуться. Невероятно!

Одной рукой я держал книгу, другой держал его за руку. Он был беспокойным и все время поворачивался. Я ждал удобного момента, чтобы освободить руку. Помню, я подумал, как сильно он сжимает руку, несмотря на столь слабое состояние. Неудивительно, если вспомнить, что в молодости он серьезно занимался бодибилдингом.

В воскресенье утром, собираясь на сатсанг, я зажигал благовония в спальне, когда услышал, как зазвонил телефон. Это была Джайя. Она сказала, что только что говорила со своим братом Шивдасом, который сообщил, что состояние Рамеша ухудшилось. Она сказала, что я должен быть готов. Я ответил, что готов немедленно выехать из дома, но Джайя высказала предположение, что, может быть, мне не хочется видеть его страдания. Я ответил, что просто должен поехать. Я был готов выйти, уже стоял у двери, когда телефон зазвонил снова. Я бросился в комнату, это был Чайтанья, младший брат Рамеша. Со слезами в голосе он сказал: «Мой брат только что скончался».

Я обычно ездил к Рамешу на машине, но в тот день, опасаясь, что могу не найти места для парковки, я вскочил в такси. Как правило, не так просто найти такси на моей улице в раннее воскресное утро, поэтому я возблагодарил свою звезду, когда такси подъехало ко мне. Казалось, что дорога до Синдхула (название дома, где жил Рамеш) была очень долгой, хотя поездка не была дольше обычной. Охранник у входа понятия не имел, что случилось наверху, и сказал мне, когда я вошел: «*Saab, aaj aap jaldi aa gaye*» («Вы рано сегодня пришли»). Войдя в квартиру, я увидел в гостиной Шивдаса и некоторых членов семьи. Я прошел в спальню, поцеловал Рамеша в лоб и сел рядом с ним, и так просидел какое-то время. Внезапно в памяти всплыли слова, которые он сказал мне много лет назад: «Не бегайте за такси. Пусть такси само подъедет к вам!» Я не знаю, можно ли смеяться и плакать одновременно, но я думаю, это именно то, что случилось со мной.

Семья, друзья и ученики бесконечной вереницей шли и шли в Синдхула в течение всего дня, чтобы попрощаться. Мы также пели бхаджаны в его спальне. На кладбище выехали примерно в пять часов вечера, похороны состоялись в девять. Не было никаких ритуалов, так

как Рамеш не верил в них. Мы положили несколько гирлянд на тело, провода были тихими.

И только на следующий день я вдруг вспомнил, что сказал мне один из астрологов. Спустя несколько дней после того, как он предсказал, что октябрь для Рамеша будет трудным месяцем, он перезвонил мне и сказал, что после дальнейшего изучения графиков можно говорить о том, что есть окно с 21 по 27 сентября, когда существует возможность его ухода. Астролог увидел, что именно эти дни обещают мягкий толчок для перехода в другой мир в соответствии с натальной картой Рамеша. Хотя на многих из нас такой толчок не имел бы никакого воздействия, даже если бы мы нуждались в том, чтобы нас «подтолкнули» или «подвинули» для перехода, именно он был, пожалуй, всем, что было нужно для такого человека, как Рамеш. Как бы то ни было, он хотел уйти. Конечно же, я не сказал об этом Рамешу. Кроме того, мне казалось, что вряд ли есть какая-то разница между концом сентября и октябрём. Рамеш скончался 27 сентября.

После его ухода я начал собирать его более ранние книги. Мне захотелось прочесть те книги, что он написал гораздо раньше, чем я встретился с ним. За исключением некоторых, большую часть из них я не читал, поэтому теперь читал их с наслаждением. В каком-то смысле я был даже рад, что не читал этих книг раньше, потому что теперь, после того как я провел десять лет в личном контакте с ним, я мог оценить их по-настоящему. Однажды вечером, перед тем как выключить свет, я лежал в постели и читал его книгу «*Дуэт Одного. Диалог из Аштавакра Гиты*»^[50] (1989). Меня буквально подбросило и я сел, резко выпрямившись, когда прочитал следующий абзац:

«У Фридриха Ницше в его книге „Так говорил Заратустра“ Заратустра дает ученикам свое главное наставление: „все, что нужно было сказать, было сказано; все, что следовало понять, было понято. А теперь забудьте все, что было сказано. Забудьте все, что я сказал, за исключением одного последнего напутствия: остерегайтесь Заратустры!“»

Цитируя этот абзац, Рамеш указывал на то, что учение не должно стать просто интеллектуальным пониманием, оно должно пройти испытания в огне личного опыта. Он пытался донести до нас ту идею, что всегда есть определенный предел для того, что может быть понято интеллектуально через восприятие слов учителя. Именно это имел в

виду Заратустра, когда говорил: «Остерегайтесь (beware) Заратустры». Человек должен не столько умом понимать учение, сколько *проживать* учение. Что значит: «Осознайте (be Aware) Заратустру».

Когда я писал это эссе, мой друг Габриэль прислал мне фрагмент одной из бесед Рамеша, который ему нравился. В отрывке затрагивалась тема смерти, и текст от Габриэля был получен в самое подходящее время. В нем говорится следующее:

«Вы должны быть там [присутствовать в момент смерти], чтобы рассмотреть страх смерти и ваше приближающееся отсутствие во всем этом! Парадоксально, что, прежде всего, вы должны присутствовать, быть, чтобы начать испытывать ужас от вашего отсутствия! Фактически, мысль о вашем отсутствии здесь, в этом мире, – это просто мысль, которая приходит именно потому, что вы всегда есть, вы всегда здесь! Поэтому смерть – это идея отсутствия при вашем присутствии!»

Во время одного из последних сатсангов Рамеш использовал термин «*Vishal Hridaya*».

Что такое *Vishal Hridaya*? Буквально это переводится как «Большое Сердце». Что в действительности означает «Одно Сердце». Если поместить это в контекст его учения, это превращается в изречение: «Все существующее – это Сознание».

Сознание действует через каждого из нас. Мы – это инструменты, посредством которых Сознание функционирует – одно и то же, единое для всех. Никто в действительности не «делает» ничего, все события происходят, как и должны происходить в соответствии с Волей Бога... Источника... Сознания. Нет «другого», кого можно было бы обвинять, осуждать или ненавидеть. Когда нет «другого», чтобы его можно было ненавидеть, по существу, «другого» вообще нет. Когда нет никакого «другого», нет и «меня», отдельного от «другого»; когда нет «меня» и «другого», тогда все является тем, что существует, и все существует в точности так, как оно и должно существовать в этот момент. Это безличная любовь, то есть отсутствие разделения. Безличная, потому что нет «другого», отдельного от «меня» для личностной любви. Проживание (а не обдумывание) этого понимания и есть *Vishal Hridaya*

– полное принятие всего, «что есть». Принятие людей такими, какие они есть (в том числе и самого себя), принятие ситуаций в точности такими, какие они есть, и даже смерти – конца существования «меня» как отдельной сущности.

Может ли быть любовь больше той любви, когда принимаешь все, что жизнь приносит в каждый следующий момент? Может ли быть любовь больше той любви, когда принимаешь людей именно такими, какие они есть? Может ли быть любовь больше такой любви, когда нет ненависти ни к кому? Рамеш обычно говорил: «Я не говорю вам, чтобы вы любили всех. Я говорю вот что: просто не испытывайте ненависти ни к кому».

Больше нет Рамеша.

Больше нет воскресной церкви.

Это конец двойственности для него.

Река слилась с океаном.

То, что было реальностью в течение десяти лет, теперь отправлено в хранилище моей памяти. И всякий раз, когда возникает воспоминание о Рамеше, оно несет с собой улыбку и слезы одновременно. «Откуда они приходят?» – хотелось бы мне знать. Откуда же еще, как не оттуда, где Рамеш всегда был и всегда будет: из Сердца. Не из насоса в левой стороне груди, но из Сердца сердец – *Vishal Hriday*, из Сознания.

Сознание и феникс

Феникс – это мифическая птица, которая, как считается, живет пятьсот лет. Когда ее долгая жизнь подходит к концу, она строит гнездо, садится в него и затем вспыхивает огнем и сгорает, совершая то, что выглядит как самосожжение. И птица феникс, и ее гнездо обращаются в пепел. Из этого пепла рождается птенец феникс, рождается, чтобы снова прожить еще одну долгую жизнь. Феникс собирает пепел, оставшийся от гнезда и от прежней самой себя, и летит с ним в египетский город Гелиополь – Город Солнца, где оставляет этот пепел в храме Солнца. Феникс считается эманацией солнечного света. Это символ бессмертия через воскресение. Конец – это начало.

Это был обычный день, среда. Я пришел с работы домой около семи. Мама пришла чуть позже и положила на стол в спальне пакет, наполненный ароматическими палочками. Она сказала, что это подарок на мой день рождения от Алана, которого она встретила на медитации, где только что побывала.

Через некоторое время я позвонил в отель «Оберой», где остановился Алан, чтобы поблагодарить его. Как ни странно, я не мог дозвониться, в трубке были длинные гудки.

Я ничего не знал, но в это время Алан, в которого стреляли, уже лежал мертвым на полу в отеле.

Сознание выбирает место действия.

В 2008 году мастер Чарльз Кэннон во второй раз приехал в Индию, чтобы познакомить желающих со своей техникой медитации. В молодости Чарльз двенадцать лет прожил в Индии. Он провел эти годы со свами Муктанандой, мастером сиддха-йоги, который был учеником известного индийский мудреца Бхагавана Нитьяланды из Ганешпури.

В первый раз для того, чтобы представить свою технику медитации, мастер Чарльз приехал в Индию в феврале этого же года. Мои сотрудники из издательства помогли организовать это мероприятие. Оно имело успех – более двухсот человек приняли участие в программе. Это стимулировало мастера Чарльза^[51] и группу из Фонда синхронности в современной духовности повторить эту программу. Прежде чем мы узнали об этом, очередное мероприятие было запланировано на ноябрь 2008 года. Мы считали и говорили, что неплохо было бы перенести мероприятие и провести его, например, в следующем году, учитывая, что первая программа прошла в начале нынешнего года. Но слишком силен был импульс порыва, так что проведение второго мероприятия было запланировано на ноябрь, тем более что у мастера Чарльза были намечены и другие дела в Мумбаи в это же время.

На этот раз он приезжал с группой, насчитывающей более двадцати медитаторов, практиковавших программу синхронности. Они съезжались в Мумбаи из разных уголков мира. Нас попросили помочь выбрать для группы отель. Для их проживания в Мумбаи мы решили выбрать «Президент-отель», так как отель предложил хороший тариф и находился близко к тому месту, где должна была проходить программа. Однако практически в последнюю минуту нам позвонил представитель отеля «Оберой», с которым мы также вели переговоры, так как этот отель нам нравился больше всего. «Оберой» предложил нам устраивающий нас тариф, поскольку руководство отеля очень хотело видеть мастера Чарльза и его группу гостями своего отеля. Никаких проблем это не предвещало; «Оберой» также находился неподалеку от места проведения программы, из номеров открывался великолепный вид на Аравийское море.

Милосердное сознание исполняет желание

Алан, вице-президент фонда, побывал в Мумбаи по собственной инициативе чуть раньше, в июне. Он приезжал для того, чтобы спланировать программу предстоявшего в ноябре мероприятия. Поскольку он находился здесь в течение недели, у нас была возможность приятно провести с ним какое-то время. Он медитировал более двадцати пяти лет. До встречи с мастером Чарльзом он являлся последователем Махариши Махеш Йоги и был прочно укоренен в духовной жизни. Кроме того, он был практикующим ведическим астрологом. Источник духовной мудрости и замечательный рассказчик, во время наших общих трапез Алан регулярно потчевал нас анекдотами.

Алан всем сердцем любил Индию. Он любил прогуливаться по улицам Мумбаи, наслаждаясь достопримечательностями и звуками, иногда баловал себя *raan* (листьями бетеля), что продавались на улице, или *kulfi* (индийским мороженым).

Однажды он как бы невзначай сказал: «О, я хотел бы умереть в Индии».

Его желание было исполнено спустя несколько месяцев. Мне это напоминает поговорку: «Будьте осторожны, когда что-то просите, потому что вы можете это получить!» Проблема тут в том, что не мы решаем, как мы это получим.

Наоми, тринадцатилетняя дочь Алана, впервые оказалась в Индии. Она сопровождала своего папу и прекрасно проводила время с приехавшими медитаторами, которые души в ней не чаяли, покупали ей подарки и называли ее своим маленьким ангелом. Она всегда хотела, чтобы ей прокололи нос, и вот теперь в Индии ее желание исполнилось. Моя мама подарила ей серебряные *payals* – набор браслетов. Сначала она хотела дать их Наоми в качестве прощального подарка в конце поездки, но по какой-то причине она решила не ждать, а отдать их прямо сейчас. Наоми с проколотым носом, браслетами и в индийской традиционной курте^[52] наслаждалась своим новым образом.

На медитации, прежде чем отправиться обратно в отель, Наоми спросила маму: «Я духовная?» Нам казалось это очевидным: ей было всего тринадцать лет, и она была рождена родителями, жившими в духовной общине. Но невинное сознание ребенка побудило ее задать такой вопрос. Это напоминает мне моего учителя Рамеша, который

часто говорил: «Истинное смирение не осознается тем человеком, который им обладает».

Видимо, этот вопрос занимал какое-то время сознание ребенка. Возможно, что она хотела получить ответ от людей «со стороны», а не от тех, кто ее окружал. Вот почему она спросила об этом мою маму. Та ответила: «Да, и ты проживаешь жизнь человека».

Наоми получила свой ответ. Наряду с этим она также хотела, чтобы ее желание проколоть нос для пирсинга было исполнено.

Событие уже случилось

Наоми, маленький ангел, была весьма необычным ребенком. Она была благословлена даром видений – она видела ангелов, у нее также были видения мастеров в других мирах. Она обычно описывала свое видение, и когда ей показывали изображение святого или духовного учителя, она узнавала их. Например, она описала свое видение, а когда ей показали образ святого Франциска Ассизского, подтвердила, что видела именно его. Сначала она думала, что это могут все. Только позже девочка поняла, что лишь немногие могли видеть то, что видела она.

Пока Наоми была в Индии, за ней хорошо присматривали члены группы синхронности, но по-настоящему чудесно было видеть ту любовь, которую дарил ей ее отец. Редко можно видеть такие явные проявления любви и привязанности между отцом и дочерью.

За две недели до своей поездки в Индию Наоми проснулась от кошмара, который ей приснился. Она пошла к маме и все ей рассказала. Сказала, что ей приснился сон, в котором она обедает в ресторане с ее отцом, и тут приходят вооруженные люди и убивают их обоих.

Может ли существовать более очевидное доказательство, подтверждающее тот факт, что событие уже произошло, хотя и случится это в будущем?

Возвращение свами

На те несколько дней, которые отделяли вступительную беседу от основной программы мастера Чарльза, были запланированы небольшие сатсанги. Они должны были проводиться каждый вечер. Предполагалось, что члены группы синхронности будут присутствовать на этих сатсангах, куда могли прийти и жители Мумбаи, которым это было интересно. Сатсанги включали небольшие медитации, прослушивание медитативной музыки и различные песнопения.

В тот вечер, когда произошла атака террористов, некоторые из студентов моей матери из ее группы кундалини-медитации также приняли участие в сатсанге. Одна из девушек обладала особым, свойственным только ей даром и имела опыты, которые можно было бы назвать паранормальными явлениями. После сеанса медитации она пришла домой и позвонила моей матери, чтобы сообщить ей о том, что во время медитации она видела гуру мастера Чарльза – свами Муктананду (1908–1982), стоявшего позади него. Она спросила его телепатически: «Что вы здесь делаете?» Он ответил ей на маратхи: «Я пришел из-за него» (указывая на мастера Чарльза). Девушка не имела понятия, что это могло означать и что он имел в виду.

Ответ был предоставлен через час.

Сознание принимает решения

Именно в этот день после вечерней медитации мастера Чарльза отвезли обратно в отель, и он поднялся в свой номер. Остальные члены группы решили возвращаться пешком. Как правило, чтобы вернуться в отель, они брали такси, но в тот вечер им захотелось пройтись. Обычно они обедали в отеле, но на этот раз некоторым из них захотелось поехать в ближайшем ресторане. Однако этот план выполнить не удалось, и они направились в ресторан Тиффин отеля «Оберой».

Они оказались в ресторане позже, чем обычно, и поэтому все еще сидели там, когда появились террористы. Если бы не было этих изменений в их планах, то они бы уже закончили трапезу и поднялись в свои комнаты, как и другие члены группы.

Кто решил, что они пойдут обратно к отелю пешком? Кто решил, что они припозднятся, потому что они шли обратно пешком? Кто решил, что они поедят в ресторане Тиффин, а не в каком-то другом ресторане? Кто решил, что они (и это первое и основное) остановятся в отеле «Оберой»? Кто решил, когда они посетят Мумбаи? Были ли эти решения решениями, принимаемыми индивидуумами, или это была сила, которая сплела разные события в одно полотно, чтобы они оказались в Мумбаи именно в эти дни этого года, именно в этом отеле, именно в это время, в этом конкретном ресторане?

Они немного огорчились, потому что занимаемый ими обычно стол, находившийся у входа в зал ресторана, оказался занятым – ведь они пришли поздно. Им пришлось довольствоваться столом в конце зала. Если бы они сидели на своем обычном месте, по всей вероятности, никого из них не осталось бы в живых.

Дым иллюзии

Итак, когда я пришел домой с работы в тот вечер, я был приятно удивлен, обнаружив в своей комнате пакет, наполненный ароматическими палочками. Два дня назад я отпраздновал свой день рождения, и это был подарок от Алана. Я решил позвонить в отель и поблагодарить его. Как ни странно, никто не брал трубку, хоть линия и не была занята. Телевизор в комнате работал, но с приглушенным звуком. Я продолжал дозваниваться, но никто не отвечал на звонок. И тут я увидел по телевизору новости, где сообщали, что произошло нападение вооруженных группировок и что стрельба идет у стен «Оберой» и «Тадж». Я не увидел связи между этой информацией и тем, что в трубке продолжали звучать длинные гудки. Чуть позже в новостях было объявлено, что это был теракт.

Почти всю ночь мы не спали – следили по ТВ за всеми поступавшими новостями. Это была невероятная ночь. Настоящее реалити-шоу. Все было в режиме реального времени: шло в прямом эфире. В средние века мог пройти целый месяц, чтобы новости такого рода дошли до людей. Если бы во Франции атаковали замок,

понадобились бы недели, чтобы эта новость достигла Англии. Сейчас, благодаря современным технологиям, все происходило вживую в наших спальнях. Вот почему все, что происходит в мире, воспринимается нами сегодня намного острее: мы ощущаем себя частью происходящего, хотя мы наблюдаем за всем на расстоянии. Когда люди говорят: «О, смотрите, к чему идет мир... все эти войны, терроризм...», возникает вопрос: а стал ли мир хуже, чем он был на протяжении столетий? Как насчет крестовых походов? Мировых войн? Людей сжигали на кострах, с них заживо сдирали кожу, привязывали за конечности к четырем лошадям, которые уносились в разные стороны, бомбили города. И насколько все стало хуже на самом деле? Единственная разница заключается в том, что теперь мы наблюдаем события, видим, как они происходят в реальном времени. Представьте, как жутко было бы видеть на телеэкране людей, заживо сжигаемых на костре, в то время как вы лежите в постели и хрустите картофельными чипсами!

Отель «Оберой» находится в пяти минутах ходьбы от моего дома. Я мог слышать звук от взрыва гранат, которые бросали в холле отеля, и в то же время слышать журналиста новостного канала, ведущего репортаж с места действия и сообщаящего, что там рвутся гранаты. За несколько секунд до сообщения по ТВ о взрыве я мог слышать живой звук этого же взрыва. «Это все реально или нет?» – спрашивал я себя.

Наконец нам удалось связаться с мастером Чарльзом по его мобильному телефону и держать его в курсе всех последних новостей, за которыми мы следили в течение всей ночи. В отеле не работали телевизоры, телефонная связь тоже не функционировала. Все было отключено. Поэтому постояльцы не имели ни малейшего понятия о происходящем. Остальные члены группы синхронности прятались в своих номерах за забаррикадированными дверями. Одна женщина услышала, как в замочную скважину ее одноместного номера кто-то вставлял ключ. «Клик-клик! Клик-клик!» – двигался ключ в скважине, но потом человек прошел дальше. Можете себе представить, что происходило в ее голове: «Чья рука манипулирует ключом? Это друг или враг?» Она решила не рисковать и не ответила. Если бы она не промолчала, то, возможно, ее бы уже не было в живых, и она уже никогда бы не смогла рассказать нам о том, что там происходило.

Они не знали, что принесет следующий момент – шквал автоматных очередей, взрывы бомб, стук в дверь, дым, просачивающийся через зазор под дверью... Что произойдет дальше? Есть поговорка: «Если вы думаете, что хуже, чем есть, стать уже не может, так это, наверное, только потому, что у вас слабое воображение». Дым начал заполнять номера, стало трудно дышать. Некоторые члены группы синхронности разбивали оконные стекла медными светильниками из своих номеров, другие использовали для того же гладильные доски. Кондиционер не работал, электричество отключилось, почти не было воды. Неважно, как высоко вы цените «позитивное мышление», вы не могли бы обвинять их в том, что им казалось, что все будет еще хуже.

Мы следили за новостями и увидели на экране телевизора, как камера крупным планом показывает окно номера на верхнем этаже, где террористам удалось разбить стекло. К нашему удивлению, мы разглядели в номере мастера Чарльза вместе с двумя членами группы. Чтобы привлечь внимание, они стали размахивать белой простыней в надежде, что им помогут выбраться. Но вы можете представить себе наш шок, когда мы слышали, как чрезмерно восторженный репортер лепечет возбужденным голосом: «Похоже, что террористы сдались, они машут белой простыней!» Какие еще доказательства нужны, чтобы понять: все и всегда – это вопрос интерпретации!

Вот вам и комфорт номера люкс в пятизвездочном отеле с видом на спокойную гладь Аравийского моря! Вот вам и зоны комфорта нашей жизни, где вы чувствуете себя спокойно и уверенно! Довольно часто происходят события, которые выводят вас из зоны комфорта. В действительности это не значит, что нас вывели из зоны комфорта, это означает, что мы там, где мы есть, но изменилось положение зоны комфорта относительно нашего существования.

Позже я спросил Ларри, который оказался запертым со своей женой Берни в номере, какие мысли приходили ему в голову в то время, когда все это происходило. Вот что он написал:

«... Я был поражен страхом, глубочайшим и очень сильным. Когда пришло понимание, что я, может быть, нахожусь лицом к лицу со смертью, начался процесс отдачи себя на Волю Бога. Вначале пришло принятие реальности ситуации. Зная и понимая всю серьезность ситуации, я осознал, что единственно верным является принятие происходящего. Это произошло очень естественно. У меня не было

попыток избежать перспективы утраты (поддаваясь возбуждению ума), а было полное понимание, что происходит то, что происходит, и бесполезно пытаться избежать этого, создавая нечто иное, чем та реальность, которая существовала».

«Отдать себя на Волю Бога» – для Ларри означало подчинить себя тому, «что есть», а не воображаемому «что должно быть». Такое приятие того, «что есть», пожалуй, и является тем, что позволило ему пройти через все с определенной степенью невозмутимости, почти невероятной в такой ситуации. Это то, что дало ему возможность сказать впоследствии: «И странным образом... есть ощущение, будто мне была оказана честь тем, что я смог принять участие в таком изменяющем жизнь событии. Оно так подхлестнуло мою эволюцию, как могла подхлестнуть ее только такая трагедия».

Они были заперты в своих номерах в самом центре пятизвездочной зоны военных действий, а мы сидели в безопасном уюте нашего дома совсем рядом, в том же квартале, передавая им живые новости, транслируемые по ТВ, о событии, частью которого они были – здесь и сейчас. Может ли быть что-то более абсурдным, чем это? «Жизнь превосходит любую фантастику», – любил говорить Рамеш.

События разворачивались так, что я не смог поблагодарить Алана за подарок лично. Этому не суждено было случиться. В последующие месяцы, каждый раз, когда я зажигал ароматическую палочку перед моим алтарем, я делал это в память об Алане. Я с нежностью вспоминал о тех немногих часах, которые мы провели вместе. И еще эти палочки напоминали мне о том, что каждый свой вздох, каждый вздох любимых нами людей мы воспринимаем как само собой разумеющееся, в то время как ароматические палочки наших жизней сгорают медленно, но необратимо. Однажды, несколько месяцев спустя, я заметил, что ароматическая палочка в держателе сгорела лишь наполовину. Сразу возникли мысли: «Почему она погасла, не догорев до конца? Кто-то ее пригасил? Палочка оказалась с дефектом?» Потом пришла такая мысль: «Это включился ум, ищет причинно-следственные отношения». И тут же я вспомнил об Алане, о том, как его жизнь оборвалась.

Мы приучены думать, что палочки должны догорать до конца, но иногда у Бога есть и другие планы. Как ни странно, мне вспоминается

анекдот, который выглядит, как мрачный указатель на истину в чистом виде.

Страховой агент говорит своему потенциальному клиенту: «Давайте я не буду пугать вас для того, чтобы вы приняли решение. Переспите с моим предложением, и если утром вы все же проснетесь, дайте мне знать, что вы думаете по этому поводу».

Кто действует в критической ситуации?

Всю ночь мы смотрели телевизор, сообщая новости мастеру Чарльзу на его мобильный. Разговоры должны были быть краткими, потому что у него садился аккумулятор. Он также должен был быть на связи с другими членами группы, чтобы держать их в курсе событий. Всякий раз, когда мы разговаривали с ним, он говорил спокойно (насколько это было возможно в такой ситуации), хотя, являясь руководителем группы, он ходил по лезвию бритвы. Мастер Чарльз сказал нам, что за обеденным столом было шесть человек из группы. Какова их судьба – он не знал. Были и другие члены группы, которые тоже сидели в зале за отдельным столиком в том же ресторане, но они ушли буквально за несколько минут до того, как появились террористы.

В полпятого утра в моей комнате зазвонил телефон. Это была вице-президент Фонда синхронности, она звонила из Вирджинии, США. Звонила, чтобы спросить, есть ли какие-то новости о шести членах группы. Я ответил, что мы ничего о них не знаем. Она сказала, что ей позвонил один из членов группы, сообщив, что Алан был за тем столом и что он «упал как подкошенный» с пулей в голове. Сердце мое сжалось. У нас не было новостей о Наоми. Женщина сказала, что, по-видимому, остальные находятся в одной из ближайших больниц. Такой больницей был бомбейский госпиталь. Вся наша семья и я немедленно поехали туда. Начиная с этого момента и далее мы действовали автоматически, как роботы.

Все это было обусловлено критической ситуацией. В какой-то степени такая ситуация заставляет вас делать все в соответствии с тем, что может предложить данный момент. Нет времени думать. Информация поступает, и вы на нее реагируете. Рамеш называл это «рабочим умом» в отличие от «размышляющего ума». Рабочий ум

функционирует в данный момент, в то время как размышляющий ум функционирует «в прошлом» или в «иллюзорном будущем». Рабочий ум имеет дело с «тем, что есть»; размышляющий ум больше занят «тем, что должно быть». В условиях критической ситуации ум – рабочий ум – полностью занят настоящим. Только после того, как критическая ситуация заканчивается, начинаешь удивляться, как вообще удалось выдержать все, и начинаешь видеть все происходившее в целом. Истина в том, что не было никакого «вас» в критической ситуации, который мог бы воспринимать ситуацию в целом. В то время имела место лишь чистая реакция, соответствующая природе человека, в ней участвующего. Поэтому нет никакого «я», которое воспринимает критическую ситуацию и рассматривает ее как отдельная личность, вовлеченная в ситуацию. Маленькое «я» вступает позже и присваивает себе реакцию, говоря: я реагировал так-то и так-то. Именно тогда начинается вся эта рационализация и концептуализация: я должен был сделать так, а не этак; если бы только я смог и так далее, и так далее – до бесконечности, что ведет к ощущению вины, сожаления, осуждения и ко всему остальному, что идет вместе с ними.

Суть того, что мне хочется сказать, такова: когда бы мы не переживали кризисную ситуацию, мы вынуждены существовать в настоящем времени. Точно так же мы должны проживать и всю нашу жизнь, а не только тогда, когда случается кризисная ситуация. И еще одно: правда в том, что так все и происходит. Единственная проблема в том, что маленькое «я» присваивает себе все происходящее.

Если бы только мы могли проживать наши жизни «в данном мгновении», даже когда нет катастроф, заставляющих нас жить в каждом мгновении! По правде говоря, с любым приходящим к нам опытом жизни все так и есть. Когда есть некий опыт, нет «переживающего этот опыт». Позже вступает «я» и присваивает себе этот опыт, теперь это «мой» опыт. Таким образом, в ретроспективе опыт воспринимается в качестве «моего» опыта. Такова суть отождествления с отдельным именем и формой, с отдельным «я», которое отягощает опыт как таковой и является основным источником всех переживаний, которые «я» может иметь в течение «моей жизни».

Что касается реакции и ответного реагирования на происходящее, то, наверное, уместно напомнить тонкое различие. Реакция – это,

можно сказать, нечто более бессознательное. Это рефлекторная реакция на то, что кто-то говорит или делает. Наша реакция основана на наших сложившихся в прошлом шаблонах и обусловленности. Реакция возникает практически сразу, тем более, когда кто-то говорит нечто, что нам не нравится.

Когда отождествление с моим «я и моей историей» является не столь сильным, тогда возникает ответное реагирование. Оно кажется более взвешенным и обдуманым по сравнению с реакцией. Отсутствие рефлекторной реакции делает ответное реагирование похожим на мгновенную реакцию. Когда есть меньшее чувство индивидуальности (я и моя история), человек открыт тому, «что есть». И тогда, если кто-то говорит человеку нечто, что ему не нравится, будет возникать не реакция, а ответное реагирование, так как ситуация как таковая будет восприниматься целостно. Некоторые современные учения объясняют то, как человеку избегать реакции, но при этом уметь реагировать на ситуации. Для «я» *делать* это довольно сложно просто потому, что это то же самое «я», у которого есть реакция, но теперь ему велят «реагировать». Это означает, что «я» должно быть на страже и следить за возникновением реакции, и когда что-то происходит, оно должно следить за тем, чтобы не было реакции, но было ответное реагирование на ситуацию. Это создает своего рода путаницу, так как «я» должно *делать* еще одно дополнительное действие и вместо реакции создавать ответное реагирование. Слой делания накладывается на слой следующего делания как в многоярусном торте.

Однако, когда становится понятно, что все, что происходит, происходит именно потому, что такова Воля Бога; когда становится понятно, что все (и мы тоже) высказываются в соответствии со своими сложившимися шаблонами и обусловленностью; когда становится понятно, что одно и то же Сознание оживляет всех нас, тогда то, «что есть», принимается таким, какое оно есть (а не таким, каким оно «должно быть»), и тогда возникает естественная реакция. Когда понимание становится более глубоким, видно, что в ответ на то, что происходит, всегда возникает реагирование, а не реакция. Маленькому «я» не приходится *делать* что-либо, чтобы преобразовать реакцию в ответное реагирование. Поскольку при попытках сделать это «я» превращает реакцию в реакцию на реакцию. Поэтому мудрый всегда реагирует в ответ, сохраняя спокойствие. И это не преднамеренное

«деяние» с его стороны. Это просто то, что происходит в его естественном состоянии.

Сказав все это, нельзя проигнорировать тот факт, что некоторые люди склонны реагировать определенным образом. В ведической астрологии считается, что даже такие черты характера, как гнев, зависят от звезд и могут отражаться в гороскопе. Рамеш говорил, что в человеке, имеющем понимание, возникновение гнева менее вероятно. Однако когда гнев возникает, как это было в случае его гуру Нисаргадатта Махараджа, этот гнев непродолжителен в горизонтальном времени. Через минуту, если ему говорили что-то смешное, мудрец начинал смеяться. Он не подавлял в себе смех лишь потому, что он только что сердился на кого-то. Это происходит, потому что мудрец видит, наблюдает гнев, возникающий в организме «тело-ум», который в данном случае является его организмом. Гнев имеет место, но мудрец *не вовлекается* в гнев. Он полностью открыт тому, что возникает в следующий момент.

В конечном счете, будь это реакция или ответное реагирование, нет того, «кто» создает реакцию или ответное реагирование на ситуацию. Но потом вступает «я» и утверждает, что это оно произвело реакцию или ответное реагирование.

Во имя Бога

Первое, что мы сделали после того, как все это произошло, мы узнали, нужно ли нам посетить морг в госпитале Бомбея. К счастью, оказалось, что это не нужно. Нам показали список тех, кто был смертельно ранен, но имен Алана и Наоми в списке не было. Если бы кто-то сказал мне вчера вечером, что через несколько часов я буду ходить по госпиталю в поисках тех, кто расстрелян и, возможно, убит террористами в роскошном отеле рядом с моим домом, я бы посмеялся над столь маловероятным сценарием. Но, как мы все знаем, жизнь может преподносить сюрпризы.

Потом мы решили проверить, кто поступил в госпиталь. Первой из членов группы синхронности мы обнаружили Хелен. Она была за столом в ресторане, но ей удалось спастись почти без единой царапины. И это несмотря на то, что боевики стреляли по тем, кто

прятался под столами. Вскоре после начала стрельбы раздался голос одного из сотрудников из служебного помещения рядом с кухней, который крикнул: «Если кто-то может двигаться, давайте сюда!» И тогда те, кто еще был жив, поползли к двери служебного помещения.

Мы были очень рады ее видеть, так же как и она нас. Удивительно, как трагическое событие может сблизить вас с человеком, которого раньше вы почти не знали. Довольно часто трагедии объединяют людей. Мы становимся более любящими, более открытыми. Почему? С трагедией мы утрачиваем наше самоощущение в отношении того, что мы потеряли. Чтобы компенсировать это, мы стараемся восполнить потерю, формируя наше самоощущение из чего-то или кого-то другого.

Когда я обедал с Экхартом Толле в Пондишерри в 2002 году, я сказал ему: «Я только что потерял бабушку. Ощущаю вакуум, своего рода пустоту – пустоту снаружи (как физическое отсутствие) и пустоту внутри. Это и есть ощущение потери: что-то было, и его нет сейчас». Когда умер Джеффри, мой милый пес, который жил с нами больше семнадцати лет, у меня возникло такое же чувство. Глядя на Экхарта, я спросил: «Что будет, если человек потеряет всех или все, что любит, одновременно? Означает ли это, что этот вакуум станет всепроникающим – пустота вокруг и пустота внутри?» Он ответил: «Это и есть просветление». Он имел в виду вот что: чувство «я» больше не будет формироваться или зависеть от чего бы то ни было, особенно – от чего бы то ни было внешнего.

Но трагедии также объединяют людей по еще одной простой, но часто упускаемой из виду причине. Мы ценим «наши жизни». Не наши личные жизни (не «мою жизнь», противопоставляемую «вашей жизни»), но *наши* жизни. Если вы цените лишь собственную жизнь, то нет необходимости тянуться к другим людям. Зачем это может быть вам нужно? Какой смысл ценить собственную жизнь, если все остальное вокруг вас мертвы? Но так же, как человек, влюбляясь, утрачивает себя, растворяясь в другом, точно так же, когда мы сталкиваемся с потерей любого рода, наше ощущение «себя» уменьшается, и поэтому нам легче любить других и тянуться к ним. Когда наше ощущение отдельного «я» уменьшается, уменьшается и все то, что разделяло нас. Вот поэтому мы объединяемся перед лицом трагедии. Почему мы выходим на марши молчания и собираемся

вместе, когда умирают люди, которых мы даже не знали? Потому, что мы ценим жизнь. А жизнь – это Сознание.

Хелен сказала, что она была за тем столом и видела, как пуля попала в голову Алана. Она считала, что Наоми тоже убили. Когда Наоми увидела, что в Алана выстрелили, она вскочила, чтобы обнять отца. Алан видел, как вошли террористы, и велел всем лечь на пол под столом и притвориться мертвыми. Но по иронии судьбы пуля, которая поразила его, оказалась смертельной. Дочерний инстинкт заставил Наоми броситься к отцу, и ее тут же пристрелили. Но быстрая реакция Алана помогла спасти жизни четырем другим людям, сидевшим за тем столом.

Я сказал Хелен, что то, что ей удалось спастись практически без единой царапины, кажется совершенно невероятным. По ее словам, это произошло благодаря тому, что она сразу же начала повторять: «*Om Prabhu Shanti*» (защитная мантра, которая буквально переводится как «Мира прошу, о Господи!»). Сначала я восхищался ее присутствием духа. Потом я подумал, что, пожалуй, именно «отключение ума» подняло эту мантру прямо из сердца. Да и было ли у нее время для размышлений? Но вот ирония ситуации: в одно и то же время кто-то убивал во имя Бога, а кто-то повторял имя Бога для защиты. Какая драма была разыграна Сознанием! Сознанием, без которого ничто из того, что произошло в этом сне жизни, не могло бы случиться. Сознание было действующим фактором и в том, кто стрелял, и в том, кто просил защиты. Если бы и тот, и другой не обладали сознанием, они не смогли бы призывать Бога.

С какой стороны двери вы оказались?

Четверо оставшихся в живых членов группы, сидевших за тем столом, были доставлены в госпиталь Бомбея. Их не застрелили, и они были вне опасности. Но другие застряли в отеле, так как эта драма разворачивалась почти два полных дня. Мы знали, что большая часть людей из группы оставалась в своих номерах, и они на данный момент были в безопасности, но далее могло случиться все что угодно. Стало известно, что террористы уже даже начали ходить от двери к двери, чтобы взять заложников или убить еще больше людей. Во время суда по теракту «26/11» давал показания начальник охраны отеля, помогавший Службе национальной безопасности в этой операции. Он сказал, что они начали открывать отмычкой двери номеров на восемнадцатом этаже. Они не знали, какой номер уже занят террористами, так что проверка номеров была непростой задачей, а они должны были проверить каждый номер, этаж за этажом. Когда они открыли дверь комнаты 1856, террористы встретили их огнем. Коммандос спрятались в укрытие. Один из террористов прокричал им: «*Himmat hai* чтобы бахар аао, *chhup chhup* ке Кен маар *rahe ho?*» («Есть у вас мужество, чтобы выйти из укрытия и сражаться?»). На это офицер СНБ ответил: «Гудение „бахар“ *hi hai*, тум *andar-хо-хо!*» («Это мы снаружи, а вы в укрытии, вы внутри за закрытыми дверями»)

[\[53\]](#).

Жизнь – это всегда вопрос точки зрения, не так ли? С какой стороны двери жизни вы стоите? Вы смотрите на открывающуюся или на закрывающуюся дверь? Кто на другой стороне – друг или враг? Никто

этого не знает, поскольку иногда и друзья становятся врагами. Но одно можно сказать точно: это Сознание действует через тех, кого мы считаем друзьями, и через тех, кого мы считаем врагами.

Для некоторых драма заканчивается... но она начинается для других.

Между тем мы видели по телевизору, как отчаянно террористы пытались взорвать купол отеля «Тадж-Махал», который также был атакован. Это просто чудо, как купол выдержал все бомбардировки. Со всех сторон купола вырывались огонь и дым, и можно было подумать, что он рухнет в любой момент. Вид разрушенного купола был бы наглядным символом их победы, но в этом им было отказано. Купол просто не должен был разрушиться, несмотря на все их усилия, несмотря на мощную взрывчатку, заложенную, чтобы взорвать его. Некоторые вещи просто не происходят. Им не суждено случиться, и неважно, какие усилия мы, люди, прилагаем для их осуществления.

В течение тех двух дней мы по очереди ходили вокруг отеля «Оберой». Конечно, отель был оцеплен, но все-таки можно было подойти к зданию довольно близко. Мы пытались узнать, есть ли какие-то новости.

Я встретил там многих из своих друзей: по колледжу, по фитнес-клубу, школьных друзей. Какие разные люди спонтанно собрались в одном месте! У многих близкие люди оказались среди тех, кто обедал в ресторане отеля. Они надеялись, что все будет в порядке. Именно тогда я понял, что, видимо, мало кто из них знал в то время фактический масштаб произошедшей внутри бойни. Мы знали, потому что из шести человек, сидевших за столом в ресторане, четверо спаслись, и эти четверо видели, что там творилось. Кроме того, мы постоянно были на связи с теми, кто был заперт в номерах. Я молча молился за них, но знал, что серьезность ситуации не оставляет больших надежд.

Наконец нам позвонил мастер Чарльз. Он сказал, что, по-видимому, опасность миновала, и солдаты шли от номера к номеру, стучались в двери и выводили тех, кто прятался внутри. Был заказан автобус, чтобы отвезти группу в другой отель в центре Мумбаи.

Нам показали место, где мы должны были стоять, чтобы встретить группу, которая вышла к автобусу. Спустя минуту я понял, что нам придется отстаивать свои позиции. Повсюду были представители

СМИ, они толпились, отталкивая друг друга в погоне за «эффектными репликами». В этой толкучке меня теснили, и я, сопротивляясь толчкам, переместился и оказался в другом месте. Теперь я стоял рядом со спецназом. И тут я почувствовал, как чья-то рука ногтями царапает мне лицо. Леди из СМИ очень разозлилась, так как ей не удалось вытолкнуть меня из «выгодного месторасположения». Моя сестра Шибани сказала, что у меня на щеке царапина, и она начинает кровоточить. В образовавшемся небольшом пространстве я смог двинуть локтем и вытащить носовой платок, чтобы промокнуть царапину. В следующий миг около меня возник десантник, он взял мой платок и начал осторожно вытирать мою мизерную «боевую» рану. Это было и мило, и комично одновременно.

Из-за того что повсюду были толпы людей и журналистов, мне и моей сестре разрешили зайти в автобус и ждать группу там. Мы сидели внутри и ждали. Они подошли и очень быстро забрались в автобус. Когда вошел мастер Чарльз, мы обнялись. Без слов. Всю дорогу я сидел с ним рядом и держал его за руку. Он сказал, что в его жизни не было ничего тяжелее, чем опознание тел Алана и Наоми, которое он провел до того, как их вывели из отеля. Это была зона военных действий; все вокруг было разгромлено и сожжено. Ресторан превратился в кровавое месиво.

Но теперь их мытарства наконец-то закончились.

Для остальных, ожидавших снаружи и видевших, что их близкие не выходят, началось еще одно испытание.

То, что происходит, или хеппенинг

Кинотеатр расположен прямо через дорогу от отеля «Оберой». Несколько месяцев спустя после инцидента я пошел посмотреть фильм под названием *«Это просто произошло»*. Когда я проходил мимо отеля, то подумал: *«Какая ирония! Рамеш обычно говорил, что все происходящее – это хеппенинг. На другой стороне улице 26 сентября 2008 случилось в высшей степени трагическое происшествие. И сейчас мы собираемся смотреть голливудский фильм под названием „Это просто произошло“»*. Тем не менее и то и другое является событием. Все просто происходит, а после мы

реагируем на происходящее. Событие следует за событием. Не является ли жизнь просто чередой событий? Некоторые события приносят удовольствия, а некоторые – боль. Я помню, как на одной из бесед Рамеша посетитель спросил его: «Но что такое хеппенинг?» Я не мог поверить своим ушам. Он просто не мог понять, что имел в виду Рамеш, когда говорил: «Все, что есть, – это хеппенинг». Человек спросил снова: «Что такое хеппенинг?» Рамеш с полной серьезностью ответил: «Хеппенинг – это то, что происходит, что случается». Я подумал, что ответ был лучшим из возможных. Вопрос был курьезным, а ответ был еще смешнее. И только позже я вдруг понял: видимо, спрашивавший был настолько отождествлен со своей реакцией на события, что он не мог вникнуть, что то, что на самом деле случается – это «хеппенинг», то есть то, на что «он» (его «я») потом реагирует. Можно ли было ему ответить по-другому?

Наше сознание реагирует на такие события, которые дают нам максимум удовольствия или максимум боли. Эти события проникают глубоко и остаются внутри. Хеппенинг может быть каким-то событием или просто сказанным кем-то словом, или даже мыслью. Простой хеппенинг, например, такой как посидеть с кем-то за чашечкой чая, не оказывает сильного влияния. Максимум удовольствия заставляет эго «чувствовать себя хорошо», а максимальная боль причиняет страдание и заставляет эго «чувствовать себя плохо». Память об этом заносится в наше сознание, и тогда эго жаждет того, что давало ему возможность чувствовать себя хорошо, и делает все возможное, чтобы избежать того, что заставляло его чувствовать себя плохо. Таким образом, существует закрепленная заинтересованность в происходящем – эго становится все более и более вовлеченным и, следовательно, оно запутывается в опутавшей его паутине, эго желает, чтобы какие-то вещи происходили, а какие-то – нет.

Между тем мудрец смотрит на происходящее как свидетель, он наблюдает то, что *происходит* как *хеппенинг*, а затем возникает *ответное реагирование*. Он не участвует в реагировании, или, говоря более точно, вовлечение в ответное реагирование не возникает. Ответное реагирование наблюдается так же, как наблюдалось само происшествие – без оценки. Мудрец будет смаковать каждый глоток из своей чашки чая, потому что он, потягивая чай, находится в «настоящем» моменте. Он не набрасывает ремни безопасности на свои

мысли, он не устраивает «русские горки» безудержного думания, несущегося у него в уме, когда само питье чая становится вторичным механическим процессом и мирской рутиной, в то время как его ум занимается серфингом по волнам более важных дел где-то еще.

Мысли, которые возникают, когда вы читаете этот текст, это то, что происходит. Когда мысли ведут к мышлению, продолжающемуся во времени, то это то, что является вовлечением в мысли нашего эго. Вполне естественно, что мы говорим кому-то: «О чем вы думали?» Мы не говорим: «Какой была ваша мысль?» На протяжении всей нашей жизни мысли появляются и следуют одна за другой. Мысли возникают, они как волны появляются и сходят на нет, а затем новые мысли обретают форму. Как птица феникс, они рождаются, сгорают дотла, когда приходит время, и вновь рождаются. Но во что превратилось бы наше привычное мышление, если бы оно было сожжено в пламени Осознания? Ответ очевиден: в то, что происходит, в хеппенинг!

Террористические атаки принесли общее горе гражданам Мумбаи. Парадигма представлений о действительности сдвинулась. Никто раньше не мог себе представить, что террористы из другой страны устроят в городе безумие со стрельбой и что эта трагедия будет длиться целых два дня. Теперь это стало реальностью. Происшествие оставило неизгладимый след в памяти граждан Мумбаи, и этот шрам останется надолго.

Что касается фильмов, то неудивительно, что каждый желает успеха «хорошим» парням. Это не значит, что те люди, которых вы считаете «плохими», не желают успеха плохим парням, в то время как вы и ваша компания добрых людей будут болеть за хороших парней. Почему? Да потому, что каждый считает себя «хорошим парнем», а «других» – плохими парнями, мучителями, теми, кто поступает несправедливо. Стоит ли тогда удивляться, что большинство фильмов имеют счастливый конец, когда хорошие ребята одерживают победу в битве против плохих. Во *«Властелине колец»* всадники Рохана являются вселенскими хорошими ребятами, они проигрывают в численности, но вступают в бой с армией чудовищных орков. Кто захочет, чтобы выиграли плохие парни? Тут происходит вот что: когда хорошие парни выигрывают, мы все выиграем. Все довольны. Особенно продюсеры фильма, когда подсчитывают прибыль!

Отель открывается снова

Почти через полтора года после теракта вновь открылся отель «Оберой». Отель пришлось ремонтировать полностью из-за произошедшего там погрома. Однажды в субботу я должен был встретиться с моим близким другом Ксавье, мы хотели вместе пообедать, и я решил, что, пожалуй, было бы даже приятно поесть в недавно открывшемся отеле. Я подумал об Алане и Наоми и почувствовал, что было бы неплохо поесть в том же ресторане, в котором состоялась их последняя трапеза, побывать там в память о них.

Мне хотелось узнать, какие возникнут эмоции, когда я туда войду. *Буду ли я испытывать грусть и печаль? Буду ли волноваться, зная, как много людей погибло в этом месте? Каким будет мое настроение?* Когда мы вошли, я был приятно удивлен, увидев, что пол в фойе, который прежде был черным как смоль, теперь стал абсолютно белым. Это была чистая белизна, без единого пятнышка, и она полностью изменила атмосферу отеля. А посреди огромного холла стоял кроваво-красный рояль. Я подумал, что такое визуальное воздействие является очень символичным: музыка жизни как песчинка в безбрежном океане Сознания. Мне припомнились слова Роберта Фроста^[54]: «В двух словах я могу суммировать все, что узнал о жизни: она продолжается». Конечно, он не имел в виду собственную жизнь, что должна прийти к концу рано или поздно. Он имел в виду Единую Жизнь, а эта жизнь – это Сознание.

Мы вошли в отремонтированный ресторан и сели за столик. Мы замолчали, перестали разговаривать с самого начала нашей встречи. Я мог наблюдать, как ум спрашивает: *Откуда шли террористы? Можно ли было их заметить из окна, у которого мы сейчас сидим? Где именно сидели Алан и его группа?* Я чувствовал, как у меня наворачиваются слезы, когда появилась мысль о Наоми, бросившейся к отцу. Поток моих мыслей был прерван, когда подошел официант с меню. Мы сделали свои заказы. Я осмотрелся. Все выглядело обычно, все шло своим чередом. Если бы вся память о произошедшем была стерта, никто бы и понятия не имел о том, что произошло здесь не так

давно. «Это просто произошло», стало достоянием истории. Здесь и сейчас оно существовало только как память.

Нам принесли напитки. Мы подняли тост в память об Алане и Наоми. Думая о них, я ощутил душевный подъем. И улыбнулся. Мысли – забавная штука: одна мысль вызывает слезы, другая – улыбку. Рядом с нами была пара с двумя маленькими детьми. Дети, как и все дети, шумели и галдели, а родители были озабочены тем, как их успокоить. И в самом деле, «жизнь продолжается». Происходят события, формы исчезают, появляются новые формы, но Единая Жизнь, то есть Сознание, продолжается. Феникс (Phoenix) – символ бессмертия, воскресения, символ конца, который становится началом, восстает из пепла снова и снова, как это было в тот день в ресторане «Феникс» («Fenix»).

Новое название ресторана не могло быть более подходящим. Если бы оно писалось как Phoenix – это, может быть, было бы слишком очевидным напоминанием о случившемся. Но и при разнице в написании это было как бы молчаливой данью утраченным жизням.

В целом мы неплохо пообедали в ресторане «Феникс». Когда мы вышли из ресторана и шли через холл мимо красного фортепиано к лифтам, мы могли через большие окна увидеть вдали Аравийское море. Яркий свет послеобеденного солнца проникал внутрь и отражался в ослепительно белом полу. Недавно я прочитал статью о том, как ученые изобрели солнечную клетку, которая сама себя разрушает и потом отлично себя восстанавливает. Их вдохновило царство растений. Одна из проблем со сбором и с заготовкой солнечного света состоит в том, что солнечные лучи губительны для многих материалов и они разрушают системы, разработанные для того, чтобы их собирать. Но растения имеют свою стратегию для предотвращения этого: они постоянно разрушают свои молекулы, собирающие свет, и снова создают их с нуля, так что структуры, захватывающие солнечную энергию, в сущности, всегда являются новыми. Между тем реальной причиной того, что я прочитал статью, был ее заголовок, который бросился в глаза, когда я открыл страницу. Жирным шрифтом было написано: «Могущество Феникса»^[55]. Неудивительно, что легендарный феникс делает то, что он делает. Собирая солнечный свет и являясь самой эманацией солнечного света, феникс сам себя разрушает и создает заново, оставляя пепел от себя

прежнего в городе Солнца. Теперь феникс получил второе рождение, чтобы увидеть рассвет нового дня. «Уходит старое и уступает место новому», – как писал Теннисон в своей поэме «Гибель Артура», которая является пересказом знаменитой эпопеи «*Le Morte d'Arthur*» («Смерть Артура») Томаса Мэлори.

Мы ждали лифт. Загорелась кнопка с красной стрелкой движения вниз. Мы вошли, двери закрылись. Лифт опустился в нижний холл, расположенный этажом ниже. И вот двери открылись... для следующего хеппенинга.

Не может быть и речи о прощении

События, подобные этой трагедии, почти всегда выносят на первый план проблему прощения. Можно ли простить террористов за столь гнусное деяние? Конечно нет. Но причина этого совсем не та, о которой вы могли бы подумать.

Мир, в котором мы живем, – это мир двойственности, где каждая вещь, каждое явление имеет свою противоположность – хорошее и плохое, мужское и женское, красивое и уродливое и так далее. Двойственность – это основа повседневной жизни. Проблема на самом деле не в двойственности, но в дуализме. В повседневной жизни мы живем как «я», отдельное от «других». Мы относимся к «другим» как к объектам, считая себя субъектом. При этом мы забываем о том, что мы в свою очередь являемся объектом для «другого», который выступает в качестве субъекта относительно нас. Мы узурпировали субъективность Источника, Бога и составляем суждение за суждением об объекте, исходя из того, что считаем правильным или неправильным. И «другой» делает в точности то же самое. Редко мы осознаем, что мы – это инструменты, с помощью которых функционирует один и тот же Источник – Источник, который является Высшим Субъектом. Именно это имеется в виду, это подразумевается в часто используемой в духовных учениях аналогии – волны и океана. Каждая волна считает себя отдельной от других волн, забывая, что все волны состоят из воды.

Таким образом, когда мы прощаем кого-то, мы действуем так, как если бы мы являлись Высшим Субъектом – Богом, и даем свое

прощение за то, что было совершено, независимо от того, нужно ли это прощение «другому». Рамеш не любил само слово «прощение». Он говорил: «Если происходит все то, что должно было произойти по Воле Бога, то кто прощает кого и за что?» Если мы все являемся инструментами, через которые действует одна и та же энергия (другими словами, мы все – «объекты»), тогда как один объект может простить другой объект?

Считается, что первый шаг исцеления – это простить других. Прощение других – это, конечно же, лучше, чем превращение своего «тела-ума» в питомник скорпионов ненависти, злобы и обиды, которые в конечном счете жалят нас самих. Можно сказать, что лучше простить, чем не прощать кого бы то ни было (непрощение находится на нижней ступеньке концептуальной лестницы прощения). Но в то же время, если человек порою и говорит, что прощает других за то, что они сделали, чувствует ли он это на самом деле в глубине своей души? Как глубоко проникает в него это «я прощаю»?

Что тогда считать следующим этапом прощения? Это прощение себя за то, что сделали или почувствовали вы сами. Или, как нам иногда говорят, мы должны сначала простить себя, а потом прощать других.

Может ли быть так, что в целом понимание прощения является неправильным? Может быть, единственная возможность полностью простить кого-то заключается в том, чтобы мысль о прощении не возникала вообще. И не потому, что вы не можете простить «другого», но просто потому, что кто вы такой, чтобы прощать?

Когда вы полностью осознаете, что по-настоящему никто ничего не «делает», что все мы являемся всего-навсего инструментами, через которые действует одна и та же энергия, тогда о каком прощении может идти речь? Когда есть полное принятие всего, что произошло, прощение перестает быть проблемой. Полное принятие всего, что случилось – это истинное прощение, где нет того, который прощает «другого».

Вполне возможно, что нам не нравится то, что произошло, и мы может предпринять действия, которые мы считаем необходимыми, в ответ на происшедшее, но мы не противимся тому, что случилось само по себе, просто потому, что... это уже произошло. Что касается самого события, тут мы не можем предугадать волю Творца, когда происходят трагедии подобные той, что случилась, так же как мы не можем знать,

почему Бог создает детей-инвалидов. Рамеш сказал бы: «Что плохого они сделали и кому? Единственный ответ заключается в том, что Бог создал детей-инвалидов, потому что Бог создал здоровых детей...»

Через несколько дней после терактов подруга сказала мне, что она хотела бы «убить» каждого выжившего террориста. Само собой разумеется, что это было искушение. Я хоть и являюсь человеком робким по характеру и, как правило, не вступаю в конфликты, задался вопросом, а что бы я сделал, если бы и на самом деле у меня в руке оказался бы пистолет и один из террористов оказался передо мной. После одного из сатсангов Рамеша я вошел к нему в комнату и сказал следующее: «Интересно, что бы я сделал в такой ситуации! Я знаю, что кто-то, кто потерял своего близкого, скорее всего, захочет отомстить, но мне в самом деле хочется знать, что бы сделал я, особенно, если бы мысль об убитой тринадцатилетней девочке пришла мне на ум в этот момент». Он сказал: «Так оно и есть. Вы никогда не знаете, что произойдет: что принесет следующий момент, какая мысль придет в следующий момент. И даже если вы спустите курок, что это такое? Ваш гнев в данный определенный момент. Вот и все. Если возникнет мысль о невинных погубленных жизнях, которые ушли столь ужасным образом, то выстрел может случиться. Это то, что может случиться даже с тем, кто робок от природы. Но правда заключается в том, что никто по-настоящему не знает, что он сделал бы в данной ситуации».

За несколько месяцев до своего ухода Рамеш передал мне часть сделанных им в разное время записок. Одну из них я запомнил сразу. Это была записка о прощении. Вот она: «Истинное прощение – это простить себя за желание простить другого за то, что он якобы сделал». Другими словами, истинное прощение – это полное принятие воли Бога. Тема «меня» и прощения «вас» не возникает вообще.

Это прекрасно отражено в том, что сказал Иисус. Одной из первых заповедей, произнесенных Иисусом на кресте, была заповедь о прощении: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят». Он не сказал: «Я прощаю их, ибо они не ведают, что творят». Какое смирение, какое сострадание... быть безжалостно и жестоко распятым на кресте и произнести такие слова!

Вера, Кришна и надежда

Примерно восемь утра, будний день. Я сижу на своей кровати, телевизор включен. Террорист-смертник взорвал себя в Багдаде, и вместе с ним погибли еще семнадцать человек. Постоянно новости в эти дни имеют одну и ту же окраску: кто-то еще взорвал себя в мечети в Пакистане, напали^[56] и убивают полицейских в Индии, или что-то происходит в Кашмире, бомбы взрываются в России, бум вооруженных нападений в США. Сплошной взрыв ненависти. Везде. Ужасно видеть горе, тоску, отчаяние и шок на лицах тех, кто потерял близкого человека в такой трагедии. Возникает мысль: должно быть, в наши дни существует множество людей, которые потеряли близких в теракте, и их численность растет.

Только тогда, когда любимый человек убит таким бессмысленным образом, вы сможете на самом деле понять эту боль. У некоторых при просмотре таких сюжетов возникает сопереживание, когда такие кадры мелькают на экране. Именно тогда «их» боль ощущается как «своя боль». Для других это просто «экстренный выпуск теленовостей». И действительно, возникает сочувствие. Трудно не сочувствовать людям при виде этих ужасных событий. Но сочувствие функционирует в домене дуализма, где «я» отделено от «другого». Другими словами, при сочувствии еще присутствует расстояние между «я» и «другим». Сопереживание – это когда завеса разделения между «мною» и «другим» гораздо тоньше. Это происходит, когда ощущается Единство.

Я прочитал запись беседы с человеком, который потерял своего сына во время террористической атаки. Он сказал: «Слабой была наша вера в Бога, но теперь мы утратили и эту веру». Суть нашей веры такова: мы верим, что все будет складываться наилучшим образом для меня и моих близких и для всей «истории моей жизни». Когда что-то нарушает это или не соответствует тому, о чем мы думаем, и нашим интересам, мы теряем веру в Бога. С другой стороны, наш жизненный опыт говорит нам о том, что все и всегда идет не так, как нам бы этого хотелось. Мы все сталкиваемся с проблемами и трудностями, с которыми нам совсем не хотелось бы сталкиваться. Тем не менее мы продолжаем уповать на Бога в наших надеждах и ожиданиях и

договариваться с Ним через молитвы, ритуалы и добрые дела, чтобы все «хорошее» пришло к нам. Но наши ожидания, когда они не исполняются, приводят нас к разочарованию. Может ли быть истинной та вера, которая теряет силу, потому что все идет не так в нашей жизни? Я потерял отца, когда мне было четырнадцать. Безусловно, в то время я утратил веру в Бога и поэтому очень хорошо понимаю эмоцию «утраты веры в Бога». Но в последующие годы мой жизненный опыт научил меня одной вещи: до тех пор пока вера зависит от того, что происходит с маленьким «я», это вера колеблющаяся. Когда случается что-то «хорошее», вера усиливается, когда что-то «плохое» – вера становится слабее. Где та вера, что была бы непоколебимой, основанной на прочном фундаменте, на неподвижной мощной скале?

Истинная вера в Бога – это вера, основанная на знании, на уверенности, что все, что бы ни случилось, – это Воля Бога. Вера в Бога – это полное принятие того, что Божья Воля – это то, что господствует во все времена. Сальвадор Дали сказал: «А что такое небо? Где его найти? Небо – оно ни вверху, ни внизу, ни справа, ни слева, небо находится посередине груди человека, который имеет веру».

Небо находится в сердце человека, который полностью верит в то, что все, что происходит, – это Воля Бога. Мы говорим: «Да будет воля Твоя». Тогда трагедии, подобные этой, не вырастают в цунами ненависти, осуждения и вины, которые, как правило, продолжают разъедать нас изнутри огромный отрезок времени, помимо того горя, которое возникает в момент трагедии. Мыслям типа: *«Почему я? Почему это случилось именно со мной? Что я сделал не так? Что плохого сделали те, кто умер?»* – им нет конца, но они не возникают, когда есть полное понимание того, что Божья Воля преобладает во все времена. И тогда человек оказывается полностью здесь. Он полностью присутствует в данном моменте – с горем, когда оно возникает. Присутствует в полном смысле этого слова. На самом деле, в данный момент есть только горе без этого «я», которое вовлекается в это горе и наслаивает всевозможные мысли на само горе.

На пресс-конференции мастера Чарльза спросили, есть ли у него ощущение вины за руководство злополучной поездкой, которая некоторым стоила жизни. Возможно, спрашивающий имел в виду, что мастер Чарльз, являясь духовным наставником группы, был «более информированным», чем другие. Частично его ответ был зеркальным

отражением высочайших положений учения Адвайты. Он сказал, что было бы нелепо чувствовать себя виноватым за то, что он был руководителем паломников, это так же нелепо, как оценивать действия террористов. «Наше понимание жизни заключается в том, что реальность относительна. Существуют последовательные колебания относительных полярностей, назовете вы их „положительное/отрицательное“, „любовь/страх“, „субъективное/объективное“. Посредством колебаний относительной реальности мы развиваемся, совершенствуем наше спокойствие, равновесие и целостность. Мы прошли через это, наш опыт неоспорим, но мы не можем в действительности устроить суд над тем, что случилось, и сказать, что это хорошо, а это плохо». И это слова человека, который потерял в данном инциденте свою правую руку – главного помощника и его дочь.

Конечно, это не означает «оправдания» террористов. Мы все будем реагировать именно так, как мы думаем и чувствуем. Несомненно, что некоторые граждане, потерявшие своих близких, объединились и подали в суд на правительство. Были и такие, которые подали в суд на отель из-за отсутствия безопасности, но были и другие, которые столь сильно были переполнены горем, что не захотели иметь ничего общего с этим событием. Мастер Чарльз просто дал указатель, продемонстрировал то, как его подход влияет на страдания отдельного человека и на последующее отношение к травмирующему событию.

За последний месяц я увидел в газетах две фотографии, которые не оставили меня равнодушным. На одном снимке был афганский мальчик лет пяти с пистолетом АК56 в руке, одетый в то, что выглядело как камуфляж, – его готовили к войне. Это было шокирующее зрелище. Ребенок был обречен со столь раннего возраста исполнять такую роль. Как сможет он отличать плохое от хорошего, если все его мировоззрение формируется в таком духе всеми, кто находится вокруг него в годы его становления? Но гораздо важнее следующее: что должно было произойти, чтобы породить такую ненависть, что люди считают вполне оправданным обучать маленьких детей брать в руки оружие?

Второй снимок, который я увидел, представлял совершенно противоположный сюжет. Фото появилось на следующий день после *Janmashtami* – праздника дня рождения Господа Кришны –

индуистского Бога. На фото была показана одетая в паранджу мусульманка, идущая по улице в Мумбаи, она прижимала к себе сына, который был одет как мальчик-Кришна. Его кожа была окрашена в синий цвет, он держал в руке свирель, и павлинье перо было закреплено у него на голове. В подписи к фотографии говорилось, что она несла его в школу на праздник по случаю *Janmashtami*. Я подумал: «Почему этот образ не прошел по всему миру?» Возможно, фото не было достаточно сенсационным. Я вспомнил, что Экхарт Толле сказал на беседе в Мумбаи в 2002 году. Он обратился к аудитории со словами: «Духовные собрания, подобные этому, не попадают в новости дня».

Когда я увидел фотографию мамы-мусульманки с мальчиком-Кришной на руках, возникло что-то, что можно назвать надеждой. Надежда – это то, что отличается от ожиданий. Это, пожалуй, форма ожидания, но ожидания без бремени желания. Когда духовные искатели приходили к Рамешу, он обычно говорил, чтобы они не отчаивались. Он говорил: «Если Бог завел вас так далеко, то почему вы думаете, что Он бросит вас на этом этапе? Смотрите на свой стакан, будто он наполовину наполнен, а не наполовину пуст». Это и есть надежда. В данном случае это надежда на Мир, которая, пожалуй, является наиболее реальной из всех надежд просто потому, что мир, спокойствие – это наша истинная природа. Иначе зачем бы мы за него боролись? Не будем падать духом. Как говорил Нисаргадатта Махарадж: «Сумасшествие универсально. Здравомыслие – это редкость. И все же у нас есть надежда, потому что в момент, когда мы понимаем наше безумие, мы вступаем на путь к здравомыслию».

Заключительное примечание.

В описании пережитого им 26 сентября Гаутам показывает значение недуального подхода, исходя из личного опыта.

Его размышления демонстрируют целостное понимание жизни.

Особенно ярким примером того, каким освобождающим является это понимание, становится эпизод, когда он ужинает в том же ресторане, где были убиты террористами мой муж Алан и моя дочь Наоми. Каждое новое мгновение несет возможность нового опыта, если мы открыты для него. Гаутам раскрывает

переживание настоящего момента, а не момента в прошлом, которое ушло навсегда. Быть человеком – это значит принимать все переживания и опыты на всем протяжении жизни, что в свою очередь, значит: ценить святость жизни.

Его размышления, описанные в этом эссе, вдохновили меня пойти в ресторан «Феникс» в день празднования нового, 2011 года и сесть на том же месте, где сидели Алан и Наоми во время ужина в ту роковую ночь. Что может быть лучше для чествования жизней моего мужа и дочери, чем празднование Нового года там, где они ушли из этой жизни, принимая новое мгновение, которое является полностью живым, мгновение «здесь и сейчас». Как сказал мой духовный учитель мастер Чарльз Кэннон: «Смерть следует за рождением. Жизнь вечна». И поэтому я пробила барьер несущей боль памяти прошлого, чтобы отпраздновать вечность жизни в первый день 2011, чтобы пригласить новую жизнь в мою жизнь, чтобы испытывать любовь к Алану и Наоми, что живет в моем сердце, а не их смерть в том времени, которое ушло навсегда.

*Киа Шерр,
Мумбаи, январь 2011 г.*

Нет любви сильнее

Ваша задача – не искать любовь, а просто искать и найти внутри вас самих все барьеры, которые вы построили против нее.

Джалаладдин Руми

«Любовь – это желание сделать что-то для другого без малейшего ожидания получить что-то взамен». Когда я прочитал эту фразу в рукописи Рамеша «*Высшее понимание*»^[57], я почувствовал, что не стоит включать ее в текст просто потому, что эта книга представляла то, что Рамеш называл вершиной его учения, его Адвайты. Можно было прочесть эту фразу где-то и раньше, эта фраза была трюизмом, она не вписывалась в уникальность этой книги.

И лишь годы спустя я понял всю глубину этой фразы и то, как она подходит для этой книги. Вопрос, который естественно возникает после прочтения этого высказывания, таков: как могу я сделать что-то для «другого», ничего не ожидая? Для меня естественно, в моей природе естественно переноситься мысленно в будущее и «ожидать». Как может это мое «я» отказаться от ожиданий? Это не «я» отказывается от ожиданий, скорее происходит отказ от этого моего «я». И это может произойти, когда есть полное уничтожение «я», отдельного от «другого». Когда это само себя идентифицирующее «я»,

отождествляющееся с его действиями, уничтожается, не может быть и речи об ожидании.

У меня есть подруга, которая в настоящее время разведена. Она как-то призналась, что ее брак был физически, словесно и эмоционально оскорбительным. Тем не менее она любила своего мужа до конца и, следовательно, терпела обиды. Она сказала, что у нее все же была любовь, «безусловная любовь». Я сказал, что ни в коей мере эта любовь не была безусловной, поскольку совершенно очевидно, что существовало некое условие, которое выполнялось, и это условие заставляло ее все время терпеть оскорбления. Ее это рассердило, и она сказала, что не существует любви сильнее той, которую чувствовала она, и что любовь эта была поистине безусловной, абсолютной. Как бы то ни было, я промолчал, чтобы не потерять подругу, но подумал, что было бы хорошо, если бы подобный разговор состоялся в присутствии одного человека, которого я знал с детства, который был врачом и специализировался на проблемах межличностных отношений. Мои догадки подтвердились. Врач выделил шесть вариантов возможных причин, по которым жена терпела оскорбления.

1) Это было что-то вроде компенсации: «в некотором роде я сама недостаточно хороша».

2) В этом была потребность (любое негативное повторяющееся поведение основано на потребности в нем).

3) Это была обусловленность конкретными идеями (например, ее растили, внушая, что мужчина – это Бог и не может поступать неправильно).

4) Это была форма наказания за некую вину, которую она, возможно, чувствовала.

5) Если отношения между отцом и матерью были плохими и они оскорбляли друг друга, картина могла повториться.

6) Это была химическая реакция, потому что некоторых людей привлекает боль.

Была ли тут одна причина или сочетание нескольких, нам не известно. Но было ясно, что «я» получало что-то взамен и постоянно ожидало чего-то взамен, даже если в данном случае это было страданием. Конечно, ожидание было неосознанным. Возможно, лучшим свидетельством безусловной любви был бы ее уход. Ведь

тогда бы прекратились постоянные драмы, пагубно влияющие на двух людей.

Как я могу научиться любить безусловно? Я этого не могу просто потому, что любить безусловно – это не то, что могу *сделать* я. Это не то, что мое «я», как маленькое отдельное «я», может сделать, ибо безусловная любовь предполагает исчезновение «я» как отдельной сущности. Нет «того», кто отделен от «другого» и может делать что-то.

Тут больше подходит выражение «fall in love» – «падать в любовь» или влюбиться. Нужно четко видеть, что именно мое «я» буквально «падает», исчезает в любви. Отдельное «я» исчезает, что означает, что любовь есть всегда. И все, что требуется от «я», – это исчезнуть, превратиться в ничто, чтобы могла засиять «безусловная» любовь. Именно это происходит, когда мы влюбляемся. От разделения не остается ничего; стены крепости «я» сломаны, они обрушиваются, как тонны кирпичей. Мы полностью поглощены «другим» человеком просто потому, что наше «я» уменьшилось. И лишь то имеет значение, что делает «другого» человека счастливым. Но это не продлится долго, поскольку «я» опять медленно вползает благодаря своей привычной обусловленности быть отдельной сущностью с чувством «делания».

Я вспоминаю инцидент на одном из сатсангов Рамеша. Обычно там был ряд из трех кресел, стоящих перед Рамешем, на которые посетители могли сесть и задавать вопросы, в то время как все остальные, сидевшие вокруг, слушали диалог. В тот раз, как и всегда, микрофон прикрепили на воротник рубашки посетителя, задававшего вопросы, чтобы диалог записывался. Когда вопросы у человек закончились, он передал микрофон другому участнику беседы, сидевшему рядом с ним. Но у того в данный момент не было желания спрашивать, и он вежливо отказался. Тогда первый подошел к третьему джентльмену и закрепил микрофон на его майку, а затем вернулся к своему креслу. Наблюдая это, Рамеш заметил: «У этого человека есть понимание». Рамеш указывал на то, что у этого человека не было необходимости утруждать себя, в тот момент он действовал спонтанно и закрепил микрофон на другом человеке, как если бы это была его собственная майка.

Означает ли это, что нужно подниматься и прикреплять микрофоны к воротникам людей? Конечно нет. Это означало бы, что «я» специально «делает» что-то, чтобы продемонстрировать действие

безусловной любви. Это привело бы к тому, что «я» все больше и больше погружалось бы в разделение – а это именно то, чего «я» пыталось избежать!

Рамеш почти не использовал слово «любовь» на своих сатсангах. Просто потому, что у людей существует представление о любви, как о любви личной, даже когда они претендуют на то, что она безусловна. Поэтому он заявлял: «Я не говорю, что вы должны любить друг друга. Все, что я говорю: не нужно ненавидеть друг друга. Если все, что есть, это Сознание и все есть Божья Воля, то просто нет „другого“, кого можно было бы ненавидеть». На одном сатсанге он продолжил эту мысль: «Когда нет „другого“, чтобы его ненавидеть, то на самом деле это означает, что нет никакого „другого“, отдельного от „меня“, чтоб его ненавидеть. Когда нет „другого“, то нет и „меня“. А когда нет „меня“, то всякая вещь – это все, что есть». Не зря говорят, что главная *seva* (бескорыстное служение) – не навреди другому. Махарадж говорил: «Живи своей жизнью, не принося никому вреда. Не навредить – это наиболее действенная форма йоги. Это то, что я называю *nisarga yoga*, естественная йога. Это искусство жить в мире и гармонии, в дружбе и в любви. Его плоды – счастье, беспричинное и бесконечное».

Когда нет «другого», то это истинная любовь, и она безлична. Когда я сказал об этом другу, он ответил, что слово «безличное» звучит слишком холодно. Я хорошо понимал, что он имел в виду, поскольку со словом «безличный» связана определенная обусловленность: воспринимать нечто как не связанное с человеком, как лишенное человечности. Но кем воспринимается это нечто? Кем же еще, кроме «меня»? Неудивительно, что «я» воспринимает безличную любовь как нечто холодное просто потому, что она не включает это маленькое «я», так как она является безличной. На самом деле «безличное» означает только одно: нет никакого личного «я», отдельного от «я» «другого» человека. Нет разделения. Что может быть ближе, чем что? Что может быть более личным, чем безличная любовь? Что может быть более интимным, чем отсутствие «другого», от которого ты должен быть отделен?

Мудрецы, которые проповедуют путь *bhakti* (преданной любви), призывают ищущих видеть Бога в каждом. Они хотят сказать, что та же энергия – Сознание – действует через каждого из нас. Для

некоторых людей проще объективировать эту энергию в виде «формы» (допустим, формы их гуру или личного божества) и, таким образом, видеть Бога в каждом. Сатъя Саи Баба называет это «равное видение»^[58], что является подходящим термином. «Видеть равным видением» означает, что все суждения, все ярлыки и все то, что так дорого для «я», распадается как карточный домик, потому что это не отдельное «я» видит равным видением. Равное видение – это то, «что есть», без барьера разделения, возникающего перед ним. Однако нужно понимать, что даже когда барьер разделения есть, он возникает из безличной основы бытия, которая всегда остается неизменной. Она остается тем, чем является, и до того, как возникает барьер разделения, и после того, как он разрушается. Эта безличная основа – просто осознание «Я есть», а не «Я есть Гаутам» как отдельное существо.

«Равное видение» напоминает мне забавную историю, которую Рамеш обычно рассказывал на своих сатсангах. Однажды вечером он поведал жене, как один из его клиентов пришел в банк, чтобы обсудить «личный» вопрос. Оказалось, речь шла о большой ссоре с женой. Он говорил и говорил о том, как его жена была не права, и Рамеш ответил: «Вы правы». Но на следующий день к удивлению Рамеша в банк заглянула жена того клиента. Она встретила Рамеша и стала говорить и говорить без остановки о том, как ее муж сделал то и это, как он сказал то и это, и так до бесконечности. Рамеш ответил так: «Вы правы». И тут уже жена Рамеша, Шарда, сказала ему: «Но как же ты мог сказать им обоим, что они были правы?» Рамеш взглянул на нее и сказал: «Ты права».

Взрыв любви произошел одновременно с Большим Взрывом, когда Сознание шелохнулось, появилась проявленная Вселенная, и с ней возникла двойственность: мужское и женское, хорошее и плохое, красивое и безобразное, «я» и «другой» и так далее. Но «я» увязло в дуализме, оно считает себя отдельным от «другого» и выносит суждение за суждением по поводу «другого», узурпируя субъективность Источника – Единственного Истинного Субъекта. Оно не понимает, что «я» представляет собой объект, если смотреть на него глазами «другого», и этот «другой» тоже становится объектом, если смотреть на него глазами кого-то еще. Маленькое «я» думает, что оно «падает в любовь», влюбляется. Однако, в сущности, происходит вот что: «я» само падает в океан любви, который уже существует в виде

«нас». Маленькое «я» изо всех сил старается любить и разжигает огни любви в том, что уже является основой любви (в Сознании). Сознание – первопричина существования любви. Маленькое «я» не может любить кого бы то ни было безусловно, потому что оно само создает препятствия к безусловной любви, то есть для Сознания, которое связывает всех вместе. Маленькое «я», утверждающее, что любит безусловно, похоже на поджигателя, заявляющего, что он зажег огонь, который заставил вулкан извергаться. Это то, что побудило Руми написать: «Ваша задача – не искать любовь, а просто искать и найти внутри вас самих все барьеры, которые вы построили против нее».

Помню, когда был с подругой в Лондоне, мы ходили по магазинам в районе Ковент-Гарден. Она была красивой, сияющей, и мужчины постоянно пытались завязать с ней разговор. Мы вошли в антикварную лавку возле книжного магазина Уоткинс, и почти сразу владелец, взглянув на нее, сказал: «Хеллооооо... вы откуда?» Она немедленно ответила: «Из вчера». Он немного смутился и стал придумывать ответ: что-то, что помогло бы продолжить разговор, но этого не случилось. Я был поражен ее спонтанным остроумием. И сам ее ответ на самом деле был правильным. Разве мы все не люди «из вчера», что несут с собой багаж обиды, жадности, зависти и злобы; что должно было быть, что не должно было быть и так далее, и так далее; люди, которые живут прошлым и строят планы на будущее; люди, которые делают все возможное, чтобы бежать от настоящего момента – от того, «что есть»?

Маленькое «я» отличается тем, что оно озабочено самим собой: *Как это «мне» поможет? Как это «меня» улучшит? Как это удовлетворит «мои» потребности?* Этот фокус внимания на «я» удаляет нас все дальше и дальше от другого человека. Эта одержимость самим собой является причиной одиночества. Но когда вы на самом деле видите, что нет «другого», что все мы – инструменты, с помощью которых функционирует одна и та же энергия, то одиночество просто исчезает, как исчезает ваша тень, когда вы выходите на полуденное солнце. Тогда «я» больше не испытывает одиночества, оно просто одно, потому что «другого» просто нет. Инцидент на одном из сатсангов Рамеша наглядно иллюстрирует эту мысль.

На сатсанге присутствовала леди, ей было под шестьдесят. Она сказала Рамешу, что ощущает одиночество. Муж оставил ее, дети

выросли и живут далеко, лучшие ее годы прошли, люди не останавливаются, чтобы посмотреть на нее, как это было в молодости. Она чувствовала себя ужасно одинокой и не знала, что делать. Рамеш ответил мгновенно. Он ей сказал примерно следующее: «Это очень просто – найти тех, кто одинок, идите к ним и начинайте общаться, проводите с ними время. Идите в детский дом, где живут дети без родителей, которые должны были бы любить их, и проводите с ними время. Тогда и вы не будете одиноки, и они». Почти у всех, кто был в комнате, глаза стали влажными. Естественным результатом такого действия станет прекращение одержимости своим «я», которое одиноко. Это перенос фокуса на «другого», кто, возможно, больше нуждается во внимании, в данном случае на детей-сирот. *Нет разделения. Нет одиночества.*

Для маленького «я» разрушение стен крепости его отделенности кажется титаническим усилием. Конечно, это так и есть. Это объясняется тем, что природа «я», увязшего в дуализме, это отделенность. Во-первых, маленькое «я» себя, то есть эго, не создавало. Эго создано Источником. Нет ничего, что нужно делать любому «я», так как мы все уже и являемся ТЕМ. Ничего не надо делать, чтобы обрушить стены. Может ли что-либо быть проще? Когда со всей ясностью видно, что нет «другого», к кому можно было бы испытывать ненависть? Когда ясно видно, что нет стен, которые надо обрушить, просто потому, что ничего этого нет, тогда становится понятно, что «есть иной мир, но он – „Этот“».

«Жизнь – это любовь, а любовь – это жизнь. Что делает тело единым, если не любовь? Что такое желание, если не любовь к себе? Что такое страх, если не желание защиты? И что такое знания, если не любовь к истине? Средства и формы могут быть неверными, но мотив – это всегда любовь, любовь ко мне и моя любовь. Маленьким может быть это „я“, это „мое“, или, взорвавшись, оно может объять всю Вселенную, но любовь остается».

Шри Нисаргадатта Махарадж

Благодарность

Выражаю свою сердечную благодарность:
моей матери Сантош, которая всегда первой читает мои тексты. Ее чуткие отзывы бесценны.

Мастеру Чарльзу Кэннону, с которым имел честь познакомиться и взаимодействовать.

Моим сестрам Шибани и Никки, которые всегда готовы прийти на помощь.

Шиву Шарме за редакторскую работу. Он один из тех редакторов, о которых мечтает любой издатель.

Сатишу Гупта, одному из лучших духовных художников Индии, за его рисунки в стиле дзен, которые вы видите в этой книге.

Гари Робу, прекрасному другу, работать с которым все равно что исполнять музыку в стиле джагалбанди^[59]. Мы тесно сотрудничали, работая также над некоторыми книгами Рамеша. Его стремление к совершенству не знает границ. Временами это напоминает мне, как однажды Рамеш сказал мне: «Гаутам, вы такой перфекционист!» – «Едва ли, – ответил я ему – если сравнивать с вами».

Когда Рамеш дал мне экземпляр книги Вей Ву Вея, я был поражен его пометками. Некоторые фразы были подчеркнуты, причем разными цветами – красным, синим, черным... И на полях была расшифровка, указывающая, какой цвет что обозначает. Кроме того, были фразы, которые имели двойное подчеркивание! Мне пришлось использовать шестидюймовую линейку и карандаш, чтобы подчеркнуть то, что показалось важным мне. Я спросил Рамеша: «Иногда я думаю, к чему

быть перфекционистом, если девяносто девять процентов людей даже не заметят ваших усилий». Он отпарировал: «Для одного процента».

Чайтанья Балсекару за его поддержку после прочтения первых эссе.

Ма Маодини Сарсвати, Нан Умригар, Линде Рагсдейл, Киа Шерр, Мари Кокс, Мина Капур, Рохиту Арья, Нила Балу и Роджеру Кастилло за их вклад в различные эссе.

Ксерксес Бариа и Прийя Мета за их вклад в оформление обложки.

Виласу Наику за фото на задней стороне обложки.

С. К. Мулларпаттану за смешные истории, связанные с Махараджем.

Габриэль Халфон и др. Шириш Бхагвату, которые предоставили нужные факты.

Розелин Д'Мелло, Сунита Крипалани, Смрити Шоло и Пуджа Сингал за помощь в корректорской работе.

Гириш Жатар и Саньжай Маландкар, моим верным сотрудникам, за верстку и компоновку книги.

Взрыв любви

Гаутам Сачдева

Explosion of Love

Gautam Sachdeva

Примечания

1

Перифраз знаменитой фразы из французского поэта Поля Элюара
«*Il y a un autre monde mais il est dans celui-ci*».

[Вернуться](#)

2

«Изготовление золота Клеопатры».

[Вернуться](#)

3

Место для кремации.

[Вернуться](#)

4

The Buddha's Sword, Gautam Sachdeva, Yogi Impressions Books, 2009.
На русском: Меч Будды, Г. Сачдева, М: Амрита, 2014.

[Вернуться](#)

5

Вималананда (или Хаген Махардж) (1872–1908) – монах Ордена
Рамакришны, один из последователей Вивекананды.

[Вернуться](#)

6

Aghora – At the Left Hand of God, Robert E. Svoboda, Rupa & Co.

[Вернуться](#)

7

Pointers from Ramesh Balsekar, Gautam Sachdeva, Yogi Impressions, 2008. На русском: Указатели от Рамеша Балсекара, Г. Сачдева, М: Амрита. 2013.

[Вернуться](#)

8

Gautam Suchdeva – в переводе с санскрита фамилия автора означает «true» + deva «god», «lord» – «бог истины», автор оправдывает это имя, он правдив во всем, о чем он говорит. – Примеч. пер.

[Вернуться](#)

9

Игра слов «outstanding» (выдающиеся, из ряда вон выходящие, неординарные) и «stand out» (выходить).

[Вернуться](#)

10

Ид аль-Фитр, или Ураза-байрам, известен также как Праздник разговения (араб.) – исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан.

[Вернуться](#)

11

«Once in a blue moon» – идиома, означающая очень редкое явление; перевод – «раз в сто лет», «после дождичка в четверг» и т. д.

[Вернуться](#)

12

Водяной йог.

[Вернуться](#)

13

Рам (Рама) – это седьмая инкарнация Вишну и главный герой поэмы Рамаяна. Большинство индуистов считают Раму реально существовавшей исторической фигурой, царем, правившим большей частью современной Индии из своей столицы Айодхьи. Наряду с Кришной Рама является одной из самых популярных аватар Бога в индуизме.

[Вернуться](#)

14

Кусок материи, длиной около трех метров, который оборачивают вокруг талии и который закрывает ноги.

[Вернуться](#)

15

Йогаарадж Гурунатх Сиддханатх (Yogiraj Gurunath Siddhanath) родился в 1944 г., происходит из древнего семейства Икшавару Рама Солнечной династии. Несмотря на принадлежность к королевскому роду и роскошь жизни во дворце, он был сиддхой от рождения и уже в три года имел спонтанные переживания Истинного Я.

[Вернуться](#)

16

Шри Анандамайи Ма (30 апреля 1896-27 августа 1982) – индийская святая родом из Бенгала. Свами Шивананда описал ее как «самый прекрасный цветок, который вырос в Индии».

[Вернуться](#)

17

Древняя линия преемственности духовных мастеров, истоки которой относят к Господу Даттатрее. Даттатрея – глава и фактический основатель эзотерического ордена натхов (совершенных сиддха-йогов) и учитель Шивы.

[Вернуться](#)

18

Холм святого Михаила (англ. Glastonbury Tor) близ древнего города Гластонбери (графство Сомерсет, Англия) представляет собой естественное возвышение высотой 145 м, над которым вздымается средневековая башня церкви святого Михаила. Холм расположен в виде семи рукотворных уступов. Во время археологических раскопок выяснилось, что в III в. до н. э. здесь существовало значительное кельтское поселение, а в V в. н. э. – небольшая крепость. Холм св. Михаила издревле связан в народных поверьях с легендами о короле Артуре. В 1191 г. монахи близлежащего Гластонберийского аббатства объявили об обнаружении ими саркофагов с именами Артура и его супруги Гвиневры. В новое время холм привлекал внимание оккультистов и исследователей паранормальных явлений, которые признают его за портал в потусторонние миры (Авалон).

[Вернуться](#)

19

Мехер Баба (имя при рождении – Мерван Шериар Ирани; 25 февраля 1894 – 31 января 1969) – индийский мистик и духовный учитель, публично провозгласивший себя «аватаром века» в 1954 г.

[Вернуться](#)

20

Lord Meher, Bhau Kalchuri, Vol. 8, p. 2959, Sheriar Press.

[Вернуться](#)

21

Традиционная индийская одежда, свободная рубашка, доходящая до колен, которую носят как мужчины, так и женщины. Носится с легкими свободными штанами, затягивающимися на шнурке вокруг талии.

[Вернуться](#)

22

В системе оценивания от А до F C означает «средне», B+ – «очень хорошо».

[Вернуться](#)

23

Шани – планета Сатурн, одна из Наваграх (девяти небесных тел) в индийской астрономии и астрологии. В своей персонифицированной форме Шани – это дева, сын Сурьи (Солнца) от его жены Чхаи. Он старший брат индуистского бога смерти Ямы. Шани при жизни награждает или заставляет страдать человека за результаты его действий, тогда как Яма карает или вознаграждает индивида после его смерти.

[Вернуться](#)

24

A Twist in the Tale, London: Hodder & Stoughton, 1988 – изданный в 1988 году сборник коротких рассказов английского писателя и политика Джеффри Арчера.

[Вернуться](#)

25

Бургундцы – название политической партии, противостоявшей партии арманьяков во Франции во время Столетней войны.

[Вернуться](#)

26

В тринадцать лет Жанна впервые услышала голоса архангела Михаила, святой Екатерины Александрийской и, как считается, Маргариты Антиохийской, которые иногда являлись ей и в видимом облике. Спустя некоторое время они открыли Жанне, что именно ей суждено снять осаду с Орлеана, возвести дофина на трон и изгнать захватчиков из королевства.

[Вернуться](#)

27

Выдающийся персидский поэт-суфий начала XIII в.

[Вернуться](#)

28

Закон притяжения звучит примерно так: «Вы притягиваете в свою жизнь то, о чем больше всего думаете».

[Вернуться](#)

29

Magritte, in the Royal Museums of Fine Arts of Belgium, Brussels, Gisele Ollinger-Zinque.

[Вернуться](#)

30

Virtually Untouchable, artist: Sunil Gawde.

[Вернуться](#)

31

Yogirajadhiraj Swami Vishuddhanand Paramahansadeva. Life & Philosophy, Nand Lal Gupta, Vishwavidyalaya Prakashan, Varanasi. Vishuddhanand Paramahansadeva в России известен под именем Гандха Баба («Благоухающий святой»). См.: Парамаханса Йогананда, Автобиография йога, глава 5, «„Благоухающий святой“ показывает чудеса».

[Вернуться](#)

32

Шри Сиддхарамешвар Махарадж (умер в 1936 г.) – один из величайших джняни своего времени. На Западе он приобрел известность благодаря своим знаменитым ученикам Шри Нисаргадатте Махараджу и Шри Ранджиту Махараджу.

[Вернуться](#)

33

Master of Self-Realization, Sri Siddharameshwar Maharaj, Sri Sadguru Trust.

[Вернуться](#)

34

Магадха – древняя страна и историческая область в Индии, упоминаемая еще в «Рамаяне» и «Махабхарате», управлялась царями-буддистами.

[Вернуться](#)

35

Ангулимала – один из персонажей Типитаки, собрания буддийских текстов. По каноническому сюжету Ангулимала – это серийный убийца, превратившийся после встречи с Буддой в буддийского монаха.

[Вернуться](#)

36

The Sacred India Tarot, Rohit Arya and Jane Adams, Yogi Impressions.

[Вернуться](#)

37

Pointers from Nisargadatta Maharaj, Ramesh Balsekar, Chetana.

[Вернуться](#)

38

Talks with Sri Ramana Maharshi, Sri Munagala Venkataramiah, Sri Ramanasramam.

[Вернуться](#)

39

Beyond Freedom, Talks With Sri Nisargadatta Maharaj, Yogi Impressions, 2007.

[Вернуться](#)

40

Prima facie (лат.) – с первого взгляда, по первому впечатлению.

[Вернуться](#)

41

Буквально джагалбанди означает: «обнявшиеся близнецы» – тип дуэта в индийской классической музыке, когда два музыканта, играющие на разных инструментах, исполняют одно произведение и каждый при этом солирует.

[Вернуться](#)

42

Кумбха-мела – уникальный индуистский религиозный фестиваль, который отмечают каждые шесть лет; каждые двенадцать лет Индия празднует Маха Кумбха-мела. Это одно из самых массовых духовных событий человечества.

[Вернуться](#)

43

Нага-бабы – секта поклоняющихся Шиве садху, ее члены живут обнаженными, что символизирует их отречение от материального мира. Они натирают тела пеплом священных костров – символов смерти и перерождения.

[Вернуться](#)

44

Слава божественному гуру! Победу Богу Богов Шиве!

[Вернуться](#)

45

Авиакомпания, флагманский перевозчик Индии, осуществляющая пассажирские и грузовые авиаперевозки внутри страны и за ее пределами.

[Вернуться](#)

46

Подробное изложение этой выдержки из речи Дали можно найти в книге Salvador Dali by Norbert Wolf, Parragon.

[Вернуться](#)

47

The Ultimate Understanding, R. Balsekar, Watkins, 2006.

[Вернуться](#)

48

RSB – Рамеш Садашива Балсекар.

[Вернуться](#)

49

The End of Duality, R. Balskar, Yogi Impressions, 2009.

[Вернуться](#)

50

A Duet of One, R. Balsekar, the Ashtavakra Gita Dialog, Advaita Press, 1989.

[Вернуться](#)

51

Мастер Чарльз Кэннон (Charles Cannon) – выдающаяся фигура в области современной духовности, визионер и первопроходец эволюции человеческого сознания. В 1983 г. основал Фонд синхронности в современной духовности (Synchronicity Foundation for Modern Spirituality), разработал метод медитации с использованием высоких технологий (High-Tech Meditation).

[Вернуться](#)

52

Курта – это свободная рубашка, доходящая до колен, которую носят как мужчины, так и женщины.

[Вернуться](#)

53

The Times of India, Mumbai Mirror, Sept. 25, 2009.

[Вернуться](#)

54

Роберт Ли Фрост (Robert Lee Frost, 1874–1983 гг.) – один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).

[Вернуться](#)

55

The Times of India, Mumbai Mirror, Sept. 3, 2010.

[Вернуться](#)

56

Наксалиты — неофициальное название вооруженных коммунистических, преимущественно маоистских, группировок в Индии. Название происходит от местности, где произошли первые выступления.

[Вернуться](#)

57

The Ultimate Understanding, Ramesh S. Balsekar, Yogi Impressions, 2006.

[Вернуться](#)

58

Seeking Divinity, Dr. John Hislop, Sri Sathya Sai Sadhana Trust.

[Вернуться](#)

59

Дуэт двух солистов, играющих на разных инструментах.

[Вернуться](#)